

*Посвящается
памяти ветеранов –
узников фашистских
концлагерей
1941–1944*

**Мы
еще
живы!**

Судьбы бывших малолетних узников фашистских концлагерей

Автор-составитель

К. А. Нюппиева

Издательство «Острова»

Петрозаводск

2023

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2)622,6-9(2Рос.Кар)
М 94

Книга издана в рамках проекта Ассоциации «Карельский ресурсный Центр общественных организаций» «Межнациональные отношения в современном мире: новые вызовы — пути решения», реализуемого на основании договора о предоставлении гранта в форме субсидии Фондом грантов Главы Республики Карелия № Р10-22-1-000158 от 15.12.2022 и софинансирования общественной организации КС БМУ

М 94 Мы еще живы! : судьбы бывших малолетних узников фашистских концлагерей / автор-составитель — К. А. Нюппиева; [редактор — Юрий Шлейкин; фотографии: В. Голубев и др.] — Петрозаводск: Острова, 2023. — 256 с.: фот. — Посвящается памяти ветеранов — узников фашистских концлагерей 1941–1944. — Библиография: с. 16. — ISBN 978-5-98686-136-4

Автор-составитель книги многие годы возглавляла общественную организацию «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» (КС БМУ). К. А. Нюппиева сама была малолетней узницей. Она вместе со своими сестрами и другими детьми запечатлена на знаменитой фотографии военного корреспондента Галины Санько «Узники нацизма». Эта фотография была сделана в конце июня 1944 года после освобождения Петрозаводска.

В книгу входят воспоминания бывших малолетних узников финских концлагерей, которые были созданы на оккупированной территории Советской Карелии в годы Великой Отечественной войны.

В центре воспоминаний трагические судьбы семей жителей Карелии и Ленинградской области, насильно размещенных в этих лагерях. Авторы рассказывают о жестокости оккупантов, в том числе по отношению к детям, а также о примерах взаимопомощи и поддержки соотечественников.

Ряд материалов посвящен большой работе общественной организации КС БМУ по защите прав малолетних узников, социальной поддержке ветеранов, по увековечиванию памяти жертв концлагерей и патриотическому воспитанию молодежи.

Книга адресована широкому кругу читателей, всем, кто интересуется историей России и краеведением. 12+

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2)622,6-9(2Рос.Кар)

ISBN 978-5-98686-136-4

© Нюппиева К. А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Острова», 2023

Знать и беречь историческую правду о Великой Отечественной войне

Уважаемые читатели!

«Война» — это самое страшное слово во все времена существования человечества, несущее в себе разруху, боль и слезы. У нее нет рода, национальности и даже конца, ведь воспоминания о тяжелых днях на всю жизнь остаются в душах людей, на долю которых выпала такая грозная ноша.

Жесточайшей формой порабощения воли и свободы человека были концентрационные лагеря в годы Второй мировой войны, погубившие многие тысячи невинных судеб. К сожалению, эта печальная страница истории не обошла стороной нашу республику в период 1941–1944 годов.

Финляндия — союзница нацистской Германии — захватила значительную часть территории Карело-Финской ССР и установила почти на три года жестокий оккупационный режим. Как отмечают современные отечественные историки, сложно найти оккупированную территорию Советского Союза, где бы противник создал такое большое количество мест принудительного содержания, как в Карелии. После эвакуации в ней осталось чуть более 86 тысяч человек.

Здесь было создано свыше 100 различных мест принудительного содержания. В том числе: концентрационных лагерей для гражданского населения — 14; трудовых лагерей — 34; мест заключения советских военнопленных — 42; тюрем — 9; колоний — 1. При

*Сергей Викторович
Киселев*

*Петрозаводск в период финской оккупации. 1944.
Военный архив Финляндии*

этом концентрационные и трудовые лагеря имели филиалы на всей оккупированной территории, охватывая практически все населенные пункты захваченной части Карелии.

По приказу маршала Маннергейма в концлагеря для гражданского населения направляли преимущественно этническое русское население. Общая численность заключенных в этих лагерях советских граждан доходила до 24 тысяч человек. Многие из них погибли от голода, болезней, побоев, жестоких условий труда и быта.

Финские надзиратели, отличавшиеся циничным равнодушием и безжалостностью, не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин, держали их в голоде и принуждали к мучительному физическому труду. По воспоминаниям заключенных, в том числе малолетних узников, жестокостью отличались все лагеря в Петрозаводске, где оккупанты устраивали показательные избиения взрослых и детей.

Без содрогания невозможно воспринимать чудовищные рассказы людей, переживших горе и ужас тех дней и ставших свидетелями массовых зверств. Листая книгу, без прикрас описывающую судьбы заключенных лагерей смерти — взрослых и детей, понимаешь, насколько серьезна, но в то же время актуальна эта тема.

*Акция «Бессмертный полк» в Петрозаводске.
9 мая 2016 года.*

Историческую правду о Великой Отечественной войне и ее трагических страницах должен знать каждый, чтобы воспитывать в себе и детях взаимоуважение, сострадание и любовь к людям. Однако мы все реже вспоминаем те страшные годы, которые пережили близкие нам люди: отцы и деды, матери и бабушки.

Ветеранов войны становится все меньше и меньше, уходят и бывшие малолетние узники концлагерей. Поэтому наша святая обязанность — помнить о них и оказывать им всестороннюю поддержку.

Именно благодаря таким книгам память о тех, кто выстоял в суровых реалиях войны, хранится столетиями и передается от старшего поколения к младшему.

Понимая, какой нелегкой ценой досталась победа, я искренне благодарен всем, кто доблестно защищал нашу Родину и подарил нам мирное небо над головой!

*С. В. КИСЕЛЕВ,
министр национальной и региональной политики
Республики Карелия*

Первая конференция КС БМУ. На переднем плане слева — К. А. Ньюпиева и Ю. И. Пирожков. В президиуме — избранные члены совета КС БМУ. Петрозаводск. Ноябрь 1989 года. Архив КС БМУ

Первая конференция КС БМУ. Петрозаводск. Ноябрь 1989 года. Архив КС БМУ

Наш союз

Из истории общественного движения

Общественное движение бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей в Карелии началось в мае 1966 года, когда в газете «Ленинская правда» был опубликован снимок военного корреспондента Г. З. Санько, сделанный ею в освобожденном Петрозаводске в июне 1944 года — у ключей проволоки стоит группа детей, а на столбе прикреплен щит с надписью: «Вход в лагерь и разговор через проволоку воспрещен под угрозой расстрела».

Известный журналист и писатель Исаак Бацер провел поиск детей с этого снимка и написал книгу воспоминаний бывших узников «Десант в полдень», которая вышла двумя изданиями — в 1974 и 1984 годах.

Долгое время были известны имена лишь нескольких бывших узников финских концлагерей, хотя было ясно, что многие из освобожденных в 1944 году мирных жителей Карелии продолжают жить в республике и Петрозаводске, но они не спешили поведать о своей судьбе, поскольку отношение к людям, побывавшим в оккупации, было настороженным, как к политически неблагонадежным.

Снимок же получил широкую известность и стал символом угнетения узников концлагерей. В 1966 году автор фоторепортажа «Узники фашизма 22 года спустя» Г. З. Санько получила главный приз — золотую медаль — на Международной фотовыставке «Интерпресс-фото-1966».

В июне 1988 года по инициативе Детского фонда и его председателя писателя А. А. Лиханова и журналиста В. В. Литвинова в Киеве состоялся первый съезд бывших малолетних узников фашизма, собравший около 800 человек со всего Советского Союза.

На нем впервые прозвучали слова признания, обращенные к людям трагической судьбы — бывшим узникам нацистских концлагерей, и слова покаяния за долгое непризнание подвига выживания в жестоких условиях неволи. Позже эти слова произнесли канцлер Германии Г. Шредер и Президент России В. В. Путин — к 60-летию освобождения концлагеря Освенцим.

*Клавдия Александровна
Нюппиева. 1985*

В Киеве был организован союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей, который стал международным, объединив более 900 тысяч бывших узников. Началась организация региональных объединений. К этому времени уже были приняты первые постановления Правительства СССР о распространении некоторых льгот участников Великой Отечественной войны на бывших малолетних узников.

В Карелии первая встреча бывших узников финских концлагерей состоялась в сентябре 1989 года по просьбе Хелге Сеппяля — финского военного историка, в 1942 году солдата оккупационных войск в Петрозаводске, издавшего в Финляндии в 1989 году книгу «Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах».

По словам директора научно-исследовательского института Йохана Бекмана, работа Хелге Сеппяля необычна тем, что в ней прямо и четко, на основе неопровержимых документов рассказывалось о деятельности финских оккупантов в Карелии в 1941–1944 годах: приведены тщательное описание расовой дискриминации, сведения о концентрационных лагерях для лиц славянской национальности. Эти лагеря на практике были лагерями смерти. Описаны жестокий режим содержания и наказаний, голод, высокая смертность. Работа Сеппяля доказала, что финская оккупация носила фашистский характер.

На первую встречу собрались 35 человек. Была создана ассоциация бывших узников финских концлагерей.

Встреча бывших узников с финскими журналистами. Слева направо: оператор Кари Ахола, К. А. Нюппиева, Т. В. Шляхтенкова, В. А. Новожилов, Л. П. Макеева, радиожурналист Лиза Ховинхеймо. Петрозаводск. Октябрь 1994 года. Архив КС БМУ

В ноябре 1989 года по инициативе Карельского отделения Детского фонда под руководством Ю. И. Пирожкова состоялась первая конференция Карельского союза бывших малолетних узников (КС БМУ) фашистских концлагерей. Возглавила союз К. А. Нюппиева.

Председателями КС БМУ в разные годы были К. А. Нюппиева (1989–1992, 1995–1998), В. Н. Мизко (1992–1995), Т. В. Шляхтенкова (1998–2001), Л. П. Макеева (2001–2004). С мая 2004 по ноябрь 2022 года организацию вновь возглавляла К. А. Нюппиева. С ноября 2022 года организацией руководит Л. П. Макеева.

На первой конференции присутствовало более 600 бывших узников из Карелии и Ленинградской области. При вместимости зала Дворца творчества детей и юношества 400 мест были заняты все ступеньки и проходы.

К 1995 году число вступивших в союз достигло 1560 человек. И еще 600 человек из городов России прислали заявления.

В 2022 году в Карелии насчитывалось 1017 бывших узников, из них 903 — в Петрозаводске. В общественной организации КС БМУ состоят 103 человека (в 2005 году в Карелии было 5960 бывших узников, в Петрозаводске — 4000). Более 80 % бывших узников имеют группу инвалидности.

География проживания бывших узников финских концлагерей широка: от Мурманска до Ташкента и от Эстонии и Латвии до Прибайкалья. Анкеты для вступления в наш союз присылали из Белоруссии, Украины, Башкирии, Татарстана, из 30 городов России, городов и поселков Карелии. Активно работают районные организации в Олонце, Кондопоге, Сортавале.

Задачами деятельности карельского союза, как и всего движения бывших малолетних узников фашистских концлагерей, являются объединение людей общей судьбы, взаимопомощь и поддержка в отстаивании общих интересов, сохранение памяти о жертвах концлагерей, воспитание уважения у молодежи к жертвам войны старшего поколения.

На первом этапе работа была сосредоточена на учете бывших узников, помощи в поиске архивных данных о пребывании в концлагерях и иных местах принудительного содержания, что было необходимо для получения удостоверения бывшего малолетнего узника, дающего право на льготы участников и инвалидов ВОВ.

Затем была борьба за полное предоставление продекларированных льгот: дискуссии с органами соцзащиты, обращения во властные структуры Республики Карелия и России, массовые выступления и митинги бывших узников. Не все вопросы социальной поддержки

Бывшие малолетние узники на встрече, посвященной 50-летию Победы. Выступает К. А. Нюппиева. Петрозаводск. 9 мая 1995 года

бывших узников решены и ныне. Наиболее остро стоит проблема неполного предоставления льгот бывшим узникам согласно Указу Президента России 1992 года. Это связано с тем, что нас забыли внести в Закон о ветеранах 1995 года в отличие от жителей блокадного Ленинграда, а теперь и осажденных Севастополя и Сталинграда.

Все чиновники в органах соцзащиты и Пенсионного фонда руководствуются этим законом 1995 года, несмотря на то что в Законе 2004 года № 122 дословно сказано, что несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей предоставляются все меры социальной защиты, предусмотренные для участников и инвалидов ВОВ.

Союз обращался к президентам Финляндии Мартти Ахтисаари и Тарье Халонен, но получил отказ в выплате компенсации со ссылкой на мирный договор 1947 года, в котором нет требований СССР о выплате компенсаций гражданам, пострадавшим от Финляндии.

Своим гражданам, пострадавшим во время Второй мировой войны, финляндским государством компенсации выплачены.

— Самой большой компенсацией было бы моральное признание, что финны были оккупантами. Финляндия была заодно с фашистами и вела в Восточной Карелии жестокую расовую войну, а целью оккупационного правительства было полностью уничтожить русский народ совместно с нацистской Германией, — говорил историк и политолог Йохан Бекман (Финляндия).

В Финляндии полностью запрещено употребление термина «фашизм», когда речь идет об оккупации Карелии в 1941–1944 годах.

Не является редкостью и то, что концентрационные лагеря в Петрозаводске в финских СМИ описываются чуть ли не как санатории, целью создания которых было освобождение местного населения «от большевистского гнета». В тех случаях, когда жестокость, имевшую место в концлагерях, нельзя не признать, финские СМИ напоминают, что в немецких концлагерях условия были гораздо хуже, имея в виду лагерь уничтожения (газета «Карелия», 17 мая 2005 года).

Совет Карельского союза решил обратиться в Европейский суд по правам человека против финляндского государства. Военные преступления не имеют срока давности. За нарушение прав человека положена компенсация. Но Уездный суд Хельсинки по запросу получил объяснение от Главного штаба Финляндии, что все претензии к Финляндии не обоснованы. Все было по законам военного времени, нет признаков военного преступления. Поэтому иск, предъявленный от имени К. А. Нюппиевой, не может быть удовлетворен. Этот иск был мною направлен в 2007 году для создания прецедента.

Совет Карельского союза БМУ проводит большую работу по патриотическому воспитанию молодежи, передаче эстафеты памяти о Великой Отечественной войне подрастающему поколению.

Много лет, начиная с 1989 года, мы сотрудничаем с музеем «Дети войны» в лицее № 13. В нем есть экспозиция, посвященная узникам петрозаводских концлагерей. Бывшие узники часто выступают с воспоминаниями о пережитом в годы войны перед школьниками в этом лицее, во многих других школах Петрозаводска.

Определенное сотрудничество осуществляется с Петрозаводским государственным университетом, кафедрой новейшей истории.

Члены совета Т. В. Шляхтенкова и К. А. Нюппиева участвовали в научных конференциях, посвященных юбилеям Победы и другим памятным датам, связанным с историей Великой Отечественной войны.

Одним из основных направлений работы Совета является чествование участников ВОВ — бывших малолетних узников, которые после освобождения из концлагерей успели принять участие в боях и получить боевые награды, а также увековечение памяти жертв нацистских концлагерей.

Были реализованы специальные проекты, созданы памятные альбомы, которые торжественно вручали ветеранам вместе с цветами и подарками.

Бывшие малолетние узники на митинге у здания Правительства Республики Карелия. 28 июня 2004 года

На местах концлагерей в Петрозаводске и поселке Ильинском Олонецкого района в дни освобождения от оккупации открыты памятные знаки с мемориальными досками. Эта работа в Петрозаводске будет продолжена.

Совет ежегодно проводит панихиду и митинг у мемориала на кладбище «Пески», где похоронены в братских могилах-рвах тысячи детей и стариков — жертвы концлагерей города Петрозаводска.

В 1999 году на собранные средства бывших узников, школьников и помощь Правительства Карелии была проведена реконструкция мемориала и возведен скромный памятник «Жертвам оккупации», в 2005 году, к 60-летию Победы, заменена плита с надписью: «Памяти узников концлагерей г. Петрозаводска и жертв оккупации 1941–1944». Открыта она 9 мая 2005 года. Эта работа продолжалась и далее.

В 2014 году, к 70-летию освобождения Петрозаводска, три новых мемориальных плиты украсили мемориал, созданный в 1969 году к 25-летию освобождения города.

В июне 2017 года на кладбище «Пески» был торжественно открыт величественный мемориал в память жертв узников концлагерей Петрозаводска.

В Международный день освобождения узников, 11 апреля, и в день освобождения Петрозаводска мы традиционно проводим встречи бывших узников. Отмечаем вместе День пожилого человека в октябре и декаду инвалидов в декабре. Карельский союз поддерживает связи с узниками петрозаводских концлагерей, проживающими за пределами Республики Карелия и России.

Наш союз сотрудничает с другими общественными организациями Петрозаводска: обществом жителей блокадного Ленинграда, обществом инвалидов, общественной организацией «Земля Заонежья».

Актив нашей общественной организации — это многие бывшие узники. Всем им самая сердечная благодарность и низкий поклон.

Особая роль в общественных делах многие годы была у нашего активиста А. М. Варухина. Он как художник принимал самое непосредственное участие в разработке и проектировании памятных знаков, в оформлении альбомов, помещения КС БМУ, книги «Плененное детство».

Большую помощь организации оказывал поэт и народный писатель Республики Карелия И. А. Костин (1931–2015). Он является собирателем и редактором сборников воспоминаний бывших малолетних узников. Первый сборник «Судьба» был издан в 1999 году — к 10-летию союза, второй — «Плененное детство» — вышел в 2005 году, к 60-летию Победы, в дни освобождения Петрозаводска. Эта книга также является вкладом в увековечение памяти жертв концлагерей, служит правдивому отражению истории ВОВ в воспоминаниях последних ее свидетелей.

Деятельность нашего союза была бы очень затруднена без помощи Правительства Республики Карелия, ряда министерств республики, Администрации города Петрозаводска в таких значительных делах, как реконструкция мемориала, создание памятных знаков, издание сборников воспоминаний.

Большую помощь в работе, в проведении мероприятий и встреч нам оказывали многие предприятия, организации, ряд депутатов Законодательного Собрания РК и Петросовета.

Информационную поддержку находим у ГТРК «Карелия», в газетах «Медведь», «ТВР-Панорама», «Губерния».

О Карельском союзе БМУ и о бывших малолетних узниках часто пишут в СМИ Карелии и России, снимают документальные и художественные фильмы.

От имени членов карельского союза приношу всем глубокую благодарность! Союз наш живет, и мы еще живы!

*К. А. НЮППИЕВА (СОБОЛЕВА),
председатель Карельского союза бывших малолетних узников
фашистских концлагерей (1989–1992, 1995–1998, 2004–2022),
бывшая малолетняя узница Петрозаводского концлагеря № 6*

Основная литература

Бацер И. М. Десант в полдень: по следам одной фотографии: [судьбы детей — малолетних узников]. — 2-е изд., доп. — Петрозаводск: Карелия, 1984. — 86 с.

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: сборник документов / ответственный составитель: Е. В. Усачева; автор научной статьи: С. Г. Веригин. — Москва: Фонд «Связь эпох»: Кучково поле, 2020. — 405 с.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2009. — 541 с.

Козыревская Н. П. Дети войны: [воспоминания членов общественной организации «Малолетние узники фашистских концлагерей» г. Сортавалы]. — Петрозаводск: ФорEVER, 2011. — 51 с.

Котты Рейно. Век буду помнить. По воспоминаниям петрозаводчанки Варвары Пудриной. — Петрозаводск: Острова, 2019. — 384 с.

Куломаа Юка. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Перевод с финского. Научный редактор и редактор перевода Ю. М. Килин. — Петрозаводск: Военно-историческое общество Республики Карелия, 2006. — 277 с.

Лукьянов В. С. Трагическое Заонежье : документальная повесть / Василий Лукьянов. — Петрозаводск, 2004. — 253 с.

Остапчук Г. Ю. Непридуманная связь поколений. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников концлагерей — жителей Кондопожского муниципального района. — Кондопога, 2020. — 104 с.

Плененное детство: сборник воспоминаний бывших малолетних узников / Карельский союз бывших малолетних узников, Общество «Земля Заонежья»; составители: И. А. Костин, К. А. Нюппиева. — Петрозаводск: Фолиум, 2005. — 104 с.

Судьба: сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей / Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей; редактор-составитель И. А. Костин. — Петрозаводск: Типография им. П. Ф. Анохина, 1999. — 74 с.

Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / Петрозаводский государственный университет [составители и научные редакторы: А. В. Голубев, А. Ю. Осипов]. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. — 211 с.

Шадрова Лидия. Последние свидетели войны. К 60-летию Великой Победы. — Подporожье. 2005. — 102 с.

Юсупова Л. Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии / Л. Н. Юсупова // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. — Москва, 2005. — 345 с.

Mikkola M.-L. Menetetty lapsuus: Suomalaismiehittäjien vankeudessa, 1941–44 / Marja-Leena Mikkola. — Helsinki: Tammi, 2004. — 338 s.

Без срока давности

Геноцид в период финской оккупации Карелии (1941–1944)

В период Второй мировой войны Финляндия — союзница нацистской Германии — выступила против СССР на севере, захватила значительную часть территории Карело-Финской ССР и установила почти на три года жестокий оккупационный режим.

В рамках реализации федерального проекта «Без срока давности» в Петрозаводске силами научных сотрудников Национального архива Республики Карелия (НАРК) с привлечением студентов ПетрГУ был подготовлен региональный том сборника архивных документов «Без срока давности», посвященный оккупационной политике Финляндии на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 годах и раскрывающий преступления финского оккупационного режима против мирных граждан. Я принимал участие в этом проекте и написал вступительную статью.

В процессе подготовки сборника архивных документов мы поставили задачу расширить источниковедческую базу проблемы, понимая, что значительная часть архивных документов находится в ведомственных архивах Республики Карелия.

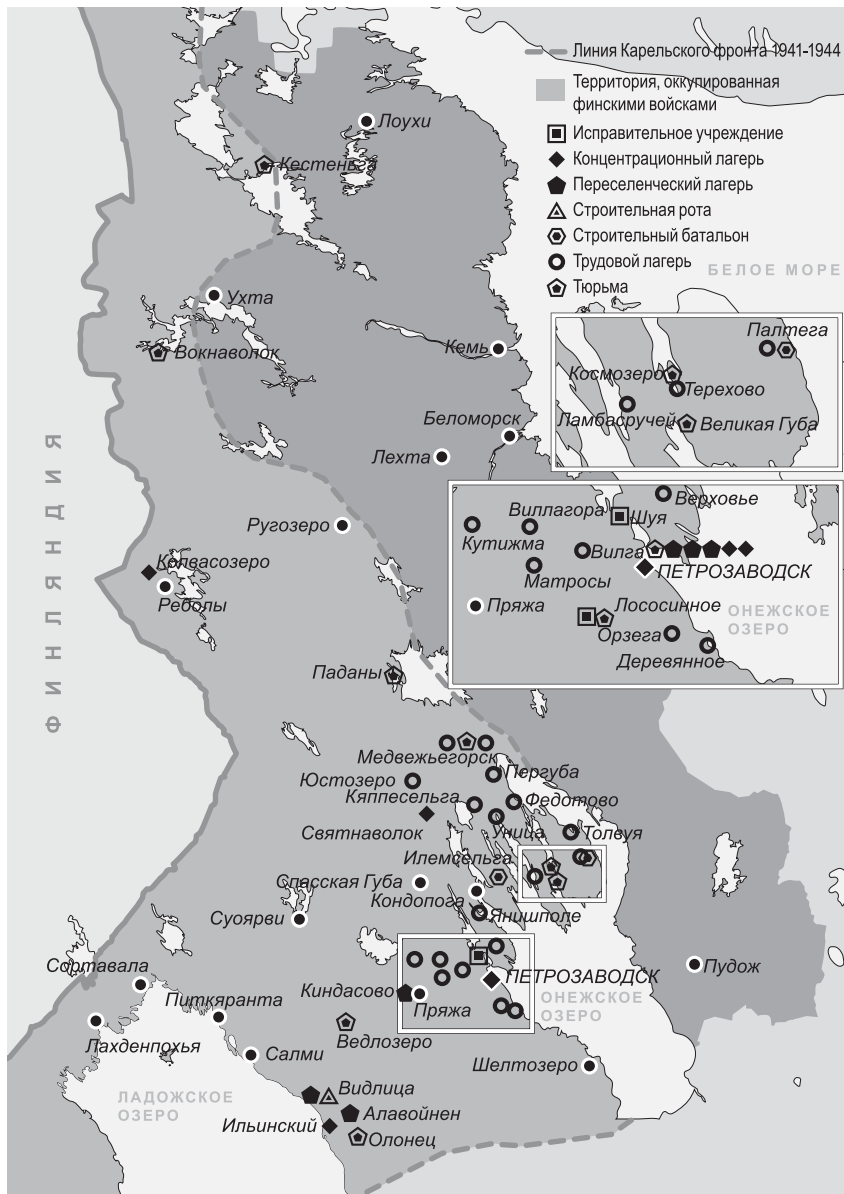
НАРК сделал официальный запрос в адрес Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (УФСБ РФ по РК) и получил положительный ответ.

В середине апреля 2020 года более 4 тысяч рассекреченных архивных документов, посвященных оккупационной политике Финляндии на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах, были переданы из ведомственного архива в НАРК. Часть из них вошла в региональный том, издание которого было осуществлено в ноябре 2020 года и приурочено к 75-летию Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками.

Рассекреченные архивные документы значительно расширяют наши знания об оккупационной политике Финляндии на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах. Они убедительно показывают, что суть этой политики состояла в создании чистого

*Сергей Геннадьевич
Веригин*

Финские концентрационные (переселенческие) лагеря гражданского населения на территории оккупированной Карелии (1941–1944). Из книги С. Г. Веригина «Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.» (Петрозаводск: Издательство ПетрГУ — 2009)

в этническом отношении государства — Великой Финляндии, в которую бы вошла и территория Восточной (российской) Карелии.

Местное финно-угорское население республики (карелы, вепсы, ингерманландцы, финны) должно было стать гражданами этого государства, а русское население необходимо было изолировать и заключить в концлагеря с целью дальнейшего выселения за пределы Великой Финляндии — на территории, оккупированные нацистской Германией. Архивные источники показывают, что финские оккупанты строго следили за этнической чистотой и беспощадно карали за попытки ее нарушения.

В 1941–1944 годах две трети территории Советской Карелии попали в зону финской оккупации, включая столицу — город Петрозаводск, города Кондопогу и Медвежьегорск. Военное управление Восточной Карелии (ВУВК), исходя из утвержденных основ национальной политики по разделению местного населения на привилегированное национальное (финно-угорское) и «чуждое» не национальное (русское и других национальностей), с первых дней оккупации начало создавать концентрационные лагеря и другие места принудительного содержания, прежде всего для русского населения.

Анализ оккупационной политики финского режима показывает, что по многим параметрам финские власти на оккупированной территории Карелии ввели оккупационный режим значительно более жестокий, чем тот, который установила нацистская Германия на оккупированной части СССР.

Сложно найти оккупированную территорию Советского Союза, где бы противник создал такое большое количество мест принудительного содержания, как в Карелии, где после эвакуации осталось чуть более 86 тысяч человек, — свыше 100 различных мест принудительного содержания. В том числе: концентрационные лагеря для гражданского населения — 14; трудовые лагеря и аналогичные им трудовые подразделения — 34; лагеря и роты для советских военнопленных — 42; тюрьмы — 9; колонии — 1. При этом у концентрационных и трудовых лагерей были филиалы на всей оккупированной территории, были охвачены практически все населенные пункты оккупированной Карелии.

Оставшуюся часть русского населения поместили в специально определенные места принудительного содержания — деревни и села, жизнь в которых мало чем отличалась от жизни в концлагерях: в них население было изолировано от окружающих, ограничено в передвижении, находилось под строгим контролем охраны, вынуждено было работать на оккупантов.

Составленная финляндским бюро по народонаселению статистика свидетельствует, что уже к концу 1941 года в концлагерях на оккупированной территории Карелии находилось около 20 тысяч человек, в подавляющем большинстве — русские.

Наибольшее их количество пришлось на начало апреля 1942 года — около 24 тысяч человек или около 27 % от всего населения, находившегося в зоне оккупации. Это довольно высокий процент с точки зрения международного права. К концу 1942 года численность заметно уменьшилась — как из-за большой смертности в лагерях, так и из-за того, что часть людей освободили или отправили в трудовые лагеря. После этого на протяжении всех оставшихся месяцев финской оккупации Карелии численность колебалась между 15 и 18 тысячами человек или составляла около 20 % от всего попавшего в оккупацию населения.

Крупнейшим центром сосредоточения концентрационных лагерей стал Петрозаводск, на территории которого было создано 6 концлагерей: на Кукковке — лагерь № 1, на «Северной точке» — лагерь № 2, в районе лыжной фабрики — лагерь № 3, на Голиковке — лагерь № 4, в «Красной деревне» — лагерь № 5 и на Перевалочной бирже — лагерь № 6.

Нехватка продовольствия, тяжелая изнурительная работа, массовые эпидемические заболевания резко ухудшали состояние заключенных. Во всех концлагерях была исключительно высокая смертность. По воспоминаниям бывших узников финских концлагерей, ежедневно умирали десятки людей, трупы которых свозили на кладбище по 2–3 раза в неделю. Уровень естественной смертности в финских концлагерях в 1942 году был даже большим, чем в немецко-фашистских (13,75 % против 10 %). Смертность свободных жителей Карелии в 1942 году составила 2,6 %, а жителей в Финляндии — 1,31 %.

До сих пор нет точных данных о том, сколько советских людей погибло в финских концлагерях для гражданского населения. Финский историк А. Лайне отмечает, что «за летние месяцы 1942 года около 4500 человек из 22000 умерло от недоедания и болезней. Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась».

В материалах Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений финских оккупантов называется цифра свыше 7 тысяч погибших за годы оккупации лишь в петрозаводских концлагерях. Этой проблемой занимался карельский историк К. А. Морозов. По его данным, в результате тяжелого принудительного труда, плохого питания, голода, эпидемий, в результате рас-

Размещение концентрационных (переселенческих) лагерей в Петрозаводске. Из книги Ю. Куломаа «Финская оккупация Петрозаводска 1941–1944 гг.», Петрозаводск, 2006

стрелов погибло свыше 14 тысяч советских людей или 1/5 часть оставшихся на оккупированной территории. В эту цифру входят погибшие и умершие не только в лагерях, но и на всей захваченной территории Восточной Карелии.

В этой связи стоит согласиться с мнением финского военного историка Х. Сеппяля, который пишет: «На самом деле мы не знаем, сколько советских людей умерло в наших концлагерях, не знаем, сколько находившихся на свободе людей умерло во время войны, и не знаем, сколько карелов и вепсов, увезенных в Финляндию, осталось там по окончании войны. Надо признать, что списки умерших штабом Военного управления составлены крайне небрежно. На основании их данных можно сделать лишь очень приблизительные выводы, если это вообще возможно. Об именах умерших в концлагерях, датах их рождения и причинах смерти нет никаких упоминаний. Некоторые из умерших занесены в списки дважды, другие не записаны вовсе. Из списков невозможно получить сведения о количестве умерших. Сведения 1942 года еще как-то читаемы. Но сведения 1943 года совершенно запутаны.

Списки являются подтверждением того, насколько безразлично относились финны к заключенным».

Финские исследователи, отстаивая цифру в 4 тысячи погибших мирных граждан, ссылаются при этом на списки умерших в оккупированном Петрозаводске, которые в середине 1990-х годов были переданы из Военного архива Финляндии в Национальный архив Республики Карелия. Но, во-первых, эти данные охватывают только период с февраля 1942 года по июнь 1944 года, а люди умирали и ранее — во второй половине 1941 года — начале 1942 года; во-вторых, сами списки умерших вели крайне небрежно, мы видим много перечеркнутых фамилий или вписанных дважды.

Следует признать, что для оккупантов погибшие русские люди не являлись существенным вопросом. Мы до сих пор не знаем точной цифры, сколько мирного гражданского населения погибло в концлагерях на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах. Сейчас над этой проблемой стали работать студенты-историки ПетрГУ, они изучают списки и уточняют фамилии умерших в концлагерях.

Преступления против мирного гражданского населения на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах и в городе Петрозаводске, ставшем в годы войны главным центром сосредоточения концлагерей, не обезличены. Многочисленные архивные документы, в том числе рассекреченные совсем недавно, из фондов ведомственных архивов Карелии, свидетельские показания узников финских концлагерей называют конкретных исполнителей преступной политики финского оккупационного режима — руководство ВУВК, начальников и комендантов концлагерей и трудовых лагерей города Петрозаводска и оккупированных районов республики, охранников и надзирателей финских концлагерей.

Заключенный концлагеря № 2 города Петрозаводска К. И. Богданович на допросе 18 июля 1944 года рассказал: «Этот режим издевательств и истребления советских людей был введен палачом в роли коменданта лагеря, офицером финской армии лейтенантом Тимо Саловаара и его заместителем сержантом Вейкко Линдхольмом. Саловаара лично избивал советских людей за малейшие проступки, виновных избивали до полусмерти. Каждому финскому солдату из охраны лагеря разрешалось избивать людей по его усмотрению. Этим же Саловаара была организована «будка», то есть карцер, представляющий из себя холодное, неотапливаемое помещение, куда зимой проникал снег, и людей по «приговору» Саловаара заточали в этот карцер на срок от 3 до 60 дней».

Заключенная тюрьмы в деревне Киндасово А. И. Егорова на допросе 19 июля 1944 года назвала фамилии истязателей: «Издевательства и избиения заключенных были любимым занятием всей охраны тюрьмы деревни Киндасово. Не проходило дня, чтобы когонибудь из заключенных не били. Особыми зверствами и изощренными методами издевательств отличались начальник тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники сержанты Ковала и Сихвонен, которые не только избивали заключенных, но без следствия и суда расстреливали невинных советских граждан, брошенных в тюрьму».

О финском садисте Сеппеля на допросе рассказала бывшая заключенная концлагеря № 6 города Петрозаводска А. А. Рогачева-Луканичева: «В 1942 году в Песках начальник охраны пленных Сеппеля выстрелом из пистолета убил мальчика Петю, убил только за то, что последний от невыносимого голода вынужден был зайти в палатку финских солдат просить кусок хлеба».

О зверствах охранника этого же лагеря рассказала его бывшая заключенная Д. В. Савина: «В 1943 году фашистский палач Тойвала из охраны лагеря избивал моего сына Захарьева Сергея Яковлевича только за то, что его жена без пропуска ходила в город за покупкой хлеба. От сильных побоев мой сын частично лишился слуха и несколько дней болел, не мог двинуться с места». Тот же палач Тойвала избил подростка Евгения, сына Савельевой Татьяны, за то, что тот измучился на работе и сел отдыхать. Избиение мужчин и подростков было массовым явлением.

Среди охранников концлагеря № 6 города Петрозаводска зверским отношением к заключенным отличался сержант финской армии Вейкко Ламберг. Бывший заключенный этого лагеря Николай Николаевич Калкасов на допросе 7 июля 1944 года рассказал: «Ламберг избивал меня трижды. Первый раз в феврале 1943 года избил ударами плетки, я получил 25 ударов, а после избиения меня поместили на 4 суток в «будку»... Второй раз в марте 1943 года Ламберг избил меня кулаками по лицу. После избиения меня на 5 суток посадили в «будку». Третий раз в октябре 1943 года за нарушение порядка в колонне сержант Ламберг вместе с переводчиком Бабалюком Петром Герасимовичем избил меня до потери сознания. Кроме перечисленных мною выше избиений, меня также избивали еще несколько раз, но всех случаев не помню, так как они относились к 1941 и 1942 годам».

В специальной записке НКВД КФССР «О зверствах и издевательствах немецко-финских захватчиков в городе Петрозаводске за период оккупации (октябрь 1941 года – июнь 1944 года)» при-

ведены многочисленные сведения бывших заключенных концлагерей Петрозаводска, в которых названы финские оккупанты, несущие прямую ответственность за убийства, истязания, пытки, надругательства над мирными советскими гражданами. Вот их имена: начальники ВУВК — подполковник (позднее полковник) Вяйне Котилайнен и полковник (позднее генерал-майор) Йохан Виктор Араюри; командир Восточнокарельских переселенческих концлагерей — полковник финской армии Рольф Шильд; военный комендант города Петрозаводска — капитан финской армии Лаурикайнен; заместитель коменданта города — лейтенант Эломаа; начальники петрозаводских концлагерей: лейтенант Саловаара, майор Куурема, лейтенант Каллио, лейтенант Пентти Толонен, лейтенант Юсси Нуотто, лейтенант Вейкко Ламберг; их помощники — сержант Аройла, сержант Сеппяля и другие; охранники и конвоиры концлагерей — Паули Милонен, Пиронен и другие.

Однако многие финские преступники, виновные в гибели тысяч советских граждан в период оккупации Карелии в 1941–1944 годах, так и не понесли наказания после выхода Финляндии из Второй мировой войны.

Финляндия вышла из войны на основе «Соглашения о перемирии между СССР и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой стороны», подписанного 19 сентября 1944 года. На основе 22-й статьи этого соглашения была создана Союзная Контрольная Комиссия (СКК), которая до заключения мира с Финляндией приняла на себя регулирование и контроль за исполнением условий перемирия. Возглавил СКК генерал-полковник А. А. Жданов.

13-я статья «Соглашения о перемирии...» гласила: «Финляндия обязуется сотрудничать с Союзными державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними». На основе этой статьи председатель СКК А. А. Жданов передал 19 октября 1944 года премьер-министру Финляндии У. Кастрену список, содержащий 61 фамилию людей, подлежащих аресту как виновных в совершении военных преступлений. Почти все они служили в ВУВК или оккупационных войсках.

Хельге Сеппяля в книге «Финляндия как оккупант» пишет: «Из лиц, перечисленных в списке, кроме военных комендантов, 34 человека были на службе в штабе Военного управления, в основном в концлагерях, и шесть человек — в лагерях военнопленных. По списку с октября 1944 года по декабрь 1947 года финскими властями были задержаны 45 человек, из которых 30 были освобождены

за отсутствием вины, 14 наказаны незначительными сроками лишения свободы за конкретные уголовные преступления (вскоре освобождены) и один — штрафом. Остальные так и не были разысканы, при этом финские власти ссылались на «неясность» списка, а советская сторона не настаивала на его уточнении, хотя имела для этого все возможности».

В частности, бывшие военные коменданты — начальники ВУВК В. Котилайнен и Й. Араюри после войны уехали из Финляндии. Их имена также были в списке, их обвиняли в неравном распределении продуктов (что привело к смерти от голода и болезней многих заключенных концлагерей) и использовании детского труда. После их возвращения в Финляндию в 1948 и 1949 годах с них обоих были сняты обвинения.

Были осуждены только представители высшего руководства Финляндии: посланник Финляндии в Берлине в 1940–1944 годах Тойво Кивимяки (5 лет лишения свободы); лидер социал-демократической партии Вяйне Таннер (5,5 года лишения свободы); президент Финляндии в 1940–1944 годах Ристо Рюти (10 лет лишения свободы); премьер-министр в 1940–1943 годах Йохан Рангелл (6 лет лишения свободы); премьер-министр в 1943–1944 годах Эдвин Линкомиес (5,5 года лишения свободы); министр образования и член парламента Антти Кукконен (2 года лишения свободы); посол Финляндии в Берлине в 1940–1944 годах Тюко Рейникка (2 года лишения свободы) и министр иностранных дел Финляндии в 1943–1944 годах Хенрик Рамзи (2,5 года лишения свободы). Не были осуждены лица, непосредственно связанные с массовой гибелью мирного гражданского населения: военные коменданты — начальники ВУВК В. Котилайнен и Й. Араюри, начальники концлагерей, охранники и надзиратели мест принудительного содержания.

После вступления в силу Парижского мирного договора (1947) 26 сентября 1947 года СКК покинула Финляндию. Президент Финляндии Паасикиви в октябре 1947 года освободил условно-досрочно Кукконена и Рейникка, а Рамзи — в декабре 1947 года. Остальным в соответствии с уголовным законодательством Финляндии было предоставлено условно-досрочное освобождение, когда те отбыли половину срока наказания. 19 мая 1949 года Паасикиви освободил Рюти, также были помилованы Рангелл, Таннер, Линкомиес и Кивимяки, которые до этого были условно-досрочно освобождены.

Таким образом, большинство финских оккупантов, виновных в преступлениях против мирного гражданского населения на территории Карелии в 1941–1944 годах, так и не понесли наказания.

В процессе работы над проектом «Без срока давности» в российских СМИ появились отдельные статьи и интервью по данной проблеме, в том числе и по этим новым рассекреченным документам. Большой материал о новых архивных документах был опубликован РИА «Новости».

Эти новые рассекреченные документы вызвали большой интерес не только в России, но и в Финляндии. В соседней стране в дискуссию по проблемам финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах включились политические и государственные деятели, журналисты и историки. Несомненно, резонанс и в России, и в Финляндии вызвало сообщение о том, что Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело о фактах геноцида финским режимом мирного населения на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах. Это произошло после публикации РИА «Новости» в рамках проекта «Без срока давности» рассекреченных архивных документов о финских концлагерях, а также после обращения в Следственный комитет РФ членов Союза бывших малолетних узников финских концлагерей (Петрозаводск).

В информации следственного комитета преступления финского режима по своему характеру были отнесены к категории «преступлений против человечности» — это преступления, которые не имеют срока давности, фактически речь идет о геноциде мирного гражданского населения.

В целом следует констатировать, что в Финляндии или замалчивается проблема преступлений финского режима на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах, или картина подается в искаженном и далеком от правды виде. Для того чтобы донести до финского читателя российскую точку зрения, я и мой коллега — известный карельский журналист Армас Машин — подготовили и издали в Финляндии на финском языке книгу «Геноцид в Восточной Карелии». В ней мы привели многочисленные примеры преступлений финской оккупационной власти против мирного гражданского населения Карелии в 1941–1944 годах.

Подводя итог, можно констатировать следующее. Анализ большого комплекса архивных документов, в том числе недавно рассекреченных и введенных в научный оборот из архива УФСБ РФ по РК, а также многочисленные свидетельства узников финских концлагерей и трудовых лагерей, других мест принудительного содержания показывают, что финский оккупационный режим на территории оккупированной Советской Карелии в 1941–1944 го-

дах, реализуя идею создания чистого в этническом отношении государства — Великой Финляндии, проводил расистскую политику разделения местного населения по национальному принципу на привилегированное (финно-угорское) и непривилегированное (русское и другое не финно-угорское) население. Финно-угры считались гражданами будущей Великой Финляндии и имели большие привилегии в продовольственном обеспечении, оплате труда, для них создавали специальную образовательную и социальную системы.

Русское население помещали в концлагеря, трудовые лагеря, тюрьмы, другие места принудительного содержания. Голодное существование, тяжелая каторжная работа, болезни и эпидемии, постоянные издевательства и истязания со стороны охраны приводили к высокой смертности среди русского и другого не финно-угорского населения, люди погибали без применения к ним оружия. Все это свидетельствует, по существу, о сознательном геноциде мирного гражданского населения.

Преступления финского режима по своему характеру относятся к категории «преступлений против человечности» — это преступления без срока давности.

При прокуратуре РК создана межведомственная рабочая группа по формированию доказательственной базы для подготовки и подачи в суд заявления об установлении факта, имеющего юридическое значение, — о признании установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных финскими захватчиками против мирного населения и военнопленных в период ВОВ на территории республики, военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом населения Советского Союза. В нее вошли представители прокуратуры РК, УФСБ РФ по РК, МВД РК, ПетрГУ, НАРК и НМРК, члены Карельского союза бывших малолетних узников фашистских лагерей.

По окончании следственных действий дело о геноциде мирного гражданского населения в Карелии финскими оккупантами в 1941–1944 годах будет передано в суд, который даст правовую оценку преступлениям финских захватчиков на оккупированной территории Карелии в период ВОВ.

*С. Г. ВЕРИГИН,
доктор исторических наук, профессор,
директор Института истории, политических
и социальных наук ПетрГУ*

Гимн

Карельского союза бывших малолетних узников

*Музыка Константина Веренича
Слова народного писателя Карелии
Ивана Костина*

Братья и сестры!
Встаньте из детства,
Встаньте живые и мертвые в ряд...
Нам никуда от былого не деться,
Наши сердца о минувшем скорбят.
(повтор последней строки)

Братья и сестры!
Все мы едины
В общем стремленье
К свету добра.
Нас украшают достойно седины,
Молоды души у нас, как вчера.
(повтор последней строки)

Братья и сестры!
Добрые люди!
Колокол памяти — в нашей крови.
Снова и снова гневно осудим
Тех, кто нас детства лишил и любви.
(повтор последней строки)

Братья и сестры!
Годы неволи
Нас в заточеньи сломить не могли,
Братья и сестры!
Мы не позволим
Бедам коснуться родимой земли!
(повтор последней строки три раза)

Воспоминания

Амозова (Богданова) Лидия Александровна

Ночь перед освобождением

...Я родилась 3 августа 1934 года в небольшой деревеньке Лахте в трех километрах от Кижей. Мой дед Степан Константинович Богданов был справным крестьянином, имел большой дом и вполне крепкое хозяйство. При царе служил на флоте. Принимал участие в кругосветном плавании на парусном судне. В доме хранились различные вещи, привезенные им из Японии, Китая и Индии. Его младший сын Александр, наш отец, был арестован 11 апреля 1938 года, и через десять дней его расстреляли.

Зимой 1941 года наша семья Богдановых: мама Варвара Григорьевна с четырьмя дочерьми Людой, Галей, Лидой и Верой, — как и многие заонежане, была вывезена финскими оккупантами в концлагерь Петрозаводска. Мне было 7 лет.

Незадолго до нового года финны повезли нас на машинах по Онежскому озеру. Был сильный мороз. Кому-то разрешили взять перину и одеяла — их постелили в кузов машины. Все были тепло одеты — в пальто, валенках, варежках. Укутанные платками, мы вповалку лежали в кузове. Ехали очень медленно. Когда встречались полыньи, через них прокладывали доски, настилы. Людей высаживали на лед. Машина проезжала через опасный участок, и все снова залезали в кузов. С нами была и мамина сестра с тремя детьми. Когда ехали по Петрозаводску, я услышала голос тети Нюры:

— «Северная» гостиница разрушена...

Л. А. Амозова

Я выглянула из-под одеяла и стала смотреть на город. Машина остановилась у забора из колючей проволоки, ворота тоже были из нее. Люди стали выгружаться из кузова, и их толпой повели в лагерь. У ворот на столбе горела лампочка. Мы в деревне пользовались керосиновыми лампами, фонарями да лучинами, а электричества не знали. Я остолбенела, увидев лампочку, да так и осталась стоять у ворот одна. Что было потом, не помню. Каким-то образом я оказалась со своими в большой комнате.

Так началась наша жизнь в неволе — в концлагере № 6. Мама и тетя сумели взять с собой постели, даже швейную машинку, патефон с пластинками и лучшие вещи из одежды. Бабушка Анна Андреевна Богданова (Ольхина) с нами не поехала — она спряталась от финнов в сене. Но на другой день, когда в дом нагрянули грабители, ей тоже пришлось выехать в лагерь.

В первую зиму умерло очень много людей. Дети и ослабленные здоровьем старики умирали в первую очередь. В нашей семье в феврале 1942 года не стало бабушки.

Помню, мы с ней ходили по ее знакомым. Куда ни приходили, везде старушки сидели на ведрах — началась дизентерия. Видимо, из-за голода и сильной скученности. Наверное, люди ели что придется, без разбору. Может, и продукты, привезенные с собой, уже подпорченные из-за долгого хранения. Еще не было налажено кормление со стороны финнов.

Когда началась инфекция, финны открыли для старушек церковь в школе на улице Островского (позднее школа № 23) за чертой лагеря. В определенное время тех, кто хочет помолиться, пропускали через ворота. Наша бабушка была очень набожной, соблюдала все нормы и правила церкви. До преклонного возраста она купалась в проруби. Не раз ходила пешком на Соловки — на богомолье.

Я водила ее на службу. Все молились в большом коридоре прямо у входа. Правда, молитвы не помогали. Началась новая инфекция — сыпной тиф, а может, и брюшной. Заболела и бабушка. Очень хорошо помню: все ее тело было покрыто крупными белыми вшами. Бабушку уложили на скамью в комнате. Только два месяца она прожила в лагере. Похоронили ее на кладбище между Песками и Соломенным — в лесу за аэродромом «Пески». В одной братской могиле вместе с нею покоятся еще 27 узников. Не вернулась наша Анна Андреевна на свои любимые Кижы...

У всех женщин волосы были острижены наголо. Их под конвоем водили на работу в город. Маму гоняли в пригородное хозяйство.

Когда удавалось, она обменивала что-то из привезенных из дома вещей на еду.

Мы жили в кухне размером 3 на 3 метра. Тут ютились наша семья: мама, бабушка и четверо детей от 5 до 10 лет, — и семья маминной тети: тетя и трое детей постарше нас на 2-3 года. Домик этот был последним по улице Чапаева. Улицы тогда не было, а была окраина Перевалки, обнесенная колючей проволокой. В до-

Бывшие малолетние узники концлагеря № 6 — сестры Богдановы (слева направо): Вера, Люда, Лида. 1946

мик было четыре помещения, каждое примерно площадью 3 на 3 метра. Все они были набиты. Нам досталась кухня, где к тому же был еще и проход для всех.

Народ умирал, и заключенных постепенно расселяли. Нас перевели в лагерь № 7. Это два двухэтажных дома в сторону республиканской больницы. Там у нас на семью была комнатка с плитой. В это время сильно заболела мама, у нее тоже был тиф, но она выздоровела.

А осенью 1942 года заболела я. Болела очень долго. Однажды тетя передала маме через проволоку свежий помидор. В городе у финнов была теплица, тетя там работала. До войны мы, наверное, не знали помидоров. Несмотря на это, я его никому не дала и съела сама. Началась сильная рвота. Долгое время после этого я не подавала признаков жизни.

Мама решила, что я умерла. Наверное, она почувствовала какое-то облегчение. В этих ужасных условиях у многих уже по полсемьи поумирало, а у нас все были живы. Мама нагрела воды, чтобы обмыть меня перед похоронами. Она позвала бабушку Ирину Аникину — соборовать меня. Ирина Михайловна — из деревни Ямки, двоюродная сестра моей бабушки, ее знали многие реставраторы Кижей. Она стала прыскать на меня водой из кружки.

...Помню эту кружку, на ней была нарисована Москва, наверное, папа привез ее из Ленинграда. Он учился в горном институте — сначала на рабфаке, потом на геологоразведочном факультете. На учебу его направили с Оленеостровских известковых разработок, находившихся по соседству с нашей деревней...

Бабушка Иринья прочитала молитву и сказала маме:

— У нее губы розовые, она живая.

Через некоторое время я пришла в себя и стала поправляться. Так, благодаря бабушке Иринье, меня не похоронили.

Пока мы жили в лагере, ребята звали меня «мертвой внучкой», а иногда и «помидором». Бывало, называли так и после освобождения, и даже в школе. Теперь у «мертвой внучки» — трое детей и шестеро внуков, и самой ей уже 70 лет!

Удивительно, но бабушке Иринье каким-то чудом удалось провезти в лагерь живую курицу, которую она прятала на подволоке дома. У нее было двое своих внуков, но во время моей болезни она не раз приносила мне по яичку.

Очень отчетливо мне запомнилась ночь перед освобождением. Все взрослые не спали. По отдельным слухам и фактам, собранным накануне, люди чувствовали, что вот-вот в город войдут наши войска, а вместе с ними придет к нам и долгожданная свобода.

Мы сидели на полу голодные и разутые, но в душе у всех была радость оттого, что новый рассвет принесет нам перемены. Мы пели песни, вспоминали довоенную жизнь и мечтали о том, как возвратимся в родные места и наладим жизнь так, что она будет еще лучше довоенной.

И вот наступил день освобождения. Когда мы с рассветом глянули в окна, то на вышках не увидели часовых, а лагерные ворота были раскрыты нараспашку. Все взрослое население лагеря устремилось к причалу — встречать морской десант. Я с сестрами тоже вышла за ворота, и мы дошли до полотна железной дороги. Вот почему нас нет на снимке, который сделала военный корреспондент Галина Санько, запечатлев на нем тот момент, когда дети нашего лагеря еще глядели на уже обретенную волю через колючую проволоку.

Вскоре мама побывала в своей деревне. Наш большой двухэтажный дом был разграблен и полуразрушен. В нем не было полов, печек, даже оконных рам, дверей, лестниц. Все, что можно было снять, — увезли. Стоял просто сруб.

Нам пришлось остаться в Петрозаводске. Мама устроилась работать в пригородном совхозе. Нам выделили небольшую комнату в бараке, где до этого находились наши военнопленные солдаты. Швейная машина у мамы сохранилась, и мы стали учиться шить.

Сестра стала рано работать. А я очень хотела учиться. После освобождения пошла в 1-й класс. После семилетки закончила сельскохозяйственный техникум и была направлена в Пудожский район. Тринадцать лет отработала на селе. Была представлена к ор-

дену, но из-за анкетных данных меня не наградили — нахождение в концлагере и отцовское клеймо врага народа сыграли свою роль. Позднее закончила сельхозинститут. Образование я получила благодаря поддержке мужа.

С мужем вырастили троих детей. Сын — моряк, продолжает традицию деда. Старшая дочь — врач, младшая работает корректором. У нас шестеро внуков.

Отец мой был реабилитирован в 1956 году. Я выяснила, что он был расстрелян в местечке Сандармох под Медвежьегорском.

После войны даже нас, бывших малолетних узников, власти ограничивали в гражданских правах. Одна лишь графа «находился во время войны на оккупированной территории» часто портила человеку всю его дальнейшую жизнь. Имея такую графу, учиться в высшем учебном заведении было почти невозможно. Но нам еще повезло: мы выжили и, как сумели, устроили свои жизни.

Ананьева Дарья

Нас выгнали из дома

Таких деревень, жителей которых финны выгнали из своих домов и расселили в других деревнях, было немало. Всем-то места в лагерях уже не хватало, как и не хватило бы колючей проволоки. И было многим из нас ничуть не лучше, чем в лагере.

Нас у мамы было четверо. Все маленькие. Жили в Кузаранде и имели свое хозяйство: корову, огород, который нас обеспечивал картошкой и овощами. Отец с мамой в колхозе в предвоенный год заработали немало зерна. Все перемололи. И своего хлеба нам бы полностью хватило до нового урожая. А нас выселили из дома с пустыми руками. Одежды было — что на себе. Мне — два года, и я самая маленькая в семье. Мама несла меня на руках. Наша деревня стояла на берегу Онего, другой берег хорошо просматривался в бинокль — там стояли наши войска и большой партизанский отряд.

В чужой деревне нас разместили в доме, где была одна большая комната с русской печкой. До нас здесь уже жили пять семей, в каждой по три-четыре ребенка. Спали вповалку на полу, подстилая солому.

С проверкой из комендатуры могли прийти в любое время дня и ночи. Матери работали на финнов. Растили хлеб, картошку и овощи. Заготавливали для Финляндии лес. Норма была большой. И ма-

тери брали в помощь в лес детей, кто был постарше. А иначе их могли лишить скудной карточки на хлеб. Когда они возвращались с работы домой, иногда по дороге успевали насобирать грибов и нарвать сухого белого мха, из которого делали муку. Вот такая была у нас еда. Мы ждали матерей из леса как из магазина.

Помню такой эпизод. Днем к нам зашли финны. В доме были одни дети. Сделали обыск. Искали зерно и хлеб. Пытались у нас, несмышленишей, допытаться, куда спрятан хлеб. Сестра достала с полки берестяную посудину, в которой был сухой мох: вот он, дескать, наш хлеб. Финн поглядел, помотал головой, высыпал эту муку на пол и растоптал. Мы стали плакать, что мама придет с работы, а есть нечего. В лагере худо-бедно давали хоть какую-то баланду. А мы днями сидели совершенно голодные. От голода умерла бабушка. Сколько народу тогда погибло!

Старшую сестру, которой только что исполнилось пятнадцать, отправили на сплав. Работала там под охраной. А когда оккупанты стали отступать, оставили их на острове. С ними были парни. Они связали бревна и решили на самодельном плоту добраться до берега. Но финны заметили их и открыли стрельбу. Некоторые погибли, другие спаслись и еле добрались до домашнего берега, к тому же они были голодными и измученными.

В родную деревню мы вернулись в июле 1944 года. Дома стояли полуразрушенные. Где не было стекол, где дверей, а где и полов... Трава выросла выше человеческого роста. В ней было столько змей, что мы не смели выходить на улицу. Мать палкой пробивала траву, чтобы сходить куда-либо по делам. Все, что было оставлено из посуды или одежды, — не сохранилось.

...Когда началась война, нашу пристань бомбили. Возле нее стояли баржи, груженные зерном и картошкой для отправки в город. Часть жителей успели посадить на баржи для эвакуации на другой, пудожский, берег. Но далеко не всем удалось добраться. Финны бомбили даже баржи с мирным населением. Много людей утонуло: из нашей деревни Кошкино — Максимова Мария, у которой остались двое маленьких детей, из Кузаранды — Наталья Мухина... Всех не припомнишь.

Отец наш погиб под Ленинградом. Мама сумела всех нас вырастить и поставить на ноги. Теперь, когда прошли годы и пришла к нам старость со своими невзгодами и болезнями, все чаще вспоминается время нашего потерянного детства. Так ничего хорошего в этой жизни мы и не видели. Одна радость, что сами вырастили детей и дали им возможность учиться и строить свою жизнь.

Андреева Людмила Васильевна

Жизнь за колючей проволокой

Я родилась 5 ноября 1933 года в городе Медвежьегорске, в семье железнодорожника. До войны в семье было четыре человека, но во время эвакуации мама родила младшего брата. Эвакуировались в деревню Медведеву. До последнего думали, что туда финны не придут, но они пришли. Так наша семья Андреевых попала в шестой лагерь в Петрозаводске.

Л. В. Андреева

Мы жили в двухэтажном доме, конечно, за колючей проволокой. Две семьи в одной комнате. У нас ничего не было. Спали мы на полу, но, что удивительно, мы ведь никогда ни с кем не дрались из детей, не ругались. Закалка советская была у всех.

Маму и старшего брата гоняли на работу в лес, а потом отправили в Кутижму. Для них это было жестокое время. Брата невзлюбил один из финских солдат, постоянно бил плеткой, когда тот проходил мимо. Брату говорили:

— Ты бы хоть немножко за ребят прятался!

А он отвечал:

— Чего я буду прятаться? Я не виноват.

Настырный был.

Заключенных часто выстраивали для проверок. В одну из таких проверок мама поставила самого младшего ребенка на табуретку, а он взял и написал. Финский солдат ударил малыша плеткой. Мама чуть было не бросилась драться, но ее удержали, а обидчика отвлекли. Это было счастьем для нас: мама не была наказана.

Нас, детей, мама держала в строгости. Запрещала даже близко подходить к проволоке — за это могли ударить плеткой или даже расстрелять. Жили очень голодно, все время есть хотели. Помню, муку давали, пекли из нее что-то на плите. Но самым страшным для меня была баня. Загонят в парилку, закроют. Там так все накалялось, что люди теряли сознание.

В 1944 году, когда освобождение было близко, соседи начали говорить:

— Скоро наши придут.

После освобождения мы с братом бегали на вокзал, встречали все эшелоны с солдатами. Тогда мы еще не знали, что отец погиб на фронте, похоронка пришла позже...

Андрианов Евгений Васильевич

Полгода я не мог ходить

В 1941 году я учился на столяра в Ленинградской области, там нас и застала война. В ту пору мне было 17 лет. На призывном пункте в армию меня не взяли, но сказали, что я пригожусь на строительстве оборонительных сооружений.

В августе я попросился домой на побывку — в село Пидьма, где жила моя семья. Село наше располагалось на берегу реки Свири. Мы и предположить не могли, что немцы так быстро будут наступать. Они заняли наше село, в школе расположился их штаб. Местным жителям было приказано грузиться в товарные вагоны. Так мы попали в Петрозаводск, в концлагерь № 5, он располагался напротив старого железнодорожного вокзала.

Начался ад. Концлагерь был обнесен колючей проволокой, по углам располагались вышки для охранников с автоматами. Нашу семью поселили в бараке № 28, а папину сестру с детьми — в бараке № 31. При входе в лагерную зону, с правой стороны, была вывеска на русском и финском языках: «За нарушение комендантского часа — порка! За хранение оружия — расстрел! За сопротивление власти — смерть!»

В этом концлагере за один год погибло от истощения, истязаний и болезней около 2 тысяч человек.

Дети были похожи на маленькие скелеты. Из лагеря по 2-3 раза в неделю трупы отвозили на кладбище. В этом лагере мы с отцом были недолго. Мы попали в списки для перевода в другой лагерь.

Когда тронулся состав, мы думали, что отправляемся в последний путь. Нас везли 2 дня. Выгрузили нас на полустанке Кутижма и повели в поселок. Вели под конвоем, но в этом не было никакой необходимости. Мы были так обессилены, что никто и не думал о побеге.

Здесь тоже была зона, до нас здесь находились наши военнопленные, говорили, что их перевели в Олонецкий район. Стояли три барака, окруженные колючей проволокой, вышки с охранниками. В бараке — двухъярусные нары, посередине — стол, две табуретки, плита. Во многих рамах вместо стекол — фанера. В бараке нас было 25 человек.

Мы работали на лесозаготовках по 14-16 часов, если не выполнил норму — наказывали. На первый раз давали полпайки хлеба, то есть 60 граммов, и пол-литра баланды (это было варево из мерз-

лого грязного турнепса). На второй раз эту пайку уменьшали вдвое, а на третий раз — 25 плетей и холодный карцер на трое суток.

Помню, одного паренька избили дубинками до потери сознания. Он через какое-то время решился бежать, его заметили и пристрелили. Один подросток решил поддержать мать — раздобыть для нее что-нибудь съестное, он пробрался под колючкой, но его заметил часовой и выстрелил без предупреждения.

Жестоко был избит и мой отец. От истощения и побоев он умер 22 мая 1942 года.

Из-за голода мы ели крыс, лягушек,дохлых собак, пили воду из канавы, где рядом лежали трупы. Трупы умерших несколько дней лежали рядом с нашими бараками.

С работы мы приходили настолько измученными, что иногда падали у порога. Падать было опасно. Начальник лагеря говорил:

— Живой тот, кто работает, а кто на ногах не стоит — тот мертвый!

Наша бригада состояла из трех человек: меня, моего отца и молодого паренька Коли Ануфриева. Силы уходили с каждым днем, ноги отекали, только бы не упасть...

Мы были измученные, грязные русские лагерники — дешевая рабочая сила. Возвращаясь в казарму, ложились на нары лицом вниз, чтобы скрыть слезы от других и от себя. Хотелось умереть и ничего больше не видеть. Только весной, когда всех начал душить трупный запах, нам было приказано покидать все трупы в старые окопы и засыпать их землей. Из многих окопов торчали руки или ноги мертвецов.

В этом лагере я пробыл около 9 месяцев, потом меня перевели в Петрозаводск — в концлагерь № 3. Он находился на улице Ригачина, здесь — та же колючая проволока, часовые.

Спасло меня, наверное, то, что через три месяца я снова оказался в лагере № 5, где находилась моя семья. Я был сильно болен, развивалась дистрофия, полгода я не мог ходить, выходили меня мама и брат.

Во сне я кричал, мысленно возвращаясь на лесоповал.

Нас освободила Красная Армия 28 июня 1944 года, мы не могли поверить в свое спасение, в свое счастье.

Р. С. Кутижемский трудовой лагерь № 56 — это 3 лагерных барака. Из одного барака в другой были переходы. Это было необходимо для того, чтобы конвоиры следили за тем, что происходит в бараках. Лагерь был огорожен двойной колючей проволокой, на территории лагеря находились будки с собаками, которые тоже охраняли людей. Распорядок дня в лагере был такой: в 5 часов

утра — подъем; с 6 утра до 7 вечера — рабочее время, с перерывом на обед 10-15 минут; 8 часов вечера — ужин; в 9 часов вечера — отбой. Кормили людей в бараке.

Норма питания составляла 350 граммов хлеба, 20 граммов маргарина, 15 граммов сахара, 1-1,5 литра жидкого супа из крупы, брюквы и неочищенного картофеля с добавлением концентратов, 2 литра чая или эрзац-кофе. Ввиду плохого питания приходилось есть все: старые кости, падаль, крыс, поэтому в лагере и была большая смертность.

Балахонова (Ригачина) Мария Ивановна

Нас били плетками

Родилась я 29 марта 1927 года в Заонежье, затем наша семья переехала в город Петрозаводск. В семье было семеро детей. Родители работали на Онегзаводе.

До войны я окончила 5 классов. Когда мы узнали о начале войны, родители решили уехать в более безопасное место — вернуться в Заонежье, в деревню Усть-Яндому, там жила бабушка.

Ехали на катере, но еще в дороге узнали, что финны заняли Петрозаводск. Вскоре в деревню пришли финские солдаты. Помню, как-то финские солдаты обнаружили в деревне партизана, его долго били, а потом расстреляли на глазах у всех жителей.

Вскоре началась отправка жителей деревни в лагерь. Местным жителям приказали взять немного личных вещей, и нас вывезли в город Медвежьегорск — в лагерь. Первую группу молодежи (куда попал брат Павел) отправили в лагерь, находившийся на территории Кондопоги.

На работу водили под конвоем. Сначала работали на уборке города, потом наводили порядок в домах, где располагались госпитали для финских солдат. Жили мы в помещении тюрьмы, в камере нас было 20 человек, спали на нарах в два этажа. В лагере кормили два раза в день, утром и вечером, но еды не хватало, голодали. Помню, что долгое время в лагере готовили какую-то похлебку из конины, в городе было много брошенных погибших лошадей, их мясо использовали в пищу. Пахла эта еда плохо, но других продуктов не было.

Я невысокого роста и помню, что сил у меня не было открыть дверь камеры, чуть приотворю, а зайти не могу. Начинаю стучать, чтобы пустили.

Тюрьма была в форме буквы «П». В одной половине жили мы, местное население, а во второй — военнопленные, наши солдаты. Когда они возвращались с работы, их обыскивали. Если кто-то провинился, вечером их и нас выгоняли на улицу, рядом ставили скамейку. Нарушителя укладывали на нее, привязывали, и двое солдат хлестали его плетками. А если кто-то из нас, наблюдавших за наказанием, издавал какой-либо звук — нас тоже били. Мне тоже довелось испытать побои.

Затем лагерников стали отправлять на строительство дорог. Первоначально посылали молодежь, а нас, девчонок-подростков, оставляли в городе, мы должны были убирать квартиры финского начальства, мыть полы.

Помню, один финн был доброжелателен к нам, когда рядом не было солдат, он включал радио, и мы несколько минут слушали Москву.

27 января 1942 года и нас с мамой отправили в 425-й строительный батальон, на строительство дороги в районе деревень Контио-ваара — Кяппесельга. На работу мы ходили под охраной. Мама моя заболела цингой.

В течение 1942–1944 годов мы выполняли разные работы: строительство или ремонт дорог, заготовка, сплав леса.

Когда в начале лета 1944 года наши стали наступать, финны приказали нам собрать вещи, которые можно унести в руках, и идти в деревню Кокорино. Нас хотели угнать в Финляндию. Но мы спрятались в лесу, за скалой, нас не заметили. Там мы и жили, пока финны не ушли.

После войны я жила в деревне Унице. В 1956 году переехала в Кондопогу, работала в центральной больнице бухгалтером.

Баратов Олег Сергеевич

Постоянно хотелось есть

В начале войны нашу семью эвакуировали в Заонежье. Жили мы в Толвуде, потом в деревне Селецкой и затем в поселке Ламбасручей — в доме Мамонтовых. Хозяин дома старик Мамонтов имел связь с партизанами. Обо всем этом написано в книге Исаака Бацера «Позывные из ночи», не буду повторяться. Наша семья автоматически попала под подозрение, и мы были брошены в лагерь. Не могу сказать, где было лучше.

О. С. Баратов

В Заонежье для нашей семьи был сплошной голод. Если у местного населения какие-то запасы продовольствия еще были (правда, вскоре финны отобрали хлеб и скот), то у нас, городских, не было даже недельного запаса еды.

От голода умерла моя двухлетняя сестренка Тамара. Там, в Ламбасручье, мы ее и похоронили.

Когда началась война, мне было четыре года. Лагерную жизнь помню очень смутно.

В памяти остались лишь некоторые эпизоды. Помню, что постоянно хотелось есть. Но уже в шесть лет понимал, что у матери ничего нет и кланчить бесполезно.

Наш отец Сергей Георгиевич был на фронте. Мы верили, что война рано или поздно закончится, отец вернется и мы заживем по-старому.

Война закончилась. Петрозаводск в июне 1944 года был освобожден. А вскоре мы получили известие об отце — он пропал без вести. Ясно, что он погиб в бою. Но раз пропал без вести, наши власти не считали нас семьей погибшего воина. Нужно было пережить еще и это горе.

После войны мы остались в родном городе. Начали понемногу устраивать свою жизнь...

Белогривова А. Г.

Стихи, рожденные в неволе

Строки этих стихов принадлежат заслуженной учительнице Карелии А. Г. Белогривовой, а написаны они были ею в условиях неволи, когда ее, малолетнюю узницу, вместе с ровесницами и ровесниками направили этапом из петрозаводского лагеря в район села Деревянного на заготовки леса и древесного угля. Здесь юные узники и встретили день своего освобождения. Стихи эти во многом несовершенны. Но это документ той поры, и в этом их главная суть — строки рождались в душе, вызывая самые светлые чувства и помыслы в условиях неволи и рабского труда. Они свидетельствуют о непобедимости духа юной героини, и она вышла из этих испытаний с достоинством.

Сижу на пне весной, пригрета солнцем.
Мои мечты далеко унесли.
Я вспоминаю мирные денечки.
О, прошлое, скорее возвратись!
Я не успела жизнь еще познать.
Пусть будет долгим жизненный мой путь.
В плену пришлось немало пострадать.
Жаль, прошлого теперь уж не вернуть.
И я смотрю уныло в даль лесную:
Лязг топоров, визг монотонный пил...
Я вспоминаю дом и мать родную,
Отца и то, как нас он всех любил.
Все эти мысли, думы о минувшем
Глухой тоской сжимают мою грудь.
Так хочется в свой дом, в свой край далекий.
Где побывать, чтоб сладким сном заснуть...
Я вспоминаю, и из глаз невольно
Стекает по щеке моей слеза.
От горьких мыслей на душе мне больно,
Чего словами выразить нельзя.
Закончу это грустное писанье,
Мне все равно боль в сердце не унять.
И кто поймет души моей страданье,
Кто может здесь утешить и понять?

28 апреля 1944 года

Вавилина Галина Михайловна

Это я буду помнить

В мае 1941 года мне исполнилось 5 лет. Война для меня началась в тот день, когда нас увозили из дома в петрозаводский лагерь. Была зима. Слова «война», «финны», «эвакуация» вошли в мое сознание вместе с осмыслением других примет и явлений окружающего мира. Чужая речь, слезы взрослых — все это совмещалось в одном слове «страх».

И уже спустя много лет, работая внештатным экскурсоводом на Валааме, я однажды испытала это знакомое с детства чувство страха. Однажды после экскурсии мы пошли умыться по лесной тропе к Ладогe. И вдруг до нас стала доноситься финская речь. Давно позабытый страх, помимо моей воли, пробежал по моим жилам. А через несколько минут мы встретили нашего переводчика,

Г. М. Вавилина

который шел с гостем, финским писателем, кажется, на рыбалку. Если бы я услышала речь на любом другом языке, скорее всего, не придавала бы этому никакого значения.

Пример этот говорит о том, что страх, испытанный в детстве, живет в нашем подсознании. Мы, дети, постоянно испытывали тревогу за маму. На работу ее угоняли рано, а возвращалась она поздно. А там всякое случалось. Однажды их везли на грузовой машине, и поскольку их было много, то всем пришлось стоять. На одном из поворотов маму выбросило из кузова. Ударившись головой о дорогу, она получила сотрясение мозга.

А как-то вернулась вся обгоревшая. Финн заставил маму стирать в бензине свою спецодежду. Мама была молодой красивой женщиной и не терпела никаких приставаний. И когда этот финн перешел границы приличия, она замахнулась на него влажной от бензина одеждой, и та загорелась от случайной искры. У мамы обгорели волосы, брови и руки. Вот почему мы постоянно так боялись, чтобы с мамой чего-либо не случилось. Но особый страх мы испытывали в банный день.

Нас всех вместе — мужчин, женщин и детей — загоняли в баню. В парилке, где температура была под сорок, нас держали долго. Не знаю, как мы все это выдерживали. Помню, что однажды мама лежала на полу почти без сил. А ведь ей нужно было обмыть нас, пятерых детей, а потом быстро одеть в горячие обжигающие одежды.

Младшую сестренку Алю мама в баню не брала. Ее на это время прятали в другом бараке. Ей было всего полтора года, и мне приходилось с нею нянчиться. Она мне была особенно близка. Не понимаю, как такие крохотные дети (конечно, далеко не все) сумели выжить в лагере. Мы, кто постарше, все-таки до лагеря выросли на хорошем питании, на свежем природном воздухе, и запас сил у нас некоторый был. Он и помог нам держаться в самых трудных условиях. В самые голодные дни вспоминалась наша деревенская жизнь, когда на столе было в достатке хлеба, картошки, рыбы и мы не сидели без мяса. Но от таких воспоминаний голод нас мучил еще сильнее.

В трудные дни неволи женщины помогали друг другу, чем могли, и прежде всего сохранить детей. Когда я заболела отравлением печени, а нам выдавали исключительно испорченные плесенью гале-

ты, меня выхаживали многие люди. Мама тоже испытывала за нас постоянный страх и всеми силами пыталась нас уберечь от несчастий. А кроме того, нас троих, родившихся у мамы друг за другом, считали одногодками и не раз пытались у мамы отобрать. Она была молода, и ей не верили, что мы ее дети.

В больнице меня спасло то, что там работала женщина-врач, знакомая мамы, и она находила нужные лекарства. Но мучилась я не столько от боли, сколько от жажды. Мне давали по полстакана воды. Как я выяснила потом, даже вода в лагере была нормирована.

Варухин Алексей Михайлович

Мою жизнь спасла мама

В 1941 году я окончил первый класс 5-й средней школы города Петрозаводска. Моим старшим братьям Владимиру и Ивану было 14 и 12 лет. Наш отец Михаил Васильевич в 1939 году был призван в ряды 18-й стрелковой дивизии, в которой служил пулеметчиком в ходе советско-финляндской войны. Во время боевых действий он был трижды тяжело ранен, а его подвиг описан в известном романе-хронике Анатолия Гордиенко «Гибель дивизии».

Еще до того, как началась Великая Отечественная война, отец не раз говорил нам, своим сыновьям:

— Ребята, растите мужественными, предстоит еще очень большая и суровая война.

В 1941 году он в числе первых вступил в ряды истребительного батальона, состоявшего из рабочих и служащих Петрозаводска. В те трудные дни мы навсегда простились с ним. Уже после освобождения города мы узнали, что наш отец погиб в боях при защите родного города.

В сентябре город начали бомбить, людей отправляли в тыл, шла эвакуация, но всех вывезти не успевали. Тогда мама договорилась насчет повозки, собрали вещи, и мы решили сами покинуть город, пока враги не пришли. Но не успели пройти Шокшу, как всех беженцев остановили финские войска.

Приехали большие машины с тентами, людей погрузили и отвезли в Петрозаводск — в четвертый концлагерь на улице Калинина.

А. М. Варухин

Нашу семью поселили в барак. Помню очень длинный коридор, в комнате на всю семью были одна кровать и плита.

Конечно, попасть в лагерь было очень большой бедой. Наш дедушка умер. У сестры моей мамы умерла дочка, ей было 12 лет. И каждый день у нас в бараке умирали люди.

Вместе с братьями я заготавливал дрова. Мы собирали ветки и все, чем можно было топить, но ночью все равно было холодно, спали в одежде. Помогали и другим семьям во всех вопросах, в каких могли.

Моя жизнь спасена заботой матери. Продукты давали чистой мукой, а мама у меня была мастерица. Она выпекла первый раз две буханки и говорит:

— Ребята, это на неделю, это на вторую неделю. Будем теперь жить по-другому.

Нам было невероятно трудно, но мы смогли выжить.

Скажу, что самым горестным днем для нашей семьи был день заточения за колючую проволоку, а самым радостным — утро свободы 28 июня 1944 года.

В этот день на пристани мы встречали десантников Онежской флотилии, а на следующий день — пехотные армейские части. Сколько было радостных улыбок и светлого ликования! Эти исторические уже мгновения навсегда остались у меня в памяти.

Наша мама прожила до 80 лет, всю себя посвятив сыновьям. Она прошла с нами через горькие дни оккупации и смогла увидеть потом и нашу новую, во многом хорошую, жизнь, потому что воспитала нас настоящими людьми.

Послевоенные судьбы у нас, братьев Варухиных, складывались по велению того времени, и мы оказались не на обочине, а на самом главном направлении жизни.

Старший брат Владимир был вскоре призван в армию и успел еще повоювать. Он принимал участие в операции по освобождению Чехословакии в 1945 году. А после окончания войны оказался на Дальнем Востоке — в бухте Провидения, где строил оборонительные сооружения.

После демобилизации пришел на Онежский завод кузнецом-штамповщиком. Остоял у молота более 40 лет.

Кузнецом после окончания школы ФЗО на этом же заводе работал и наш средний брат Иван. Он отдал заводу полвека. Иван стал знаменитым рабочим ОТЗ — кузнецом свободнойковки, был награжден орденом Ленина, ему присвоили звание «Почетный гражданин города Петрозаводска».

Я горжусь своими братьями и всю жизнь тоже стремился внести свой вклад в созидательные дела. По профессии я строитель. Мне тоже есть что вспомнить и о чем поведать. Многие дома и различные объекты в Петрозаводске и в других городах были воздвигнуты не без моего строительного и архитектурного опыта.

Осенью 1944 года, как и другие ребята, я пошел в школу. Очень любил рисовать и поэтому ходил также во Дворец пионеров — в студию живописи и графики.

После освобождения город лежал в руинах. Самой почетной профессией была строительная. Я поступил в Петрозаводский архитектурно-строительный техникум, это был первый открывшийся техникум в нашем городе в послевоенные годы. Перед будущими строителями открывался необозримый фронт работы.

Затем служил в армии — в воздушно-десантных войсках, вернулся в город и окончил техникум. Снова учился, заочно окончил Горьковский инженерно-строительный институт и многие годы работал в строительной отрасли. Более 40 лет отдал градостроительству. Участвовал в строительстве многих зданий и жилых домов, в том числе главного корпуса ПетрГУ.

Год за годом проходил все стадии строительного дела — от мастера и прораба до главного инженера Госстроя республики и руководителя крупной проектной организации в Карелии. Мне присвоено высокое звание «Заслуженный работник строительного комплекса Карелии».

Многие годы занимался по мере сил общественной работой, и главным образом в Карельском союзе бывших малолетних узников. Я никогда не забывал о нашем детстве и судьбах тысяч малолетних узников. Оформлял книгу «Плененное детство», материалы, стенды, альбомы нашей общественной организации, памятные доски на местах расположения концлагерей в Петрозаводске.

Великосельцев Вадим Вячеславович

Двухлетний брат умер, а дядю забили до смерти

До войны мы жили на станции Свирь Подпорожского района Ленинградской области.

В октябре 1941 года вся наша семья по приказу финских властей была вывезена в Петрозаводск — в концлагерь № 5. В лагерь нас отправили всей семьей: отец Вячеслав Леонидович Велико-

В. В. Великосельцев

сельцев, 1898 года рождения; мама Вера Михайловна, 1911 года рождения; братья Евгений, 1938 года рождения, и Владимир, 1940 года рождения, бабушка Парасковья Петровна Ромашова, 1870 года рождения.

Везли нас в товарных вагонах, а в Петрозаводске встречала охрана с собаками. Выгрузили нас из вагонов в районе современного автовокзала. Помню, что жили мы в бараках за колючей проволокой. Выходить за колючую проволоку было нельзя, за это жестоко наказывали — били плеткой.

Папу рано утром под конвоем уводили на работу. Сначала он работал на лесозаготовках, а потом был печником, и ему иногда удавалось выйти в город. Мама работала на общих работах, в основном на уборке территории. Страшным местом был санпропускник. Это была очень горячая баня, где нас буквально «прожаривали» так, что люди теряли сознание.

Был страшный голод, особенно зимой 1941–1942 годов. От голода в лагере в январе 1942 года умер младший брат Володя, ему было два годика. Не помню, за какую провинность был наказан мой дядя Виктор Гдыня — его забили плеткой до смерти.

Фамилию начальника лагеря — Сеппеля — помню до сих пор, она наводила ужас на заключенных, это был жестокий человек. Все были напуганы, когда он сказал, что детей отберут у родителей и вывезут в другие лагеря, возможно, в Германию.

Освободила нас Красная Армия 28 июня 1944 года.

Великосельцева Таисия Ивановна

Выжила я чудом

Когда началась война, мы с родителями жили в деревне Йокконде Подпорожского района. Наша семья состояла на тот момент из мамы, папы, старшего брата (5 лет) и меня (1 месяц). О пребывании в лагере я знаю со слов родственников, частично — из собственных воспоминаний.

В ноябре нас привезли в город, на тот момент никто не знал, что это за город. Как выяснилось позднее, это был Петрозаводск. Людей выгрузили на железнодорожном вокзале, встретили с собаками,

отобрали вещи. Всех разделили на две колонны: одна пошла прямо, другая направо — в концлагерь. Это был 5-й концлагерь.

Наша семья оказалась в небольшом деревянном домике барачного типа с тремя входами. Кажется, это был дом эвакуированных ранее людей. Вместе с нами там было еще несколько семей.

Было очень страшно, маленьких детей не выпускали на улицу, так как они могли в любое время получить удар плеткой, могли быть убитыми.

Однажды шестилетний ребенок увидел весной желтый первоцвет, потянулся под проволоку, чтобы взять его. Его застрелили.

Вначале нас кормили сухими галетами и какой-то ржавой селедкой. Это была вся еда. В лагере начался страшный голод. Умирали старики и груднички, потому что мамы были голодными, молока у них не было.

Я тоже была грудничком, но мне повезло — меня подкармливала мамина двоюродная сестра. У нее был маленький ребенок, молока у нее было достаточно, потому что она работала при столовой и немножко лучше питалась. Она сначала кормила своего сына, а потом тем, что осталось, кормила меня.

В 1942 году в лагере умерло более 2 тысяч человек. Это я знаю со слов моих родных. Мамина мама, бабушка Мария, умерла в концлагере в том же году. Похоронена она в Песках

Условия в лагере были очень тяжелыми. Обращались с людьми жестоко. Подходить к проволоке ни в коем случае было нельзя, переговариваться нельзя, если что — или расстрел на месте, или били плеткой с металлическими шариками на конце, или садили в карцер, называли его холодной «будкой».

Были случаи, когда даже заставляли провинившихся мальчишек бить своего товарища.

Голод был страшный, и ребята постарше убегали под колючую проволоку в поисках еды. Бегали к столовым и казармам финнов. Иногда им давали сухари, иногда кашу, добытое делили на всех.

Финны постоянно проверяли чистоту, боялись, что будет сыпной тиф, поэтому баня работала каждую неделю.

Мне запомнилось, что мылось очень много народу. Когда выходили, нам давали белье, и я помню, что, когда мама меня одевала, оно было горячим. Как потом мне рассказали, финны делали прожарку белья. Волосы мыли хлоркой, чтобы не было насекомых.

Однажды мама слегла от голода, очень сильно болела. Заболела и я. Папа уже где-то раздобыл дощечки мне на гробик, чтобы не в мешке хоронить, а в гробике. Так случилось, что кто-то его

попросил сшить сапоги (папа был хорошим сапожником). Он сшил сапоги, и за это ему дали кусок масла. Это масло стали добавлять в баланду, и как-то потихоньку мы с мамой поправились. Благодаря этому я осталась жива.

Я часто задумываюсь, как моя мама сумела сохранить такую крошку, как я, и моего брата. Никогда не задавала родителям этого вопроса. Они не любили, не хотели рассказывать и вспоминать жизнь в лагере.

Волков Виктор Николаевич

Этот страшный дом

Из блокнота писателя и журналиста Анатолия Гордиенко

У меня немало знакомых, кто прожил три долгих года за колючей проволокой. А вот недавно, прочитав мою статью о гибели в «зимнюю» войну нашей 18-й дивизии под Питкярантой, откликнулся Виктор Николаевич Волков. Его отец воевал в этой дивизии, а в 1941-м их всей семьей загнали в лагерь.

Мы встретились и раз, и два, а затем, выбрав ненастный денек — тема-то невеселая, пошли с Виктором Николаевичем по незарастающим тропкам его горестного детства, а прошло оно на Перевалке, в лагере № 6, и в штрафном лагере № 3 на Зареке.

Виктор Николаевич Волков не похож на других, он привлек меня цепкой своей памятью и поныне живущей обидой, болью неутихающей, непощением тех, кто отнял у него три года детства.

В. Волков:

— Вот этот страшный дом. Улица Олонецкая, 2. Штаб лагеря, некоторые звали его комендатурой. Тут наша колонна остановилась. Вышли начальники, стали делать перекличку. Крикнули: «Волковы!»

Мой отец — на костылях, сестре Вале — 5 лет, мне — 8. Раечка — у мамы на руках, ей один годик. Объявляют: нельзя выходить из лагеря, взрослые будут работать каждый день, продукты будут выдавать раз в неделю. Каждая семья имеет право занять только одну комнату.

Пошли мы по улице Олонецкой, стали спрашивать, где есть жилье. Вышли на улицу Чапаева, увидели большой деревянный дом. Он стоял напротив кинотеатра «Искра». Тогда там был пустырь. В доме том нашлась комнатка: три на три метра — на пять человек.

А приехали мы в Петрозаводск поездом с юга. Был декабрь 1941 года. Сборный эшелон, нас взяли в Свирьстрое. В теплушках полно людей. Выгрузили нас там, где нынче автовокзал. Крики, гам, стоны, солдаты финские с винтовками. Построили всех у теплушек.

Правое крыло повели направо в пятый лагерь, отсюда и название Пятый поселок, а нас погнали вверх — в шестой на Перевалку. Вещи все отобрали еще при посадке в вагоны, разрешили взять только то, что смогли унести мы в руках, — одежду да одеяло.

Назавтра погнали мать на работу. Отца освидетельствовали, увидели: действительно инвалид первой группы. У него на финской войне от голода и морозов ноги усохли.

А. Гордиенко:

— Это чудо, что он остался живой тогда, в 1940-м, ведь почти вся дивизия погибла. Если бы финны узнали, в какой дивизии служил ваш отец...

В. Волков:

— Мы этого очень боялись. Никому не говорили. Отец стал столярничать, отремонтировал пол, сколотил стол, нары. Маму гоняли на разгрузку дров, на разборку кирпичных разбитых зданий. Однажды послали на переборку картошки.

Вот здесь, у комендатуры, вечером их обыскивали. Мама спрятала в пучке густых волос под платком одну картофелину. И финский солдат нашел ее. Маму били розгами, плетками. На ночь бросили в холодный сарай, все его звали штрафной «будкой». Вот тут он стоял, этот карцер, теперь здесь огород. Мы, дети, пришли к «будке», просили отпустить маму, сестренки плакали, но финны ее не выпустили. Только назавтра она пришла окоченевшая, вся спина в кровоподтеках и синяках.

А. Гордиенко:

— Вас, детей, заставляли работать?

В. Волков:

— Каждый день зимой нас гоняли к железной дороге, к нынешнему автовокзалу. Здесь из вагонов выгружали дрова. Наши военнопленные их заготовливали в лесу. Мы должны были таскать эти метровые чурки в лагерь. Помню, первый раз я взял толстую чурку: принесу такую — отец похвалит. Пронес метров сто, споткнулся, пронес еще столько же и упал. Сил не было.

На день мне положен стакан муки. И все! Вот в этом добротном доме № 10 по Олонецкой улице был продуктовый склад. Староста получал здесь продукты, затем распределял по домам.

На день наша семья из пяти человек получала пять стаканов муки, несколько ржавых небольших селедочек и пакетик сахара. Главным продуктом, конечно, — мука. Но это была не мука! Это была молотая белая бумага с добавкой муки. Хлеба, коржа из нее нельзя испечь — хоть ты удавись, не получалось. Мы варили эту муку, глотали серый клейстер, который щелкал на зубах, прилипал к небу.

Как мы ждали весну! Скорее бы увидеть, сорвать травинку, съесть. Погнали как-то нас, детей, под стражей заготавливать побеги молодой сосны, рубить еловый лапник. Отвар из них варили, цингу отгоняли. Пригнали нас туда, где телецентр нынче. Снег уже таял, а там на лесной поляне лежали наши красноармейцы. В шинелях, без шапок, стриженные головы, черные лица. Говорили, что финны их осенью тут расстреляли...

А. Гордиенко:

— Умиряли люди в концлагере?

В. Волков:

— В нашем доме, в нашем муравейнике, жило более 30 человек, шесть семей. Весной 42-го умерли пять человек, умерли от голода.

После похода за дровами я обычно сидел на своем сундуке. Отец мне запрещал шевелиться, дабы я не тратил свои силы. Мама моя нас спасла! Она что-то приносила из города, мыла там полы кому-то, стирала белье. Когда трава пошла, ее тут же всю съели, огороды были голые, черная земля. Первой съедали крапиву, затем клевер. Клевер сушили, терли, добавляли в мучную затируху.

В лагере появились круглые сироты. Тех, у кого родители умерли, финны вывозили в Финляндию. Но только мальчиков, таких, как я, кому было 8-10 лет. Двух братьев Муравьевых увезли, моих дружков. Мать их умерла от голода, а отец был на войне.

Как мы ждали вестей с фронта! Однажды пролетели над лагерем два наших краснозвездных самолета. Сыпанули листовки, да ветром отнесло их от нас.

От голода, от грязной травы началась дизентерия. В лагере появлялся врач Богоявленский, его палка ходила по спинам тех, у кого плохо убран двор, грязно в уборной.

Маму стали гонять на рытье траншей в Песках. Рядом с кладбищем рыли, а затем возили туда мертвых. Утром по лагерю едет телега-ящик, собирает умерших за ночь.

Летом парней, которым исполнилось 15-16 лет, финны отправили на лесозаготовки. Вернулись к зиме — кожа да кости. Многие после померли от чахотки.

А. Гордиенко:

— Как вы попали в концлагерь № 3?

В. Волков:

— Мать уже была в особом списке. А тут двое парней наших убегали от финского патруля. Солдат гнался за ними, а отец мой их спрятал в нашем доме. Финн искал, но не нашел. На следующий день подъехала телега, туда бросили солдаты наш нехитрый скарб, бросили хромого отца, моих сестер.

Нас повезли на Зареку, к озеру. Это был строгий лагерь, его называли штрафным. Тут каждый день работа. Нас, мальчишек, собрали в бригаду и под винтовкой гоняли на заготовку крапивы и репейника. Ножами мы рубили высокие стебли крапивы. Ходили мы к парашютной вышке, к озеру.

Норма — заготовить до обеда три толстых пучка крапивы, очистить листья, отрезать коренья. Стебли крапивы, репейника потом замачивали, сушили, теребили, получали волокна, пряжу. Из этой пряжи плели коврики, делали подошвы для ботинок, а к подошве пришивали верх — куски старого пальто, одеяла. Это была наша зимняя обувь, а летом мы ходили босиком.

А. Гордиенко:

— Вспомните радостный день.

В. Волков:

— Режем крапиву, руки горят, при наклоне темнеет в глазах от голода. Вдруг слышим стук на дороге. Мы уже знали эту музыку — финны гонят наших военнопленных. Худые, страшные. Идет колонна, стучат деревянные подошвы, конвоиры покрикивают. Проходят мимо нас. Мы стоим как вкопанные, глядим. И вдруг один, в зимней шапке, сунул мне сухарь черный и прошептал: «Немцев разбили под Сталинградом. Радуйся, сынок».

И еще была радость — полыхнул у финнов гараж на Перевалке. Тушили, тушили. Ничего не смогли сделать. Слух потом пошел, будто поджег гараж Сеня-переводчик. Я его много раз видел в лагере — такой шустрый, веселый, финский язык хорошо знал, может, карел. Говорили, что его финны схватили и казнили.

А. Гордиенко:

— Вспомните черный день.

В. Волков:

— Это в шестом лагере случилось. Часовые на вышках новые заступили, необученные — так финны потом оправдывались. Двое мальчишек шли вдоль забора, вдоль проволоки с той стороны, на свободе. Финны и застрелили их.

Второй случай. Это было у штаба. Напротив казарма, там жили солдаты, патрули. Один пожилой солдат вынес на подносе гору сосисок. Стал продавать за деньги. Люди собрались, молча глядят на него. Финн зазывал просто и понятно — съел одну сосиску, другую. Смотрите, какие вкусные! Никто не купил. Тогда солдат разозлился, вывалил сосиски на дорогу и стал яростно топтать их сапогами, да не просто топтать, а втирать в землю.

Кстати, там у штаба вывешивали газету на русском языке «Северное слово». И кто-то регулярно ночью исправлял карандашом первую букву в названии — получалось «Неверное слово».

А. Гордиенко:

— Каким запомнилось освобождение?

В. Волков:

— В конце июня 1944 года началась у финнов суета. Один за другим пошли на север эшелоны. Мы с дружкой Володей Дутиковым стали вести счет, авось наши сведения пригодятся Красной Армии, записывали на бумажку.

Однажды в наши бараки финны стали закатывать бочки с горячим. Мы поняли — хотят поджечь лагерь. Дежурили круглые сутки и мы, и взрослые, но поджога не получилось. Зато в ночь на 28 июня финны подожгли причал. Я слышал взрывы — финны взорвали все мосты в городе. Ушли солдаты часа в четыре утра. Я видел, как уезжали последними самокатчики на велосипедах.

Утром встали — нет патрулей. Помню, как мы толпой с топорами, с лопатами бежали к колючке, помню, как я рубил ее топором до полного изнеможения. Потом сбегали в город — нет нигде финнов. Ура! Прибежали в лагерь, а все уже на пристани. Мы туда.

Четыре катера стояли у пирса. Дым еще клубился, люди носили воду, гасили доски причала. Меня моряк один спросил, отчего я такой тощий, а я молчал и глаз с него не сводил. Наши пришли!

Моряк принес мне горсть белых сухарей. Сестрички мои их не взяли, они не знали, что существует белый хлеб.

Старичок какой-то спросил, какие деньги нынче ходят. Командир вытащил кошелек и дал дедушке червонец — десять рублей, тете Ане, что знамя принесла и отдала его морякам, дал пять рублей, а мне ни с того ни с сего — три рубля с бойцом, с пограничником.

Я отдал денежку маме, а папу вывел на волю, и мы поковыляли с ним в порт, благо недалеко было. Отец, увидев катера, заплакал, а я, как и прежде, молчал.

Слез у меня не было, выплакал я их все на своем сундуке в неволе...

Волков Юрий Федорович

В меня стреляли из автомата

Родился я в 1933 году. Нашу деревню Ивину заняли финны. Устроили повсеместные обыски, отбирали и резали скот, хватали женщин, их водил по дворам местный мужик по кличке Порочка. Обо всех рассказывал, кто и что, хватал кур, овец, поросят. Через некоторое время нас погнали в плен, везли на двух лошадях. Гнали нашу корову — нетель, и телочку, и овец, и кур они зарезали при оккупации. Пригнали нас в Яшезеро, здесь нашу корову отобрали и отдали вепсам в Шелтозере, а нас погнали в Ладву. В Петрозаводск нас привезли в теплушках.

Загнали в лагерь № 6. Двойная колючая проволока, охранники с автоматами и собаками. За подход к проволоке расстреливали. Первый год нас строго содержали в бараке, даже не выгоняли маму за пределы лагеря работать, работали в лагерях. Еда — чашка, то есть банка пол-литровая, муки, на едука на неделю, мука была горькая, с белыми червями.

Мы страшно голодали, особенно просили кушать мои маленькие сестры Галя и Лида. Голод гнал тех, кто постарше, под колючую проволоку — в город, к складам. Мы пробирались через колючую проволоку ночью, много ребят погибло от автоматных очередей. Мы отрывали доски со стен складов и добывали, что попадет: когда галеты, крупы, когда сыр, когда капусту, а когда и ничего.

Однажды мне повезло, я утащил со склада немного сыра и масла, уже переполз обратно под проволокой, как вдруг по мне дали очередь из автомата. От боли в ноге я помертвел и очень испугался, лежал как убитый, а нога сильно кровила. Моя старшая сестра Эра унесла сыр и масло, а меня при смене караула в потемках унесла в барак мама. Меня хорошо спрятали, при обыске не нашли ни продуктов, ни меня — иначе бы расстреляли. Ранена оказалась левая пятка навилет. Я долго болел, рана плохо заживала.

Очень много людей умирало, увозили трупы один раз в неделю. Когда бросали листовки нам наши с самолета, то расстреливали всех, кто ловил эти листовки, делали облавы и всех сильно стегали плетками. Очень оголодавшие, истощенные люди тяжело переносили парилку, многие теряли сознание и умирали.

В концлагере мы были с мамой Анной Александровной Волковой, 1903 года рождения, я — с 1933 года, сестра Эра — с 1931 года, сестра Галя — с 1936 года, сестра Лида — с 1940 года.

Волкова Эра Федоровна

Мама прятала меня в подпол

Родилась я в 1931 году.

Когда началась война, наш папа Федор Егорович Волков, 1902 года рождения, ушел на фронт, он был командиром саперного отделения.

Нашу деревню Ивину финны оккупировали в августе 1941 года. Все обыскали, все хорошее (вещи, посуду) забрали, скотину отобрали, а нас: маму Анну Александровну Волкову, 1903 года рождения, меня — Эру Федоровну, 1931 года рождения, брата Юрия Федоровича, 1933 года рождения, сестер Галину Федоровну, 1936 года рождения, и Лидию Федоровну, 1940 года рождения, — погнали в плен. Гнали нас на Яшезеро, с Яшезера — на Ладву, с Ладвы — на Петрозаводск. Там очень долго и медленно нас били, бомбили, расстреливали, морозили, мы голодали.

В Петрозаводске загнали в лагерь № 6, кругом колючая проволока в два ряда, охранники с автоматами и собаками. За приближение к проволоке — расстрел. По баракам бродили пьяные финны, насиловали как молодых, так и малых, хохотали. Все это у детей на глазах, прямо на полу. Меня мама в такие дни прятала в подпол, и я там тихо сидела с утра до вечера.

Нас заставляли мыть уборные, бараки, до обмороков и до смерти жарили в парилках, еды давали одну банку (0,5 литра) финской муки с белыми червями на одного едока один раз в неделю. Голод гнал под колючую проволоку — на поиски еды.

Наш брат Юра добыл (украл) на складе за зоной сыр и масло, уже перебрал продукты, стал сам переползать, но финн заметил его, несмотря на то что было темно, выстрелил и ранил. Брат остался лежать неподвижно до смены караула. Во время смены караула мама его вынесла и спрятала. Когда пришли и стали обыскивать, Юру не нашли и продукты не нашли. Их уже в бараке разделили и съели. А если бы нашли, то расстреляли бы. Брат долго болел, у него оказалось сквозное ранение левой пятки, он потерял много крови, пока лежал неподвижно.

Когда с самолета сбрасывали листовки, то тех, кто ловил их, расстреливали на месте. Трупы увозили один раз в неделю, было очень страшно. Когда финны стали убираться восвояси, они заминировали все, очень много людей погибло на минах в день освобождения и позже.

Востряков Александр

Годы детства — мучительные

Родом я из деревни Кут-Лахты Лодейнопольского района Ленинградской области. Из дома нас привезли в лагерь Ильинский 17 сентября 1941 года. Из вещей у нас было то, что на себе, а хлеба, как говорится, что в животе. Все, что осталось в доме, взяли финны. А наши дома разобрали и увезли для сооружения землянок и укреплений. Скот отобрали для своего пользования.

Территория лагеря была огорожена колючей проволокой и охранялась патрулями, а на вышках по периметру стояли дозорные. Жило нас в комнате 16 человек. Клещи и тараканы не давали покоя. Когда в доме был покойник, появлялись крысы. Умирили многие, особенно в конце 1941 и в начале 1942 года.

Комнату отапливали дровами, а вечерами освещали лучиной. Хлеба давали по 100 граммов в день и по 300 граммов картофеля. Сколько-то крупы. Одежда и обувь изнашивались до такой степени, что люди ходили босыми и полураздетыми.

Годы детства для большинства из нас были не просто трудными, а мучительно-унизительными. Детей к работам привлекали с 12 лет и как могли унижали.

Когда нас освободили, я пошел работать на местный лесозавод. Потом был направлен в фабрично-заводское училище. Это был уже декабрь 1945 года. После выхода из лагеря весил 40 килограммов. Когда призывали в армию — 58, а при увольнении — 78 килограммов...

Вышедок Николай

Условия в Ильинском лагере были невыносимыми

Наша семья из шести человек находилась в Ильинском лагере с сентября 1941 по июнь 1944 года. В плен мы попали в деревне Куйтеже.

Условия содержания в лагере были невыносимыми. В одной комнате нас находилось до 30 человек. На первых порах, когда у людей еще были некоторые запасы, было терпимо. А потом сели на паек. Это 50 граммов хлеба и столько же крупы на человека, немного мороженой картошки.

Тут и начались все наши беды. Из-за недоедания и антисанитарных условий люди на глазах слабели. А ослабший организм настигнет не та, так другая болезнь. Уже в конце 1941 года в лагере начался повальный мор людей.

Никакой одежды, конечно, не выдавали. Все страшно обносились. Ходили в лохмотьях. И только после 1943 года положение немного улучшилось. Часть людей перевезли в петрозаводские лагеря, а оставшихся расселили по комнатам по 1-2 семьи.

Работать заставляли всех, даже подростков. Разгружали вагоны, выполняли хозяйственные работы на территории лагеря. Никакой оплаты за труд, конечно, не было. За малейшую провинность надзиратели били людей резиновыми плетками. Некоторых провинившихся отправляли в штрафные лагеря с более жестоким режимом. Так, например, деревня Семенаволок была окружена колючей проволокой. Узников под охраной автоматчиков выгоняли по утрам на валку леса, грузить и вывозить камни для строительства дорог и укреплений.

Среди нас были люди разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, евреи, татары...

Были мы освобождены в июне 1944 года. А вскоре многих из нас, кому подошло время, призвали в армию — мстить врагу за свое поруганное детство. Там нас подкормили, подлечили, обучили суровой солдатской науке в летних лагерях Лодейного Поля и распределили по частям для отправки на фронт.

Гаврилина (Бугай) Вера

Изобретали все новые наказания

Есть в Заонежье остров, который называется Олений. На острове был поселок, где рабочие добывали известь. После оккупации Заонежья мы вскоре оказались в 6-м петрозаводском лагере.

Наш барак был крайним. За колючей проволокой начиналось болото. Нас мучил голод. И вот однажды я на пригорке увидела крупные листья щавеля. Было мне 10 лет. Небольшого ростика, худенькая, я без труда пролезла под колючей проволокой. Нарвала целую шапочку щавеля. Но вдруг услышала крик патруля. Побежала и увидела, что возле моих ног пули поднимают комочки земли.

Я остановилась, и выстрелы прекратились. Снова побежала. Снова выстрелы. Опять остановилась. Думала в эти минуты о мате-

ри. Она и без того ночами плачет о моей 16-летней сестре, угнанной в трудовой лагерь, от которой давным-давно нет никакой весточки. А теперь, если меня часовой пристрелит, будет убиваться и обо мне. Я застыла на месте. Ко мне подошел патрульный и отвел к бараку.

Там он приказал всем выйти из помещения. Собрал всех у крыльца и устроил мне «показательный суд». Поставил меня на крыльце рядом с собой. Бросил себе под ноги мою шапочку со щавелем и стал неистово топтать сапогами. Потом снял со своего мундира ремень и стал им хлестать по перилам крыльца. И при этом произносил угрожающие слова. Что-то его все же удержало от того, чтобы избить меня ремнем. Видимо, мой вид настоящего дистрофика был настолько жалок, что он на это не решился. А может, вспомнил своих детей. Был он уже немолодым.

Хотя нужно сказать, что в лагере за малейшее нарушение режима не было никаких скидок и детям. Поблизости от нашего барака находился сарай, в котором хранили березовые прутья. Резиновых плеток им было мало, так лагерные палачи изобретали все новые наказания. От порки березовыми прутьями возникала невероятная боль. А когда почки березы попадали в тело, они вызывали нарывы.

Не смогли смирить свою жестокость наши истязатели и перед своим бегством в Финляндию, словно мы, ни в чем не повинные дети и беспомощные старики, были причиной их поражения.

Вспоминается такой случай. Перед высадкой нашего десанта Онежской флотилии охрана лагеря была снята. Хотя какие-то отряды вооруженных частей (скорее всего, саперные, чтобы взорвать мосты и обеспечить своим войскам отступление) еще в городе оставались. И дети первыми побежали за пределы колючей проволоки. И тут раздалась автоматная очередь. Упал мальчик. Он был старше меня на несколько лет. К сожалению, забыла его фамилию. Он был тяжело ранен и через два-три дня умер.

...Иногда меня молодые люди спрашивают: в какие игры вы там играли? И я неизменно отвечаю, что в лагере у нас не было детства. Мы были маленькими старичками и старушками, и у нас была единственная «игра» — прятки от охранников и надзирателей.

Жили надеждой на освобождение. Эту надежду поддерживали и наши храбрые летчики, которые, невзирая на обстрелы, сбрасывали на лагерь листовки с рассказами о том, что происходит на фронтах, и умели уходить от вражеских снарядов. Некоторые из этих листовок люди прятали и хранили до самого дня освобождения.

И он наступил для нас 28 июня 1944 года. Я живу в Харькове на Украине. Очень тоскую по Заонежью, по Карелии...

*Малолетние узники за колючей проволокой концлагеря.
Петрозаводск. 1944. Военный архив Финляндии*

Вид концлагеря. Петрозаводск. 1944. Национальный архив РК

*Малолетние узники за колючей проволокой концлагеря.
Петрозаводск. 1944. Архив КС БМУ. Фото: Галина Санько*

Вид концлагеря. Петрозаводск. 1944. Военный архив Финляндии

Голубева (Ульянова) Валентина Алексеевна

В лесу отморозила ноги

Родилась я 20 февраля 1928 года в Заонежье, в деревне Масьельская Гора. Там мы и жили до войны.

Осенью 1941 года нас на барже хотели эвакуировать, но не успели. Встал лед, пришлось нам вернуться в свою деревню, а там уже были финские солдаты. Так мы оказались на оккупированной территории. Из нашей деревни, которую финны считали погранзоной, нашу семью, как и других односельчан, насильственно вывезли в деревню Ламбасручей.

В лесу были партизаны, и к нам они тоже заходили. Финны искали их с собаками. Чтобы собаки не взяли след партизан, я насыпала табак на землю. Нас выдал переводчик, и меня отправили в лагерь № 2 города Петрозаводска. Мне тогда было 13 лет.

Помню, что наш лагерь находился в районе Кукковки. В лагере было голодно и холодно. Мы выполняли разные работы: пилили лес, жгли уголь. Я там отморозила ноги, ведь вместо зимней обуви на ногах были опорки из ольховой коры. Всю жизнь помню финского солдата по фамилии Пааво Виртанен: там, в лесу, когда я отморозила ноги, он снял с себя рукавицы и надел мне на ноги, этим спас меня от глубокого обморожения.

Хорошо помню день 28 июня 1944 года, когда был освобожден Петрозаводск нашими войсками. Перед уходом финские солдаты заминировали лагерь, видимо, отступая, хотели взорвать его, но среди узников были те, кто смог обезвредить взрывные устройства.

После освобождения Карелии от врага я училась в ФЗУ на штукатурка-маляра, переехала в Кондопогу и много лет работала на стройках города.

Гончарова (Латакова) Екатерина

Паспорт бордового цвета

...В одной из бригад нашего трудового лагеря переводчиком был некий Филиппов. У него одна семья жила в Кяппесельге, а другая — в Финляндии. Как он там оказался, нам было неизвестно, но он был душевным человеком и нам сочувствовал. Порой недоедал сам, а нам приносил украдкой кусочек то галеты, то сыра.

Но вот однажды из его бригады ночью пропали шесть девушек. В лагере был страшный переполох. Многих из нас допрашивали, угрожали. Как потом выяснилось, Филиппов, оценив обстановку и изучив местность (у многих финнов были подробные карты районов Карелии), увел девушек через линию фронта, до которой от лагеря было всего шесть километров.

Над лагерем часто пролетали советские самолеты. Нас они не бомбили, а несли свой смертоносный груз в ближайший поселок, где размещалась финская воинская часть. Когда мы шли на работу, солдаты-охранники подгоняли нас, а иногда и толкали прикладами в спину.

Основными орудиями труда на строительстве дорог были топор, пила, лопата, лом и носилки. Работали группами по 4–6 человек. За день одному человеку нужно было вырубить шесть погонных метров леса на трассе дороги. Одежды не выдавали. Иногда привозили сапоги и ботинки, снятые с убитых красноармейцев. Однажды «повезло» и мне: выдали сапоги 46-го размера. На ноги пришлось наворачивать всякие тряпки, чтобы сапоги не соскочили с ног в грязи или в болоте.

Наш лагерь значился под номером 1. А лагерь № 2 находился в районе станции Кяппесельга. Условия жизни и работы там были еще тяжелее. В том лагере находился мой двоюродный брат Александр Мошин.

В августе 1942 года наш лагерь перевели в деревню Малую Медвежку. В лагерь влили и семейных. Это были женщины с детьми от 10 до 13 лет. Среди них были семьи Кочановых, Овчинниковых, Забавиных и другие. Характер работы не изменился.

Бревна, землю и камни носили в отвалы на плечах или на носилках. По-прежнему было голодно, и в пищу шло все, что могло хоть как-то притупить чувство голода. Из голов селедок, которые удавалось найти, варили суп, собирали грибы и ягоды, так как в этом лагере забора не было — видимо, уже не хватало колючей проволоки. Украдкой ходили на станцию Кяппесельга и покупали у солдат галеты, если заводились хоть какие-то марки. В Малой Медвежке работала баня. Была открыта церковь.

В марте 1943 года лагерь был переведен в деревню Мелойгубу — на берегу Уницкой губы Онего. Расселили нас в трех деревнях: в Кокорине, в Бардове и в Мелойгубе.

Осенью финские власти (это был 1942 год) выдали лагерникам паспорта. Этот документ представлял собой две тонкие корочки, внутри были вписаны фамилия, имя и отчество владельца, а также рост, цвет волос, глаз и внесены отпечатки трех пальцев. Русским паспорта выдавали бордового цвета, карелам и вепсам — голубого.

Гришина (Титова) Валентина

Красивая была плетка...

Была в Заонежье замечательная деревня Барковицы, но война смела ее начисто. Вот оттуда я родом.

В конце 1941 года в деревню заявили финские солдаты. Отобрали у нас последнюю корову. Нашли зерно, припрятанное под полом. А мать нашу, словно это добро было ворованным, солдат из полевой полиции огрел несколько раз плеткой. Красивая такая была плетка... Вот ведь осталась же в памяти!

Отец был на фронте. А уходя из дома, сказал матери:

— Береги детей!

Было нас четверо. Мне, старшей, — девять лет, а младшему Шурику не исполнилось и года. И невзирая на это, маму угнали в трудовой лагерь. Вначале это было дорожное строительство, а потом, по слухам, увезли не то в Финляндию, не то в Германию. Так с тех пор мы о ней ничего и не слышали.

У меня на руках осталось трое детей. После того как нашу деревню сожгли, мы убежали в пустовавшую деревню Уницу. Жители ее были перед приходом финнов эвакуированы. Мне там какой-то бородатый дед посоветовал идти к финским солдатам и просить еду, а то мы все помрем с голоду.

По-разному относились они к таким, как мы. Помню, как один паренек попросил у солдата хлеба, а получил ногой под зад. А я стояла за деревьями и плакала. У меня были Коля, Галя и Шурик, они ждали, что я их чем-нибудь накормлю. Несмело подошла к солдату. Дрожащим голосом по-фински попросила кусочек хлеба. Посмотрел на меня финн, дал большую галету и немного каши. И так же, по-фински, я его поблагодарила. Так и ходили все мы просить — и дети, и старики.

Потом всех осиротевших детей поместили в дом приюта. Он находился в селе Космозере. В комнатах было темно и душно. Спали на двухэтажных наскоро сделанных «кроватях».

Имена и фамилии нас заставляли забыть. Дали клички. Моя была Черная, подруги — Белая. Разговаривать по-русски не разрешали.

Перед едой произносили слова молитвы. Водили нас к священнику, который учил, как правильно следует молиться.

Чаще всего нам варили суп из крапивы, которую мы сами и рвали. Хлеба давали совсем мало.

Этот приют и жизнь в нем мне никогда не забыть. Галя, а вскоре за ней и Шурик умерли от недоедания и простуд. Это было уже в 1943 году. Одна из девочек от всего этого кошмара тронулась умом. Я тяжело болела малярией.

За малейшую провинность нас наказывали. Один мальчик взял из туалета бумагу, и за это его наказали плеткой. Он потом убежал в лес и не вернулся... Другой от приступа голода забрался на кухню. Его поймали и с крыши сарая подвесили за ноги. А потом голым за дом посадили в снег. Финн командовал:

— Пой «Катюшу»!

А мы все стояли рядом и вынуждены были смотреть...

Данченко Екатерина

А мы поем: «Жила-была Россия...»

Расскажу о своей маме Т. Е. Авериной (Гоголевой). Я работала директором Туокслахтинской основной школы в городе Сортавале. Воспоминания о своей матери, бывшей малолетней узницы, оформила для нашего школьного музея боевой славы. Я пользуюсь сохранившимися в нашем семейном архиве записями моей матери Авериной (Гоголевой) Таисии Ефимовны. А потому эти воспоминания будут идти от ее имени.

«Наша семья до войны жила в деревне Воронье Подпорожского района Ленинградской области. В деревне жили 50 семей. Люди работали в колхозе. В сентябре убирали урожай, и мы видели, как людей эвакуировали на баржах по Свири из Подпорожья и Свирь-строя. А нас уполномоченные из района успокаивали, что нужно работать, кормить нашу армию и что скоро наши войска отгонят врага. Но финны наступали.

Мы взяли из дома самое необходимое и ушли в лес. Вырыли землянки. Но финны добрались до нас и погнали на станцию Токари. Посадили всех в товарные вагоны и отправили в Петрозаводск. Так мы оказались в 5-м лагере, В семье у нас было пять человек: мой отец Ефим Георгиевич Аверин, мама Анастасия Георгиевна, сестра Лидия, брат Николай и я.

Не успели в лагере обосноваться, как отца сразу направили в Кутижемский лагерь на лесозаготовки. Это был лагерь строгого режима, и условия содержания в нем были ужасными. Отец там немного поработал и заболел. Поначалу отказали ноги, а потом и весь

организм. Там он и умер в мае 1942 года. Но узнали мы об этом намного позже. Письма оттуда писать не разрешали.

В декабре 1941 года мне поступила команда явиться к воротам лагеря с вещами. Мне было 16 лет. Мы с мамой не спали всю ночь. Она наставляла меня, как следует поступать в той или иной обстановке и чего нужно остерегаться. Привезли нас в поселок Орзega. В небольшой комнате поселили 14 человек. Спали на нарах в два яруса, на голых досках, а укрывались верхней одеждой. Узел с бельем служил подушкой.

Все девочки были совсем молоденькими. Так начиналась наша взрослая жизнь.

У каждой из нас был свой номер, пришитый к пальто. Мой — 116. Утром и вечером — проверки. Перед уходом в лес дадут похлебки из ржаной муки и кусочек хлеба — вся дневная норма. Пока ведут до работы, всю и съешь. Обеда не было. Вечером варили что-то наподобие супа с мерзлой и плохо очищенной картошкой.

Работа была тяжелая. Пила — длинная, непослушная, а силенок мало. Суточную же норму нужно было сделать. Работали через силу. Жили без света. Постоянно ощущался голод. И когда вечерами лежали на нарах, мечтали только о скорейшем освобождении от этой каторги и о том, чтобы досыта поесть.

Не могу забыть один трагичный случай. Наш охранник вместе с нами сидел у костра, а его винтовка лежала рядом с ним. Одна девочка из Заонежья, молоденькая и красивая, взяла ради озорства винтовку и со словами:

— Я умею стрелять, — произвела выстрел в воздух.

Взбешенный финн выхватил у нее оружие и выстрелил в нее. Убил наповал.

...Зима кончилась, летом стало чуть полегче. Когда поспела черника, финны установили для нас норму ее сбора: два литра в день. А того, кто сделает недельную норму на третий день — это 12 килограммов, отпустят на выходной к родным в лагерь. Такое вот своеобразное увольнение — из лагеря в лагерь. Девчата постарше норму выполняли досрочно и ездили навещать родных. Но писать письма и передавать их не разрешали.

Тамара Варшукowa, двоюродная сестра моей мамы, привезла мне из лагеря плохие новости. Умер отец. А мама от горя и голода — двумя месяцами позже. Им обоим было немногим более 40 лет.

Сестру Лиду и брата Николая приютила тетя Поля Бусарева. От этих вестей проплакала я несколько дней.

Осенью нас направили в другой лагерь — в Вилгу. Условия там были не лучше. Но на новом месте мне выдали обувь, потому что ходить на работу было не в чем. Ботинки оказались большого размера, брезентовые, на деревянной подошве. Кормили тоже плохо. Я настолько отоцала, что в бане не хватало сил поднять из котла полведра горячей воды, и я ошпарила ногу. Ходила в медпункт. Но работать все равно заставляли.

Голову в бане принуждали мыть карболкой. Белье прожаривали. В помещении ставили чугуны с горячей серой. Воздух был настолько непереносимым, что терялся голос. Непослушных, не желавших проходить такую санобработку, били плетками, а остальных выгоняли смотреть на это зрелище, чтобы было неповадно.

Летом 1943 года в лагере появились трое мужчин, представители «Красного Креста». Нас построили. Осмотрели, как мы выглядим. А выглядели мы более чем неважно. Для своих лет я была высокая, но очень исхудавшая. На ногах — колодки. Один из представителей спрашивает:

— Что-нибудь болит?

— Все болит, — отвечаю ему.

Записали мой номер. Велели отойти в сторону. Таких нас набралось человек тридцать.

Через две недели увезли в петрозаводский лагерь. При виде меня родные расплакались. Стали мне выделять из своего скудного пайка кусочек хлеба побольше. Но пристала цинга. Ноги покрылись синими пятнами. Ходить не могла. Лечили три недели. Но недолечили.

Комендант лагеря направил на разборку кирпичей. Разбомбленных домов в городе было немало. Всю зиму 1944 года с этими кирпичами возились. Все же была какая-то польза для послевоенного восстановления Петрозаводска.

Повезут на работу в машине, а мы стоя поем:

— Жила-была Россия — великая страна...

Охранник молча останавливает машину, требует прекратить пение. Какое-то время молчим, а потом снова запеваем. Уже чувствуем, что нашим притеснителям недолго остается помыкать нами, издеваться над беззащитными пленниками...

На следующий день к пристани подошли корабли Онежской флотилии...»

После войны мама жила в поселке Свирьстрой Лодейнопольского района Ленинградской области. Умерла она 12 сентября 1998 года.

Кабанов Капитон Варламович

Все мысли были о еде

Я родился в 1930 году в деревне Шонгостров Ленинградской области. В 1933 году наша семья: отец, мать, сестра, брат и я, — переехала в Петрозаводск по приглашению родного дядьки. Мы поселились в 5-м поселке, в бараке. В 1937 году от воспаления легких умер отец. В мае 1941 года после тяжелой болезни умерла мать.

Началась война. Бомбежки. Старший брат решил отвезти нас с сестрой в родную деревню, а сам ушел в армию. Прожили мы там 4 месяца, а в ноябре в деревню на велосипедах с автоматами за плечами въехали финны. Расположились они на проживание в доме Беспаловых.

Пока Онежское озеро не замерзло, нас не трогали. В декабре всех деревенских посадили на сани, по замерзшему озеру довели до станции Токари, там погрузили в вагоны и увезли в Петрозаводск.

По счастью, нас привезли в 5-й поселок, где мы жили до войны. Поселок был огражден колючей проволокой, вокруг ходили патрульные. В одной комнате селили по две семьи. На неделю давали одну кружку муки на человека.

От грязи и тесноты расплодилось вши. Клопы десятками падали с потолка. Финны каждый день жгли серу в бараках, пропаривали нашу одежду. Женщин и мужчин загоняли мыться в одну баню.

Сестре Зине было 15 лет. Она работала и получала дополнительно ложку масла и хвост селедки, старалась накормить в первую очередь меня, отрывая этот скудный паек от себя.

Все мысли были заняты только едой. Мне было тогда уже 11 лет. Один парень наелся крапивы, через два часа у него пошла пена изо рта, и он умер. Очень много умирало маленьких детей и стариков.

Однажды я сильно заболел, финны меня изолировали, но не лечили, рассудив: выживет — так выживет. Неделю я провалялся, находясь между жизнью и смертью. Сестра, на свой страх и риск, перелезла через проволоку, набрала грибов и сварила мне суп. Возможно, это меня и спасло. На следующий день я пошел на поправку.

Каждый день сестра сдавала кровь для раненых финских солдат и, ослабевшая, сама заболела тифом. Но, к счастью, Зина поправилась. Без нее я бы не прожил.

...Однажды один парень убежал за проволоку поискать пропитание и получил за это 10 ударов плетью. Со мной тоже произошел подобный случай. В майский день я просушивал одежду «на коз-

лах», понес обратно в дом и не снял шапку. Комендант не любил, когда в помещение заходили в шапке. Он выругался и так стукнул меня по голове, что шапка отлетела в сторону, и я не смог ее найти.

...Почти четыре года были вычеркнуты из жизни... Целыми днями я лежал, чтобы сохранить хоть какие-то силы...

Киселева (Артемьева) Римма Николаевна

На снимке есть и я

Мы жили в деревне Остречины Вознесенского района Ленинградской области. В сентябре 1941 года пришли враги. У нас со двора вывели телку и забили ее. Мама плакала, солдат-фашист наставил на маму автомат за то, что она ревела, дедушка наш отвел маму в сторону. Солдаты, отрубив у телки голову, бросили маме.

В октябре нас повезли на лошади на станцию Ладва. Нас было четверо детей и трое взрослых. За санями гнали дедушкину и нашу коров. В Ладве упала лошадь, нам дали другую. Вещей у нас было по узелку. Немного питания было, немного толокна наготовлено. Финские солдаты все отобрали. В деревне Ивине и коров отобрали.

На станции Ладва было очень много народа, неделю жили в одном недостроенном доме, сделали нары и топили буржуйку. Было очень холодно на улице, и в доме снега тоже было много. Подали товарные вагоны. Привезли в Петрозаводск. Все вышли из вагонов. Узелки велели оставить у вагонов и нас под стражей повели. Привели к забору, опутанному колючей проволокой. Забор высокий — более двух метров, столбы стоят в два ряда в двух метрах друг от друга, и опутано все колючей проволокой. Ворота — широкие, сделанные из колючей проволоки. На столбе прибит щит с надписью об угрозе расстрела.

В лагере нас разместили по несколько семей в одной комнате. Стоял конец октября. Было холодно и голодно, растапливали снег и кипятили. Дров не было, топили печку всем, что горит. Давали норму муки — несколько столовых ложек на человека.

Наступил 1942 год — со страшными морозами и снегом. Мы по очереди сидели на плите — грелись. Это был лагерь № 6. Зиму

Р. Н. Киселева

*Узники нацизма (фрагмент).
Фото: Г. Санько*

1942 года прозимовали. Весной началась повальная смертность. В нашей семье умер дедушка.

Нам, детям, хотелось воли и хотелось есть. И мы, дети, невзирая на угрозы, убегали из лагеря под проволоку — в город, просили у солдат на кухнях каши и супа. Однажды нас поймал староста, а утром всех вызвали в штаб охраны и пороли перед лагерем.

29 июня 1944 года нас освободила Красная Армия. На второй день после освобождения Петрозаводска нас навестила корреспондент. Она сделала снимок в лагере № 6. На этом

снимке запечатлена и я, Римма Артемьева, — справа во втором ряду, в черном берете. Корреспондент спрашивала:

— Откуда вы дети? Из каких мест вас сюда привезли?

Козыревская (Колобова) Надежда Павловна

Нас спасла мама

Я родилась в деревне Пидьме Подпорожского района Ленинградской области в 1935 году. Отец работал лесником, мама была домохозяйкой. В марте 1941 года отца забрали на военные сборы. Мама ждала в это время шестого ребенка. 21 июня она родила девочку, назвали ее Галей. А на следующий день началась война. Папа так и не вернулся домой.

С первых дней войны начались бомбежки. С нами оставались дедушка с бабушкой. Маме с шестью детьми без них невозможно было справиться. Самому старшему было 10 лет.

Несколько семей ушли в лес, в том числе и наша. За продуктами мы ходили в деревню, но там хозяйничали бывшие заключен-

ные, которых выпустили из тюрьмы. Финны наступали. Когда осенью стало холодно, пришлось вернуться в деревню. А там уже были финны. Выбрали старосту, бывшего директора школы, пожилого человека.

Финны приказали нам собираться и ехать на станцию Токари. На подводу нагрузили муку, одежду, посадили маленьких детей и поехали. Добрались до станции. Маленькая Галя, которой было всего 5 месяцев, умерла в первую же ночь.

Через несколько дней нас посадили в товарные вагоны и повезли в Петрозаводск. Из вещей разрешили взять только один узелок с одеялом и двумя подушками. Этот узелок я помню до сих пор. Сколько дней нас везли, не помню.

Попали мы в 5-й лагерь, в бараки с длинными, темными, холодными коридорами. В комнатах жило по 10–15 человек. Окна были так низко расположены от земли, что в них никогда не попадало солнце. Так началась наша лагерная жизнь.

Из еды давали нам на неделю: большую кружку ржаной муки — на взрослого человека и маленькую — на ребенка и кипяток с сахаром.

Барак был окружен проволокой и вышками с часовыми. На воротах надпись: «Кто уйдет с территории лагеря — расстрел». Что и происходило потом. Родителей под конвоем водили на работу на озеро — вытаскивать из воды бревна и заготовливать дрова. Нормы были непосильными, но того, кто их не выполнял, ждала порка.

Дети оставались в бараках одни без присмотра. От такой жизни пошли болезни. Первым заболел брат Шура, он умер от водянки. Помню, как зимой мама принесла его домой в одеяле, положила посреди комнаты и начала плакать, причитать. Потом мама отнесла брата в сарай, где покойники лежали как дрова. Когда сарай наполнялся трупами, их отвозили в Пески, бросали в общую могилу без гробов. Затем от голода умер дедушка.

Детских голосов в коридоре барака не было слышно. Дети сидели как замороженные. Мы не плакали, есть не просили, понимали, что дать нам нечего. Не учились, не играли (игрушек не было). Каково было нашей маме смотреть в наши глаза?

Издательства над пленными были, и я их помню. Каждые 10 дней всю нашу одежду прожаривали, а нас водили в баню.

Н. П. Козыревская

В бане вместе мылись все: старики, дети, мужчины и женщины. Перед мытьем женщин ставили на скамейку и выбривали волосы. У тети Пани Ермолаевой была очень длинная и толстая коса. Косу финны отрезали. Тетя Паня не выдержала позора и выбежала из бани голая. Она бегала по снегу босиком, но ее поймали и выпороли. Она долго болела.

Каждый вечер проверяли наличие людей в бараках. Если кого-то не было, весь барак лишали пайка на неделю. Один мальчик ушел за проволоку, и все жители его барака, доведенные до отчаяния, ворвались в комнату, где проживала его семья. Сорвали настил с плиты. Внутри стоял чугунок с картофельными очистками. Голодные люди стали хватать эти очистки. А мальчика выпороли. Его крики были слышны долго. Помню, как люди грудью падали на мерзлые капустные листья, которые зимой бросали за колючую проволоку вилами.

У маминной сестры от голода и водянки умерли двое детей. Мама сломала руку, и ее вместе с нами, детьми, как нетрудоспособную, направили в деревню Святнаволок Петровского района. Там нас, несколько семей, поместили в один дом.

Мама должна была одной рукой убирать дом. Выносить из дома все шмотки, вытряхивать их, мыть полы и смотреть за детьми. Если надзиратель увидит где-то пыль или грязь, плетки не миновать. Мама очень этого боялась. Когда рука поправилась, мама стала работать в поле, ухаживать за капустой. Кроме зеленых листьев, брать ничего не разрешали.

Однажды в лагерь приехал сам Маннергейм. Очень высокий, худощавый, с черной повязкой на глазу, с тросточкой в руке. Это было в 7-м лагере.

Меня и брата крестил финский священник и дал нам новые имена. Но мы по-прежнему называли друг друга своими именами.

В июне 1944 года наши войска стали освобождать Карелию. А перед этим

Маршал Маннергейм на петрозаводском вокзале. 1943. Военный архив Финляндии

наши надзиратели объявили: кто хочет, может уезжать в Финляндию. Были и такие, кто ушел вместе с финнами.

Тетя Галя Галкина, которая жила в нашей комнате, встретила своего мужа, когда пришли наши войска. Мы так плакали, как будто родных встретили. Солдаты увидели голодных, изможденных людей, рахитичных детей, развернули полевую кухню и две недели нас кормили. В оставленные дома стали возвращаться бывшие хозяева, они к нам хорошо отнеслись.

Взрослые, в том числе и наша мама, пешком пошли за 100 километров в Спасскую Губу — за документами, чтобы уехать на Родину. Потом нам выделили машину, дали немного хлеба на дорогу и отправили по домам. Нас довели до Подпорожья, оставили на речном вокзале. Мы не знали, сохранился ли наш дом, поэтому сразу в деревню не поехали. Мама оставила нас на вокзале, а сама пошла пешком в родную деревню за 70 километров, чтобы узнать, цел ли дом.

Дом был цел, но в деревне ей вручили «похоронку» на папу. Она вернулась обратно за нами вся в слезах. Пошли мы пешком в родную деревню...

...Я окончила зооветеринарный техникум, потом — Пушкинский сельскохозяйственный институт. Трудилась на станции искусственного осеменения. Наш Сортавальский район занимал первое место в Карелии по количеству новорожденных телят. 40 лет работала в сельском хозяйстве, получила звание «Ветеран труда», награждена почетными грамотами республики, союзного министерства.

Меня избрали председателем Сортавальской местной общественной организации пенсионеров — малолетних узников фашистских концлагерей.

Костин Николай Сергеевич

Из неволи — в неволю. Рассказ о моем отце

Этот день для моего отца Сергея Кузьмича был радостным, если можно говорить о радостях в условиях лагерной жизни. Он, узник с номерным знаком матросского лагеря, был отпущен к родным, томившимся в 6-м петрозаводском лагере.

— Всю последнюю ночь, — рассказывал он нам потом, — мне было не до сна. Перед глазами прошла моя жизнь, полная горечи и лишений, которых достало бы и на несколько жизней.

Светлый луч того утра вселял отцу надежду, что он навсегда прощается с этой ужасающей жизнью и каторжной работой и что его дети будут всегда с ним. Он так мечтал увидеть их, оказаться в кругу семьи. И вот свершилось чудо — он с нами!

Слезы радости текли по его щекам, исхудавшим и изрезанным глубокими морщинами. А было ему всего-то 37 лет!

Все, что можно, из него выжали оккупанты на лесоповале. Они это делать умели. Там каждый день люди умирали десятками. Это были такие же, как и он, заключенные и наши солдаты-военнопленные. Умирали они от непосильной работы, телесного истощения. Там, в Матросах, каждый лагерный день ему казался вечностью. В последний месяц он настолько ослаб, что был освобожден от лесоповала и лежал в бараке, ждал своего последнего часа. Не только администрации, но и своим товарищам он становился в тягость. И вот только тогда его мучители приняли решение отправить умирающего к своей семье.

Из неволи — в неволю. Такой же барак, те же теснота и голод. Но он был среди своих, мог спокойно прожить свои последние дни и знал, что они хоть как-то облегчат эти часы его мук и страданий. Грустными прощающимися глазами смотрел он на своих детей, которые были все в него — светлолицые и русоголовые. А верная и терпеливая его жена Евдокия, наша сердечная мамушка, не боялась выйти за него замуж, хотя он и тогда был полукалекой. А почему он им стал — это другая, тоже грустная история.

Некоторые люди ошибочно думают, что Беломорканал строили исключительно заключенные. Вовсе нет. Сколько там по всему каналу в оврагах и насыпях покоится косточек и наших заонежских мужиков, которые от бессилия падали с тяжелыми тачками, гибли в бараках от рук уголовников, болели туберкулезом и цингой, страдали от голода. Вот и мой отец свое крестьянское здоровье оставил там. Он упал под обрыв вместе с тачкой и только чудом остался в живых. Из советского трудового лагеря он прямоком угодил в финский. Так вот нелепо сложилась его жизнь, в которой были одни лишения и одно стремление — выжить для семьи, и он выживал, насколько хватало его сил.

С наступлением первых летних дней мы его вынесли из барака посидеть на завалинке, погреться на ясном солнышке да подышать свежим воздухом. О чем ему думалось в те минуты?

Перед его глазами были родные Кижы, его деревня Ямка. Вот он, колхозный бригадир, идет тропинкой по острову. По обе стороны колыхается рожь, а в ней то там, то тут синеют васильки. Зацветает

лен, словно озеро волнуется. Какая это была красота! И ему думалось о том, что не придется больше видеть все это. Все разрушила, все исковеркала и перевернула вверх дном война. Чтоб ни дна ни покрывки этим проклятым оккупантам...

Умирал он тихо и спокойно, ни на что не жалуясь. Невольно вспоминаются некрасовские строки: «Немота перед кончиною подobaет христианину».

...Вскоре после написания этих воспоминаний не стало и самого Николая Сергеевича, который много сил и присущей ему инициативы во всем, за что бы он ни брался, отдал работе в Карельском союзе бывших малолетних узников. Пусть же и это стихотворение будет ему данью нашей светлой о нем памяти.

Памяти однофамильца Николая Костина

В одном из лагерей Петрозаводска
Не раз он наблюдал, душой скорбя,
Как проридалось сквозь колючки солнце,
Текла сквозь них кровавая заря.
Стоял в глазах ребенка страх печали.
Не видел он в неволе светлых дней.
И через годы все в ушах звучали
Собачий лай и крики патрулей.
Он видел детской памятью голодной
Сквозь скопище нещадных мук и зла:
На Родине, еще от бед свободной,
Родимых Кижей в небе купола,
Цветущие вдоль берега полянки,
Зарю над ними, что была ясна;
Как наяву — свою деревню Ямка, —
Из мрачной ямы лагерного дна.
Онего простирается как море...
Здесь памяти обрыв, тупик, конец.
...В бараке мать, вся сникшая от горя,
Больной и умирающий отец.
Сын понимал своим умом недетским:
Свободы свет сметет неволи мрак.
В душе горела искорка: надейся,
Ты выживешь, повержен будет враг.

2004

Иван КОСТИН

Красильникова Клавдия

И снова ненавистный лагерь

...Я видела, как горела наша Шуньга, бывший центр Заонежского района. В Шуньгу я приехала из деревни Фомино, чтобы вывезти бабушку и дедушку. Наши при отступлении сожгли и взорвали все государственные учреждения, а также мосты. Финны наступали и вот-вот должны были появиться в Шуньге. Дедушка был болен, и нам пришлось положить его на телегу. Мы взяли необходимые вещи и даже не стали закрывать на замок дверь. Зачем? Все равно, кому нужно, войдут.

Приехали в Фомино, это четыре километра от Шуньги. Сказали соседям, что в Шуньгу входят финны, что мы сами видели их издалека в белых маскхалатах, на лыжах. Люди плакали...

Вскоре финны появились и в Фомино, как и в других соседних деревнях. Был назначен над нами староста Василий Косачев. Через несколько дней он с женщиной-переводчицей заглянул и к нам. Произвели обыск. Переписали все продукты, которыми наша семья располагала. Оставили нам малую часть, остальное забрали. И так поступали в каждом доме.

У мамы нас было четверо: старшая Клавдия, я — 14-летняя, еще сестра 11 лет и брат годовалый. С нами были бабушка и дедушка.

В деревне было 16 дворов. Коров у всех забрали и отвели на общий скотный двор. Назначили для ухода за ними двух доярок. Нам на маленького ребенка выделяли литр молока. В доме нашего дяди открыли магазин. В магазине работали две молодые финки. Они жили в одном из домов вместе с переводчицей.

Нас из нашего дома переселили в другое помещение, где стали проживать несколько семей. К этому времени умер дедушка. В нашей комнате стояли большой стол и одна кровать, на которой спала вся семья — ложились поперек. На другой стороне комнаты поселили семью нашего дяди с четырьмя детьми. Всех занесли в список. Его вывесили на двери квартиры. Каждый день кто-либо из комендатуры приходил с проверкой. В определенный час все должны были быть на месте.

Через две недели всех трудоспособных взрослых и детей, начиная с 15-летнего возраста, стали привлекать к работам. Мне прислали повестку явиться в Кажму, где было отделение комендатуры. Вместе с десятком жителей Фомино мы туда и направились. Там нас посадили на машину, и переводчик сказал, что нас пове-

зут на дорожное строительство. Мама пришла прощаться со мной. Она думала, что меня отправят куда-то очень далеко, может быть, и в Финляндию. При прощании она очень плакала.

Нас привезли в лагерь. Он был огорожен высоким забором из колючей проволоки. Располагался он рядом с деревянной Тунатрекой Медвежьегорского района.

На территории лагеря были два барака. В нашем разместили до 30 человек. В комнате — двойные нары. При входе в барак с одной стороны размещалась печка, с другой — бочка с водой.

С утра по особому сигналу нас выводили на работу. Завтрак перед выводом в лес был весьма скудным — баланда и два кусочка галет по 50 граммов. Мы пилили лес на дрова, а из них выжигали уголь. Более тяжелой работой занимались сильные и взрослые женщины, а нас, молоденьких девчонок, использовали на подвозке песка, уборке хвороста и на других подсобных работах.

Когда уголь доходил до готовности, нас ставили на его разработку, которая заключалась в том, что специальными молотками мы эти угольные пласты разбивали. Работа была нудная, утомительная, и к вечеру мы уже не могли разговаривать между собой. Возвращались в бараки усталыми, грязными и чумазыми. Рядом была баня, и после работы мы ходили в нее по восемь человек, чтобы смыть всю дневную копоть. В бане были корыта, в которых мы и мылись. Но мыла не было.

Так работали в течение месяца. После этой работы наши волосы на голове так слиплись, что мы не могли их расчесать. Стали плакать, проситься домой. Одежда у всех разорвалась. Домой, конечно, никого не отпустили, но комендант пообещал выдать спецовки. У всех появились вши. В субботу после полуторамесячной работы нас наконец-то повезли домой.

Набралось в машине до 30 человек. Много ли нам в ту пору нужно было для радости? Как только тронулась машина, мы запели наши любимые довоенные песни. Но вдруг машина остановилась, и из кабины выскочил комендант:

— Прекратить пение! Вокруг партизаны. Вы, что, хотите, чтобы нас обстреляли и убили?!

Перед тем как отпустить по домам, нас предупредили:

— В субботу ходите в баню, отдохните, а в воскресенье к 12 часам всем собраться к машине на этом же месте.

Мы обрадовались даже краткому свиданию с родными, с домом... Но эти неполные два дня пролетели так быстро, что мы и не успели ни о чем как следует поговорить.

И снова ненавистный лагерь, неволя... Так мы работали то на заготовке леса, то на дорожном строительстве до лета 1944 года. Но уже к весне этого года финны почувствовали, что отступить им придется, и режим нашего содержания чуть ослабили. Но домой все равно не отпускали.

Из лагеря в Тунатреке нас увезли в Святнаволок. Везли через Юозозеро. Мы видели по пути такие же лагеря, каким был и наш: там тоже наши сверстники и сверстницы пилили дрова, жгли уголь, строили дороги. В святнаволоцком лагере было до трех тысяч заключенных. Скорее всего, там было несколько лагерей, сосредоточенных в одном месте. Нас расселили в старых домах по 30 человек. Полмесяца на работу не выводили. Не кормили, и в лесу ничего съестного найти было нельзя. Ходили по домам и побирались, как самые последние нищие, да таковыми мы, в сущности, и были...

...Вырастила я пятерых детей. Имею двенадцать внуков и двух правнуков. Значит, жизнь прожита не зря. В них — вся моя радость.

Ланев Юрий Степанович

Страшное слово «война»

Ю. С. Ланев родился 24 апреля 1938 года в Петрозаводске. Его имя хорошо известно в Карелии. Он мастер спорта СССР по туризму, заслуженный работник физической культуры России, был основателем и бессменным руководителем туристического клуба «Сампо» Петрозаводского государственного университета. В юности он мечтал стать музыкантом или врачом, но вся жизнь его связана со спортом. До конца своей жизни в октябре 2022 года Юрий Степанович продолжал работать и учить молодое поколение, воспитывая смелость, выносливость, любовь к Отечеству.

...Когда началась война, трехлетний Юра вместе с братом и сестрой проводил лето в маленькой деревушке в Заонежье.

— Брат Володя был на 7 лет старше меня, а сестра на 7 лет старше брата, — вспоминал Юрий Степанович.

Она ему сказала:

— Страшная пришла беда. Не знаю, как долго, но тебе придется над Юркой шефство вести, ты отвечаешь за него.

Ю. С. Ланев

Их мама оказалась в городе, а попасть в Заонежье было тяжело, но она все-таки смогла это сделать.

Пришла зима, и все население оккупанты на машинах стали вывозить в Петрозаводск. Везли зимой по Онежскому озеру, а лед так трещал, что ехали с открытыми дверями, потому что боялись провалиться. Все молились, плакали и хотели как можно скорее пересечь Онего.

Семья Ланева попала в лагерь № 6 на Перевалке.

— Жили, как и все, трудно и голодно, — вспоминал Юрий Степанович. — Знаю, что бабушка варила суп из травы. Нарвать ее было тяжело, потому что лагерь был окружен проволокой, под которую приходилось лезть. Конечно, мы ходили голодные, но даже на этом скудном питании благодаря родным как-то росли. Саму-то войну мы, малыши, не чувствовали. Бегали во дворе. Играли. В лагере я подружился с четверьмя своими одногодками-мальчишками. Крутились вокруг проволоки, потому что дети есть дети...

Юрий Степанович вспоминал такой случай, произошедший вскоре после освобождения. Ребята увидели двух советских солдат и с ними девочку 12 лет. Оказалось, что она была сестрой одного из воинов. Мальчишки бросились к бойцам, один порылся в вещмешке и достал оттуда сухарь, который разделил на четыре части.

Дети кинулись к солдату, был сухарь и нет его — не разжевывая, проглотили. Воины, обалдевшие, смотрели на них, какие они голодные, спрашивали что-то. И вдруг встали на колени, начали просить прощения:

— Ребята, мы спешили.

Мальчишки не понимали, что происходит. Солдаты — взрослые, с медалями, а перед ними просто пацанята. И один боец сказал:

— Очень тяжело воевать. Но мы победим, ребята, мы выгоним фашистов со своей земли.

...Примерно через три или четыре года в центре города к Юрию Ланеву подошла девочка. Она оказалась той самой сестрой солдата, с которым мальчики встречались в лагере. Девочка рассказала, что ее брат погиб под Польшей, а его друг — под Берлином. От удивления Юрий даже не успел ничего спросить — девочка ушла.

Юрий Степанович отмечал, что, несмотря на все трудности, война сплотила людей, все относились друг к другу бережно, научились беречь жизнь:

— Война, конечно, оставила у нас, малолетних узников, свой тяжелый след. У меня девять внуков, и я не хочу, чтобы они испытали или повторили наш путь...

Лантух (Вершинина) Валентина Васильевна

Осталась коса на проволоке...

...Лагерный голод гнал нас, мальчишек и девчонок, в город — к финским кухням и казармам, чтобы раздобыть что-либо съестное. В самый мрачный и голодный 1941 год мне исполнилось 18 лет. А для того, чтобы выйти в город, был только один путь — пролезть под колючую проволоку, да так, чтобы не заметили охранники. Каждая вылазка была связана с риском наказания — до 25 ударов плеткой. Слабые не выдерживали, и некоторых приходилось на руках относить в барак. Но, несмотря на страх, голод гнал людей в город.

Расскажу лишь об одной такой памятной для меня вылазке. Но вначале несколько слов о том, как я оказалась в 4-м петрозаводском концлагере.

Перед самой войной я приехала из Подпорожского района Ленинградской области к своей старшей сестре в Кондопогу — помочь ей с детьми. Их у нее было четверо, и все — мал мала меньше.

Через две недели после моего приезда началась война.

Осенью нас отвезли в Шелтозеро на пристань. Напрасно мы ждали баржу, она не подошла. Там, в деревне Другая Река, мы оказались в оккупации. От карельских паспортов, что нас спасло бы от выселения в лагерь, мы отказались.

Так вот, находясь в 4-м лагере, с уже покойной ныне Машей Остовой пошли на Троицу в город. Пришли к финской кухне. Нас попросили помыть полы, а потом почистить туалет. Все это мы сделали. А за работу нам дали немного гнилой картошки. Стали возвращаться.

Крадучись, приблизились к проволоке. Я приподняла нижний ряд и пропустила вперед подругу. Только стала перелезать сама, увидела, что по направлению к нам идет староста-доносчик. И я так рванулась вперед, что коса моя, зацепившись за колючки, так и осталась висеть на них.

Сгоряча я боли не почувствовала, но, оказавшись в бараке, не могла найти себе места. Коса оторвалась вместе с клочками моей кожи.

Раны заживали долго. А на работу выходить заставляли.

В. В. Лантух

Через какое-то время наш 4-й лагерь ликвидировали и всех перевели в 6-й, который размещался на Перевалке.

Некоторое время возили на работу на слюдяную фабрику — для щипки слюды. Работа требовала большого навыка, а наши руки были непослушными, работа — непривычная, и норму выполнять мы не могли.

А вскоре нас, подростков, стали направлять на лесозаготовки. Я оказалась в местечке Койвусельга в Пряжинском районе. Там жили в бараке под той же лагерной охраной. Привозили нас на две недели. Потом отвозили на некоторое время в лагерь, затем снова на лесозаготовки.

Кормили раз в сутки горячей баландой. Остальное пропитание было в лесу — грибы, ягоды, съедобные травы. Работали голодные и истощенные. Норма заготовки была установлена в объеме 6 кубометров с корня. С нормой справляться мы не могли и вместо 300 граммов получали только половину.

Я исхудала настолько, что меня спасло лишь наступление наших войск. Когда финны отступили, я едва смогла выйти из барака в лесу на крыльцо, чтобы дожидаться своих. А те из наших ребят и девочек, кто смог, убежали в лес.

Заготовками леса руководил некий Паксонен. Человек грубый, он нередко пускал в дело и плетку.

Вот какие ужасы и страдания пришлось нам пережить в самом расцвете нашей молодости, вместо того чтобы учиться, водить по праздникам хороводы, петь любимые песни, которые, сказать по правде, мы не забывали и в лагерях. А некоторые из них даже приспособивали к своей лагерной жизни:

Раскинулся лагерь широко,
Кругом лишь бараки стоят.
А в доме большом и высоком
Засел белофинский отряд.
Не слышно по лагерю песен,
Не слышатся крики детей.
Барак наш угрюмый и тесен,
Он полон безвинных людей...

Песня эта, на популярный мотив «Раскинулось море широко», была длинной и отражала все стороны лагерной жизни. За ее пение наказывали. Но люди, доведенные до отчаяния, все равно продолжали петь. Песню, как и птицу, нельзя было отгородить колючей проволокой...

Литвинов Василий Павлович

Я не мог ходить

Перед началом войны я вместе с родителями проживал в деревне Гакручей Вознесенского района Ленинградской области. Мой отец Павел Мефодьевич Литвинов и старший брат Леонид, 1922 года рождения, были мобилизованы на фронт.

Наша семья в составе семи человек оказалась на оккупированной финнами территории. Наша деревня находилась в прифронтовой черте, все население было оттуда вывезено в лагерь. Мы попали в лагерь № 5, где находилось 5 тысяч узников. Так началась изнурительная, голодная и бесправная жизнь за колючей проволокой.

В сутки мы получали 50 граммов муки на человека, один кусочек сахара (5 граммов). Трудоспособное население каждое утро выводили под конвоем на работу в город. От тяжелой работы, голода и холода узники умирали ежедневно. В нашей семье умерли младший братик 3 лет и бабушка. Чудом осталась в живых моя мама Наталья Александровна. Еще хуже было положение узников в трудовых лагерях. В январе 1942 года я попал в такой лагерь, находившийся в 2 километрах от станции Кутижма. Сюда для заготовки дров было завезено из семейных лагерей 600 человек. Они жили в трех бараках с двойными нарами. Бежать было невозможно: лагерь окружала проволока высотой в 2,5 метра. Кругом охрана. Утром давали 150 граммов хлеба, пол-литра кипятка и 5 граммов сахара. В обед — пол-литра мучной баланды, вечером — картофельные очистки.

Была установлена норма выработки — полтора кубометра леса «на корню» и 3 кубометра при разделке на бирже. Выполнить ее было невозможно. Многие умирали прямо в лесу или на бирже.

Все узники имели лагерные номера, я числился под № 132. На второй год нахождения в этом лагере из 600 человек в живых осталось только 149.

После годичного пребывания в этом лагере я не мог ходить. Меня вывезли обратно в семейный лагерь № 5. Когда немного поправился, вновь отправили в трудовой лагерь. Там я находился вплоть до освобождения Петрозаводска 28 июня 1944 года.

Прошло много лет, но все перенесенные ужасы забыть невозможно. Подорвано здоровье, я стал инвалидом второй группы.

В. П. Литвинов

Львов Венидиктор Павлович

Больно вспоминать ужасы войны

Я родился в 1933 году. С 1937 года по сентябрь 1941 года проживал в городе Подпорожье. У нас была большая семья — три брата, сестра, мама и папа.

В июле 1941 года началась мобилизация мужчин в армию. Отец Павел Иванович, 1908 года рождения, не был мобилизован, так как был не годен к военной службе по болезни. Но он был зачислен в истребительный батальон для борьбы с парашютистами, охраны правопорядка в Подпорожье и охраны электростанции.

В конце сентября — начале октября батальон вступил в бой, я был в батальоне вместе с отцом. Бой происходил у электростанции. Финны начали форсировать реку Свирь. Я видел и лодки-понтонны. Отец спрятал меня в картофельном погребе...

Потом были разные ситуации, я нашел родных и отца, но мы оказались в плену. В октябре нас погрузили в эшелон и ночью привезли в Петрозаводск, построили и повели в лагерь № 2.

Это был кошмар. Финские солдаты никого не щадили — били палками, прикладами всех, кто попадал под руку.

Мы все почувствовали: плен — настоящий ад. Дети сразу повзрослели на несколько лет.

Лагерь № 2 находился между Зарекой и Кукковкой. В нем было 10 двухэтажных домов и один одноэтажный дом — там размещались штаб финской охраны и казематы, где допрашивали узников.

Нас поместили в один барак вместе с другой семьей — Киселевыми. Они были нам родственниками. Две семьи жили в одной комнате (на 18 квадратных метрах 11 человек). Спали на полу, не было ни матрасов, ни одеял. Зимой было очень холодно, кормили плохо. Люди умирали семьями от болезней, голода и побоев.

Моему брату было 9 лет, моему родственнику Ивану Киселеву — 10, а мне — 8 лет. Мы из-за голода решили уйти из лагеря на поиски пищи. И ушли.

На станции Голиковка увидели открытый вагон, там была картошка. Мы набрали 3 противогазных сумки картошки и пошли обратно в лагерь, но при подходе к месту, откуда мы убегали, нас поймали финские солдаты, завели нас в стрелочную будку и начали

В. П. Львов

допрос с пристрастием. Моему брату Валентину дали 25 ударов плеткой, били по ногам и мягкому месту, Ивану — 15 ударов. Он потерял сознание. А меня не тронули, я был такой истощенный, что они, видимо, побоялись брать грех на душу.

Голод толкал людей на нарушение лагерного режима, а наказание было одно — плетка.

В 1943 году нас перевели в другой лагерь — № 3. Это был большой лагерь, народу было много из разных районов республики...

Охрана лагеря была жестокой. В этом лагере людей публично не били, а уводили в штаб, что с ними делали, знает один Бог.

В 1944 году организовали школу для обучения детей грамоте. Я пошел в 1-й класс, хотя он у меня был окончен до войны. Обучали нас арифметике, письму, рисованию и закону Божьему. Учился я хорошо, оценки ставили по 10-балльной шкале. В школе давали завтраки. Школа была расположена метрах в 500–600 от лагеря.

Нас строем вели 3 автоматчика в школу и из школы до проходной. Учебников не было, а тетради и карандаши были. Учителя были русские из концлагеря. Постоянный контроль осуществлял финский офицер, при нем был патруль — 2–3 человека.

Зимой 1944 года нас перестали сопровождать автоматчики в школу, исчез и патруль в школе. Мы почувствовали некоторое послабление в охране лагеря, часовые с вышек были сняты, но патруль обходил лагерь по периметру.

Мы были настолько напуганы режимом лагеря, что никто не убежал из него. Ближе к лету мы группами по 3–4 человека стали уходить из лагеря, чтобы раздобыть продуктов. Мы просили их у местных жителей, у финских солдат. Кое-кто из финских солдат давал марку или галеты. Финские солдаты никакого внимания на нас, оборванцев, не обращали, кроме патрулей, те выполняли свой долг, а мы хорошо от них прятались в развалинах.

К этому времени мы хорошо говорили по-фински на бытовом уровне. Финны открыто нам говорили: скоро придут ваши.

28 июня 1944 года такой день настал. Морской десант причалил к пристани, пристань горела, и мы, мальчишки, первыми бежали встречать своих освободителей.

Во время встречи прогремел глухой взрыв, это взорвались какие-то внутренние помещения. Я и мои сверстники попадали в воду. Меня выловил матрос и передал солдату, он перевязал мне обожженные ноги, а чтобы я не плакал, со своей пилотки снял звездочку и подарил ее мне, затем побежал догонять своих.

Вот так я встретил освобождение от плена.

Потом пришли пешим ходом полки Красной Армии, но я их не встречал, лежал дома с забинтованными ногами.

Началась послевоенная жизнь. В школе я учился недолго, в 1948 году поступил в ремесленное училище, потом работал на Онежском заводе, там вступил в комсомол, был признан лучшим токарем среди молодежи.

В 1952 году меня призвали в армию, отслужил 3 года, затем работал токарем на одном из предприятий города.

В 23 года снова пошел учиться. Поступил в Лесотехникум, на вечернее отделение. Затем заочно закончил Ленинградскую лесотехническую академию. Все эти годы я работал, учился и занимался спортом, вел большую общественную работу. Был чемпионом республики и Петрозаводска по боксу в легком весе (до 60 килограммов). Работал главным механиком Петрозаводского лесопильно-мебельного комбината. Мне присвоили звание «Заслуженный инженер КАССР». Награжден орденами и медалями.

Воспоминания о войне и концлагере написал очень кратко — больно вспоминать ужасы войны и послевоенной разрухи.

Р. С. В. П. Львов умер 15 февраля 2007 года.

Макеева Ленина Павловна

Такое забыть нельзя

Я коренная петрозаводчанка. Родилась 14 марта 1936 года. Когда началась война, мне было пять с половиной лет.

Семья наша жила в трехэтажном кирпичном здании в районе нынешнего старого вокзала. Квартиру в этом доме дали отцу. Он работал на железной дороге и звали его Павлом Ильичом. Был он 1908 года рождения. Мать — Ольга Михайловна Ильюкова. Она прожила долгую жизнь.

Когда началась война, отец уверял нас, что долго она не продлится, но все сложилось иначе. Начались бомбежки города. Люди прятались в бомбоубежищах, а когда объявляли отбой тревоги, возвращались домой. После одной из таких бомбежек отец сказал:

— Поезжайте к бабушке в деревню. Эта деревня — глухая, туда враг не придет.

И отправил нас в свою родную деревню Шангостров, что в Подпорожском районе Ленинградской области, где жила его мать, моя бабушка. Сам он оставался на брони, как железнодорожник, и за-

Л. П. Макеева

нимался эвакуацией грузов промышленного характера.

Деревня, куда мы приехали, была почти пустой, но война туда пришла быстрее, чем в Петрозаводск.

Мы пытались уйти от наступавшего противника. Бабушка взяла на дорогу немного продуктов и даже повела корову. Мы направились в сторону Свири.

Моему братику Юре было три с половиной года. Я вела его за руку. С нами шли и некоторые другие семьи.

Мы ушли в лес примерно за три километра, построили там шалаши и жили около двух недель. Кончилась еда. Некоторые из женщин пошли на брошенные колхозные поля — накопать картошки. Но тут появились финские солдаты-разведчики. Они пришли в наше расположение и всех, кто там был, под конвоем привели в деревню. Так мы оказались фактически в плену.

Мама была беременной, уже на последнем месяце, и в деревне родила двойню — девочек.

В ноябре нам дали команду собраться в 24 часа и взять с собой только самое необходимое. Привезли нас на машинах на станцию Токари, там погрузили в товарные вагоны и отправили в Петрозаводск.

Ехали долго, потому что по пути в состав грузили людей со всего Подпорожского района. Когда из деревни уезжали, финны весь скот забрали, отобрали и хорошие вещи.

Поначалу мы вернулись в свою городскую квартиру. Мама пошла по делам в город, и ей кто-то из знакомых посоветовал получить финский или карельский паспорт, что помогло бы избежать неприятностей. Но никто не мог предвидеть всех страданий, через которые нам предстояло пройти, и мать категорически отказалась от получения таких документов, считая такой шаг предательством, тем более что наш отец был партийным.

А через некоторое время нас направили в лагерь номер пять и разместили в домах барачного типа, которые уже были обнесены колючей проволокой. Место это в дальнейшем получило название Пятый поселок. Там и сегодня еще стоят некоторые дома той поры.

Сначала нас приютили родственники в комнате площадью 20 метров. Семья наша выросла — я, мой брат Юра, мама и две сестрички Нина и Галя. С нами также из деревни приехали бабушка и дедушка.

Население лагеря стремительно вымирало, со временем нашей семье дали отдельную комнату в 42-м бараке — восемь квадратных метров. Тоже было очень тесно, но все же это было отдельное жилье. Быстро начался голод, давали очень мизерное и некачественное питание. Семье выдавали норму на неделю, мама пыталась разделять ее понемногу, чтобы каждый день была какая-то еда. Муки давали немного, из нее делали болтушку. В условиях голода, холода, без медикаментов люди умирали целыми семьями.

Не обошло это горе и нас. Один за другим умерли бабушка и дедушка. Организм мамы тоже ослаб, и она заболела куриной слепотой и малокровием, отнялись ноги. Нам было очень тяжело в этот период. Много помогали соседи, они приносили воду и дрова.

Мои маленькие сестрички Галя и Нина, не получая даже материнского молока, тоже умерли. Галя погибла от голода в конце 1942 года, а Нина — в начале 1943-го.

...Помню, в лагере начался коклюш. Если заболел один ребенок, то заражались и все остальные. Это было невероятно. Я до такой степени кашляла, что мама порой брала меня на руки и выносила на улицу, там мне становилось легче.

Многие стали болеть инфекционными болезнями, были и тиф, и цинга. Люди умирали...

Потом другая беда — вши и клопы. Всех поголовно: мужчин, женщин, детей, — стригли наголо и водили в жарилку. Загоняли в баню всех подряд, неважно, мужчины это, женщины или дети. Одежду в это время в соседнем помещении жарили. А в домах жгли серу, чтобы вывести паразитов. Потом под конвоем вели в дом № 14 на улице Владимирской. В этом доме мы вповалку ночевали.

Когда возвращались, стоял очень сильный запах серы, и около плитусов, примерно на сантиметр-полтора, — трупы клопов. Но через неделю клопы опять появлялись...

Дети, которые еще не могли работать, плели лапти и корзины. Всех трудоспособных людей отправляли на работу: заготавливать лес и строить дороги. На этих работах умирало очень много людей: если отправляли 30 человек, то обратно возвращались 17–20, остальные погибали от голода и болезней.

Город был разрушен, людей отправляли на разборку зданий. Работали и на улице Зайцева, там был совхоз, где выращивали капусту, морковку. Там трудилась и наша мама.

Мама приносила с поля совхоза нижние листья капусты, их называли хряпа. Ими мы делились с семьей Костроминых, которые жили у нас за стенкой и нам помогали: Валентин, Гена, тетя Нюра

смотрела за детьми. А ребята — то один, то другой — приносили воду и дрова.

В лагере был такой сильный голод, что даже крапива не успевала вырастать, так как ее сразу собирали и съедали. А за колючей проволокой рос щавель, поэтому дети делали подкопы под проволоку, собирали этот щавель и уходили в город к финским кухням, просили еды. Некоторые удачно возвращались обратно в лагерь, а некоторых ловили, вели в «будку» и пороли розгами.

Часовые с наблюдательных вышек, обнаружив детей, открывали стрельбу. Были случаи, что детей убивали и ранили.

Когда мы все болели, нас спасла от смерти Римма Гушева. Ей было лет 14–15, родом из той же деревни Шангостров.

Римма вместе со взрослыми ходила на работу в город, трудилась в казарме и в совхозе. Она была не по годам сноровистой и находчивой — умела найти то у финнов, то у местного населения что-нибудь из съестного. И непременно делилась с нами.

Однажды, помню, она принесла чашку горохового супа, он такой был густой-густой, что мама развела кипятком. Суп оказался таким вкусным, что до сих пор его вкус помню. Я очень признательна Римме за все это. И, может быть, благодаря ей мы сумели продержаться в самое трудное время.

...В 1944 году, к моменту приближения освобождения, в небе стали появляться советские самолеты, которые выбрасывали листовки. Финны отбирали листовки, попадавшие к заключенным, а кто-то все-таки сумел их сохранить. Они рассказывали остальным: наша Красная Армия уже на подступах к Петрозаводску!

Утром 28 июня 1944 года советские войска вошли в освобожденный город.

...Потом, спустя время, мы ходили на вокзал встречать поезда — мы ждали нашего отца. И вот однажды стояли на перроне, а кто-то вдруг сказал:

— Павел Ильич приехал, он дома.

Ну, конечно, мы прибежали домой, были рады, что отец остался жив...

Когда был создан Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей, я стала активно участвовать в его работе. Была председателем нашей организации в 2000–2004 годах, а с ноября 2022 года вновь стала председателем союза.

Главное, о чем просят и чего желают члены союза, — чтобы в жизни новых поколений больше не было таких тяжелых и страшных испытаний, какие довелось пережить нам.

Малюткина Валентина

Нас объединяло общее горе

Когда я прохожу по улице Олонецкой в Петрозаводске, около небольшого дома замедляю шаги. В нем мы прожили самую трудную зиму 1942 года. Под его крышей проживали 23 человека. Но, помню, ссор не возникало. Всех нас объединяло общее горе.

Сюда нас привезли из Заонежья. В нашей семье было 9 человек: семидесятипятилетняя бабушка, мама с тремя несовершеннолетними детьми и старшей дочерью 24 лет, у которой были двухлетняя дочь и трехмесячный сын. С нами приехала тетя со своей двадцатилетней дочерью.

У штаба лагеря финны отобрали все продукты, которые мы привезли с собой. Таким образом, уже с первых дней мы были обречены на голодное существование.

Через две недели прошли первые лагерные похороны. Умерла бабушка. Она сильно простыла, когда нас везли на машине по озеру в полуоткрытом кузове.

От голода и холода люди слабели день ото дня. В феврале не стало нашей двенадцатилетней Розы. Она играла на улице, забралась на сугроб и провалилась глубоко в снег. Ее едва откопали. Она заболела, лекарств не было... Увядал на глазах маленький сын сестры, а молока у матери не было. Грудные дети умирали один за другим. Лишь после этого лагерная администрация приняла решение выделять на грудных детей по сотке молока. И маме удалось спасти своего любимого внука Женю. С наступлением весны она работала на уборке улиц и сумела продать в городе несколько приличных вещей, которые ей удалось пронести в лагерь.

Зимой мою двоюродную сестру Аню и соседку Марусю направили на лесозаготовки в Орзегу. А весной их, тяжело больных, привезли обратно в лагерь. Больных навещал фельдшер. Но без лекарств он ничем помочь не мог.

Жизнь наша в бараке № 7 шла уныло и однообразно. Большим огорчением было отсутствие книг. Под окнами нашего дома была натянута колючая проволока. Она поминутно напоминала нам, что живем мы в неволе.

Люди продолжали умирать. Освобождались места в бараках и даже целые комнаты. У моей подруги Оли Курановой на лесозаготовках в Кутижме умерла мать, тридцатипятилетняя женщина. Ее неожиданная кончина ускорила уход из жизни и ее родителей,

бабушки и деда Оли. В 14 лет Оля осталась одна. Сколько горя выпало на ее долю! У другой моей знакомой девочки Лиды Колосовой там же, в Кутижме, финские надзиратели забили до смерти семнадцатилетнего брата и тридцатилетнего дядю. Сколько людей погибло только в одной Кутижме!

Мимо нашего дома постоянно ходили патрули. А по другую сторону колючей проволоки, на свободе, жила карельская семья. Из-за этого соседства мы еще сильнее испытывали тоску по воле...

Рядом с нами жила молодая женщина Люба с двумя дочерьми и двумя сыновьями. Мальчики, чтобы не умереть с голоду, пролезали под проволокой и шли к солдатским кухням. Однажды Люба предложила и мне сходить с мальчиками на этот опасный промысел. Но, посоветовавшись с мамой, я отказалась. Желая нам помочь, Люба предложила другой вариант. Чтобы мне было не так страшно решиться на этот поступок, она обещала пойти и сама. А в это время у моей старшей сестры от голода стали пухнуть ноги. И тогда, получив мамино согласие, я решила сходить с Любой, чтобы раздобыть что-либо из съестного. Сколько пришлось пережить страхов!

Наша операция по преодолению проволочного ограждения проходила таким образом: выследив, когда часовой отойдет подальше в противоположную сторону, мальчик Андрей становился ногой на нижний ряд проволоки, а его брат Толя тянул следующий ряд сверху. И в этот момент мы с Любой пролезали. Затем я становилась двумя ногами на нижний ряд, а Люба натягивала верхний, и тогда пролезали Андрей с Толей. Потом мы ползли до леса и выходили на дорогу по направлению к солдатской кухне. Повар, увидев нас, знаком подзывал к себе, и мы подходили к кухне. Он наполнял нашу посуду кашей. Затем мы заходили в казармы шведов. Мальчики считали их более добрыми. Мы просили продать нам хлеба, хотя марок у нас не было. Солдаты давали немного галет. И мы, счастливые и довольные, возвращались тем же путем.

После первой вылазки я стала смелее ходить с мальчиками за кашей уже без Любы. К кухне я подходила первой. Повара к девочкам относились более благосклонно и не позволяли вольностей. Приходилось бывать и в казармах. Я была ростом маленькая и слабенькая. И солдаты, жалея меня, всегда мне давали хлеба побольше. Но, возвращаясь домой, мы все делили поровну.

Наши походы под проволоку вскоре закончились. Однажды нас троих вместе с Любой вызвали в штаб лагеря и обвинили в нарушении лагерного режима. На нас донесла жена старосты, хотя и сама тоже ходила на «свободу». Это была уже весна 1943 года.

Моя старшая сестра пошла в штаб к переводчику Семену (впоследствии расстрелянному финнами), чтобы он добился для меня смягчения наказания. Кончилось тем, что мальчиков наказали плеткой, а меня с Любой посадили в холодную «будку».

Весной 1943 года мне исполнилось 15 лет, и настала пора выходить на работу. Мама, работая на уборке домов в городе, нашла для меня старую фуфайку и сапоги. Я нашла себе на рукав красный лагерный знак. Так начались мои подневольные будни.

Наша бригада укладывала на вокзале полутораметровые поленья. С нами работали и наши военнопленные. Они сбрасывали с вагонов чурки, а мы их укладывали в костры. Работа была тяжелой, а мы — слабенькими. У меня ныли руки, болела спина...

Иногда нас направляли в Матросы за бревнами. Шоферы предлагали кому-либо из девушек сесть в кабину, но поскольку там место было одно, мы отказывались и терпели холод. В любую минуту бревна могли разлететься и придавить нас. Наша задача сводилась к тому, что мы зацепляли концы бревен в кольца, а шоферы, стоя на машине, тащили их по продольным слегам на лесовоз.

28 июня 1944 года было яркое солнечное утро. Стояла напряженная тишина. Мы бросились к воротам. Они были открыты. На одном из домов бывшего штаба кто-то уже успел повесить портрет Сталина. Здесь мы узнали, что Онежская флотилия подошла к городу. Все побежали к причалу встречать моряков.

На следующий день встретили нашу пехоту. Одна из моих двоюродных сестер с подругой соорудила лозунг в честь освободителей города. Начиналась трудная, но свободная жизнь.

Мы выжили, а значит — победили!

Михайлов Владимир Ильич

Так начался наш плен

...Летом 1941 года наступавшие войска Маннергейма подвергли интенсивным бомбежкам и артобстрелам железнодорожный мост через реку Свирь, в трех километрах от которой стоял наш дом. Мы устремились в лес в юго-западном направлении от Подпорожья. Вырыли землянки. Ночью было хорошо видно зарево пылающего Подпорожья. Немцы заметили с самолетов наши костры. Финские наступающие части вывели нас на дорогу и повели в сторону станции.

Так начался наш плен, который продолжался до лета 1944 года. Поначалу нас разместили в деревне Усланке на берегу все той же Свири, где уже было немало таких беженцев, как и мы. А там уже распределяли по лагерям.

Так, гостившие у нас тетя Вера из Ленинграда и ее дочери — шестилетняя Тамара и трехлетняя Лариса — попали в Ведлозеро. А мой друг Боря Ромашов при живых родителях оказался усыновленным бездетной финкой.

Мне все же повезло: оказался с родителями в петрозаводском лагере № 3. У меня имеется документ из военного архива Финляндии, в котором в графе «ближайшие родственники» стоит знак вопроса. Возможно, и я рассматривался лагерной администрацией в качестве кандидата на усыновление.

У отца открылся туберкулезный процесс, и нас троих отселили в деревушку Готнаволок, где мы спаслись от голодной смерти дарами природы. А отвары шиповника помогли организму отца окрепнуть. В лагере паек был очень скудным. Пища — несносного качества. Все ели, ничем не брезгуя, даже подножной травой.

Помню, как мы с Колей Дьяконовым однажды пролезли под проволоку, чтобы выпросить у финских солдат хоть какие-либо объедки. Разные были финские солдаты, некоторые делились своими, тоже, надо думать, небогатыми военными пайками.

Время от времени над лагерями появлялись наши самолеты и сбрасывали листовки. Несмотря на строжайшие запреты, некоторые из них мы подбирали. Одна — от 3 марта 1944 года — хранится у меня до сих пор.

После освобождения на месте своего дома мы нашли пепелище...

Михайлова (Андрианова) Валентина Васильевна

Мою подругу убили

Нас в лагерь № 5 привезли из Шустручья Вознесенского района. Сказали, на две недели, а оказалось — на годы. Мне тогда 11 лет было. Поселили нас — бабушку, меня, брата и тетю с двумя детьми — в одной комнате площадью 9 метров. Одежды никакой, одно платье. Спали на голых досках. Сами мастерили себе одежду.

Нам давали по 100 граммов галет в день на человека, выдавали сразу на неделю. А ведь ребята терпеть не могут — лежишь ночью голодный, раз куснешь, два — и все галеты съешь. А потом неделю

голодный ходишь. Мы ходили просить еду за проволоку, к солдатским кухням, к поездам. Финны, у которых были свои дети, добрее были, давали хлеба, каши. К поездам ходили, песни пели, «Катюшу», просили по-фински:

— Милые дяденьки, дайте кусочек хлеба.

Язык тогда быстро запоминали.

Но в поездах опасно было, прыгать с них на ходу нужно было, да и среди проводников звери попадались. Однажды нас с подругой — ее Ритой звали — проводник заметил и погнался за нами. Я маленькая была, в туалете закрылась, он меня не заметил, а Риту поймал, косу на руку намотал и головой об рельс ударил, мозги так и вылетели...

Да и наши палачи в лагере не лучше были, если не хуже.

После освобождения я одна осталась.

Спасибо Клавдии Васильевне Смирновой, заведующей 25-м садиком на Первомайском проспекте, она меня к себе в садик взяла, там меня одели и подкормили, и работу дали. Но первый год я только картошку могла чистить — такая слабая была...

Мишины Вилен Иванович и Александра Александровна

Колючая проволока нашего детства

Вилен Иванович:

— Нас у матери было трое. Я самый старший. Одной сестре было три года, другая только родилась. Отец в армии. Куда нам бежать?

Когда финны пришли, они нас из Вознесенья вывезли в Петрозаводск в ноябре 1941 года. Снега еще не было, а морозы уже сильные стояли. В Петрозаводск привезли на площадь Ленина — к Парку пионеров, где двухэтажные дома: меня, двух сестер, маму, дедушку и бабушку.

Дедушку в Петрозаводске куда-то забрали и от нас отделили. Мы сначала жили в одном из домов недалеко от Парка пионеров. Лагеря были не построены еще. А потом нас перевели в 3-й лагерь на улице Льва Толстого. Дома были обнесены колючей проволокой.

Дедушку к нам привезли только в январе 1942 года. Он недолго пожил, быстро умер. А мама умерла 2 августа 1942 года. Сестры умерли, когда еще дедушка был жив. Я остался с бабушкой.

Как мама умерла, бабушка сходила и попросила, чтобы нас перевели в 4-й лагерь, где кинотеатр «Сампо» — на станции Голиковка. Там у мамы сестра была. Нас туда и перевели. Но жили мы там недолго. Нас направили в 5-й лагерь.

Мы жили в 33-м бараке. Теперь этих барачков нет. В бараке было 13 комнат. В комнате площадью примерно 20 квадратных метров было четыре семьи. Мы с бабушкой и тетя, одна женщина с сыном и свекровью, еще две женщины.

Взрослые ходили на работу под конвоем. Детей на работу не гоняли. В лагере были в основном женщины, старики и дети. Мужчины были в лагере между Виллагорой и Кутижмой. Продукты давали один раз в месяц.

Александра Александровна:

— Готовили баланду, мука с водой да соль. Иногда хвост гнилой селедки давали. Потом уже стали кормить хорошо, благодаря «Красному Кресту». Это уже в 1943 году стало. Маннергейм тогда же летом 1943 года приезжал.

В лагере было восемь тысяч людей, осталось четыре тысячи. Умерли в основном в первый год

Вилен Иванович:

— Маннергейм приехал летом 1943 года на старый вокзал. Машин очень много подъехало. А в лагерь они прошли по главной нашей улице Профсоюзной. Заходил он в мастерскую, где женщины корзины плели, пояса ткали. В мастерской он поздоровался с девочками, которым было лет по шестнадцать:

— Здравствуйте, дети солнца!

Мне об этом сами девочки рассказывали. А с нами он не разговаривал.

Александра Александровна:

— Был он высокого роста, плечистый, красивый мужчина. Народу за ним очень много ходило. И мы в том числе.

Вилен Иванович:

— Нам финны разрешили играть в лагере, но только, чтобы после себя никакой грязи не было. Если под колючую проволоку сбежишь в город и тебя поймут, то розги и в «будку»-карцер.

Александра Александровна:

— У меня брат с сестрой часто под проволоку ходили. Просили хлеба в городе.

Вилен Иванович:

— Я сам тоже ходил, просил. Отбой был в 9 часов. Если к 9 кто не явился, поймут — и розги. На улицу весь лагерь выведут,

провинившегося на скамейку — и 25 розог. Кто-то вынесет, а кто-то и нет. Умирала. Шлангом били. Штаны не снимали.

Наказанные в «будке» сидели. Утром староста приходил и спрашивал, кто за что сидит. И назначал 10, 15, 20 или 25 розог.

Один парень по кличке Ляпа как-то, провинившись, наложил себе в штаны кожи, а палач Вейкко, когда начал пороть (15 розог), почувствовал, что там что-то подложено, и заставил снять штаны. Когда кожу обнаружили, начальник лагеря приказал дать ему 50 розог. Недели три он лежал после этого.

У нас в лагере финны сделали «дивизию» из пацанов от восьми лет и старше. К 8 часам утра мы должны были приходиться в свои «полки».

В основном занимались строевой подготовкой — с 8 до 12 часов. Занимался с нами старичок из лагерников. Изредка нашу «дивизию» строили и проверяли, кто как ходит. По Профсоюзной улице маршем ходили. А потом собирали нашу дивизию и под конвоем на Сулажгору — драть ивовую кору. Такая дивизия только в 5-м лагере была. Больше такого не было.

Александра Александровна:

— Вокруг лагеря были вышки, стояли вооруженные охранники. Моей сестре 14 лет было. Она как-то под проволоку лезла. Ее заметил охранник и выстрелил. Бабушка потом дробины у нее из ноги выковыривала.

Школа у нас была зимой 1943–1944 годов на улице Щорса. Преподавала Раутио — жена переводчика Виктора Адамовича Раутио. Школа была до трех классов. Большинство из нас было в первом классе. Одна учительница всем преподавала русский язык и закон Божий.

Церковь была в 34-м бараке, службы проводил старичок из лагеря. Со стороны никого не брали.

Вилен Иванович:

— Все знают о том, что в Петрозаводске было шесть лагерей. Но был и 7-й. О нем мало кто знает. Двухэтажный дом буквой «П» на Перевалке. Секретный. Там в основном были приговоренные к смерти.

В лагерях было много молодых замужних женщин, которые убежали и пытались перейти линию фронта. Их ловили и заключали в этот лагерь. А мужчин молодого возраста было очень мало в лагере. Почти не было. Для меня самые страшные воспоминания о войне не лагерь, а обстрелы Вознесенья, когда стреляли и финны, и немцы, и наши. Особенно страшно было, когда наши. Вдруг да в нас попадут?!

В день освобождения проснулись утром, а финнов уже нет. Накануне староста барака предупредил:

— На улицу не выходите. Будет стрельба.

Финны ушли ночью, около 4 часов утра. За собой взорвали линию и водокачку. Кусок лестницы от водокачки залетел на барак. Когда они ушли, в тот же день наши катера подошли. Одна женщина из нашего барака из окна выставила красный флаг. Так что сразу было видно, что здесь свои.

Мы увидели наши катера, когда они еще были у Ивановских островов. Увидели и побежали встречать. Встретили и с моряками шли до площади Ленина, где был митинг.

Борис ГУЩИН

Записано в Петрозаводске 18 января 2002 года

Мореходов Иван Федорович

Нас избили и неделю держали в карцере

Мы жили в Заонежье, в деревне Леликово. Когда замерзло озеро, к нам на лыжах пришел отряд финских солдат. Они тогда действовали все больше хитростью. Сказали нам, что вывезут в Петрозаводск на карантин, всего на две недели — и обратно. Разрешили брать с собой по 30 килограммов вещей на человека. Собирали нас в Сенной Губе. Съехались туда на лошадях. Лошади были почти в каждом дворе. Из колхоза всех взрослых лошадей забрали в армию, а когда колхоз ликвидировали, жеребят раздали по дворам.

Когда нас погрузили на машины, лошадей велели выпрячь и отпустить на волю. Что с ними стало, не знаю. По льду на открытых машинах с прицепами нас привезли в Петрозаводск. Высадили на Перевалке, был сильный мороз. Все вещи свалили в кучу, кто нашел их потом, а кто нет. Завели всех людей в большую комнату. Несколько дней в ней провели стоя на ногах — негде было сесть, теснота — страшная. Особенно тяжело было женщинам с маленькими детьми. Потом уже стали расселять по баракам и домам.

Нашей семье — маме, брату, сестре и мне (я младший был — 11 лет) — досталась комната в доме по Олонецкой улице. Он и сейчас стоит. Дома — щитовые, холодные, дров не было, жгли что попало.

Старики и дети умирали очень быстро. Всех обстригли — женщин, детей. В домах очень быстро развелись вши, тараканы, крысы. Люди болели, умирали от холода, голода, болезней. Финны

пытались бороться с эпидемиями, в квартирах жгли серу, а людей гоняли в парилку, в раскаленные бани.

Финны были разные. Были очень злые и были добрее — те, кто еду давали. Помню одного охранника, он очень любил издеваться над мальчишками, стрелял в них. Однажды ему кто-то из старших ребят попал в глаз из рогатки. Пришел отряд, схватили десятка два ребятшек, но помладше, 10-12 лет, и меня в том числе. Каждому пистолет к горлу — ты стрелял? Никто из нас не сознался. Тогда нас раздели, привязали голыми к носилкам и пронесли сквозь строй палачей с резиновыми плетками, а потом бросили в «будку» — холодный, грязный дом, где наказывали лагерных.

Просидели мы там неделю, началось у всех нагноение, у многих заражение. Долго я потом лечил свою спину.

Но мы, мальчишки, и в лагере играли — в мячик, его делали из тряпок. В битку играли, в лапту. За проволоку бегали, еду искали.

Я работал в мастерской, летом нас водили в лес — метлы рубить. Платили за это, правда не помню сколько. Но на эти марки у солдат можно было купить еду. В городе местное население к нам по-разному относилось. Карельские ребяташки прибегали, дразнили нас, сидевших за «колючкой». Но взрослые многие помогали перебираться через проволоку, предупреждали о патрулях.

При освобождении мы все выбежали из лагеря. Бежали по городу и плакали от радости.

Лагерь у меня отнял маму. Сестра умерла сразу же после освобождения, она еще в лагере заболела туберкулезом, брата забрали и армию. Я остался сиротой...

Мошин Александр Иванович

О годах оккупации в Заонежье

В мае 1941 года я успешно окончил 6-й класс, и мы с бабушкой собирались поехать в Киев — в гости к отцу. Внезапно в середине июня пришла телеграмма, отец просил отложить поездку. А 22 июня, когда я смотрел детский фильм в клубе, сеанс был прерван и нам сообщили о начале войны.

Началась мобилизация. Взрослые и подростки с удвоенной силой занимались сельхозработами. Сезон выдался урожайным. Мои дедушка и бабушка Павел Семенович и Парасковья Максимовна выработали за год около 400 трудодней и получили почти тонну

А. И. Мошин. 1941

зерновых культур. 12 мешков с рожью, горохом, овсом, ячменем были отнесены на чердак и в амбар, картофель и овощи — в подполье и в «яму».

Мы надеялись на то, что сможем прокормиться, верили в скорую победу. 1 сентября начался учебный год, но ряды школьников сокращались каждый день — многие уезжали в эвакуацию...

8 ноября 1941 года финские войска заняли село Шуньга, а в декабре оккупировали весь Заонежский район. И стали наводить свой порядок. В Шуньге на погосте, в здании бывшего радиоузла, была устроена тюрьма, где оккупанты содержали и пытали семерых пленных красноармейцев из истребительного батальона, а затем на глазах у согнанных насильно жителей расстреляли их на Майской горе.

Началось переселение в другие деревни. С собой разрешали брать только самое необходимое. Из опустевших домов оккупанты вывозили все, что можно.

Дедушке с семьей из пяти человек (с нами жила дочь деда, моя теть Поля Санукова, с двухлетним сыном Женей) для сборов дали три дня и велели запрячь одну лошадь Седуху для переезда. Погрузили в сани 6 мешков ржи, одежду, посуду. Кадушки с соленым мясом велели оставить. Корова Зорька была привязана к дровням, в санях сидел только маленький Женя, остальные шли пешком, за нами бежал пес Шарик...

Поселили нас сначала в деревне Есино, а через неделю приказали переезжать в деревню Лог, рядом с Завьялово. Бабушка попыталась сходить домой за продуктами, но финский патруль ее не пропустил. Через две недели нас опять переселили — в деревню Кажму, в полуразрушенный дом. Кое-как мы с дедом утеплили дом, наглухо забив два окна.

Ранней весной корова отелилась, но радость наша окончилась через две недели — оккупанты начали забирать у населения, кроме продуктов, скот, велосипеды, лодки, лыжи. У нас отобрали 5 мешков ржи, увели корову и теленка.

Бабушка умоляла старосту Василия Косачева оставить корову хотя бы на неделю. Маленький Женя был очень слабеньким и нуждался в молоке, но никакие мольбы не помогли. Особенно усердствовал при грабежах финский холуй Роман, высланный до

войны из-под Выборга. Он работал киномехаником, недолго жил в нашем доме и знал, где хранили продукты. Именно он лишил нас в Кажме последнего мешка ржи...

Какое-то время коров держали на общем дворе. Женщины ходили туда, просили старосту дать хотя бы кружку молока для детей, он не отказывал. Но его грубая жена кричала и оскорбляла бедных женщин... Часть коров резали на мясо, часть угнали в Финляндию. Лошадей, отобранных у населения, держали в одной конюшне и использовали для хозяйственных целей. Одно время дедушка ухаживал за ними. Корма были плохими.

Лошади от голода не могли стоять, и их приходилось подвешивать веревками к балкам. Когда им становилось совсем плохо, их резали на мясо и продавали населению.

...В пищу шли сушеные цветки клевера, малинового листа и солома, которую перемалывали на жерновах и смешивали с остатками зерновых, варили похлебку из измельченных костей животных и рыбы. Только с марта 1942 года финские власти стали выдавать продуктовые карточки. Для русского населения нормы выдачи были такими: хлеба 200 граммов в день (6 килограммов в месяц), мяса 15 марок в месяц, картофеля 10 килограммов в месяц, сахара 1 килограмм в месяц, маргарина 150 граммов в месяц. У занятых физической работой, беременных женщин нормы были чуть выше, однако ни нормы, ни сроки выдачи не соблюдались. Мука, казавшаяся на вид хорошей, на деле была смешана с перемолотой бумагой...

О том, что происходит на фронте, мы почти не знали. Статьям из финской газеты «Северное слово» мы не доверяли. Служившим у финнов землякам иногда удавалось послушать московское радио, и новости, рассказанные ими, распространялись «по цепочке» — из дома в дом. Один раз наш самолет сбросил листовки на болото рядом с деревней, и мы узнали о разгроме фашистов под Москвой, обороне Ленинграда... Читали со слезами на глазах.

*Павел Семенович,
Парасковья Максимовна
и Александр Мошины*

Подростки в финском лагере

В Кажме я познакомился с Дмитрием Кялиным. На войну он не попал, так как прихрамывал. Был он от природы сильным и выносливым, смекалистым, постарше меня на четыре года. Он многому меня научил, жалел и оберегал — несколько раз спасал от наказаний и даже смерти. В свободное время мы вместе тайком рыбачили (власти запрещали покидать деревню), ходили в лес собирать ягоды и грибы. С Дмитрием мы потом попали в один лагерь.

В феврале 1942 года финские власти собирали в разных деревнях Заонежья мужчин и женщин до 60 лет, молодежь 14 лет и старше. Велели явиться и тех, у кого были малолетние дети. Так, в деревне Пабережье пришло около двухсот человек. Им выдали финские паспорта. Карелам, вепсам, финнам — серого цвета, им полагалась более высокая продуктовая норма, у них не отбирали хлеб и скот и оставили жить в своих домах. Русским выдали паспорта бордового цвета, и большинство из них было отправлено в концентрационные и трудовые лагеря.

В трудовой лагерь я попал не сразу. Сначала, благодаря отчиму Н. Д. Рабазанову, попал в рыболовецкую бригаду. Работа оказалась нелегкой: оттого что часами греб веслами и крутил ворот, подтягивая невод к лодке, на ладонях образовались мозоли, затем водянистые волдыри, которые превратились в язвы... Платили мало, спасало то, что иногда украдкой удавалось из утаенной от финнов рыбы варить уху. Потом работал в деревне: пахал, косил траву, заготавливал в лесу дрова...

Зимой 1943 года подростков из Кажмы и окрестных деревень направили на лесозаготовки в зону Кокоринского трудового лагеря. Нас с Дмитрием Кялиным поселили в деревне Лехнаволок. Одежды и обуви не выдавали, пищу готовили сами из тех продуктов, которые покупали в магазине в соответствии с нормами. На работу ходили в сторону деревни Диановы Горы — за 5–7 километров. Деревья там были очень высокими. Я впервые попал в такой лес.

Никакого обучения не проводили, выдали поперечные пилы и топоры, и вперед — пилите и валите. Учились на горьком опыте. Однажды нам не удалось рассчитать примерное место падения сосны, и меня чуть не убило. Чудом спасли ребята. Расценки были такие же, как у взрослых рабочих. Платили за работу от 400 до 600 марок в месяц. Обувь моя окончательно износилась, стал копить на сапоги. Купил по случаю с рук у солдата за свой месячный заработок поношенные сапоги, но в первый же день, обрубая сучья, ударил топором по носку сапога. Хорошо, что нога не пострадала...

Условия в лагере были невыносимо тяжелыми. В доме были устроены двухэтажные нары, на которых можно было только лежать. Из леса часто приходили в мокрой одежде. На две комнаты была одна русская печь. Одежду сушили на веревках и на печи. Случалось, что за ночь одежда не высыхала.

В поселке Уница и близлежащих к нему деревнях был расположен трудовой лагерь № 51, который был создан для строительства дороги от станции Кяппесельга до села Великая Губа. Попутно шли заготовка и вывозка леса. Нам строго запрещали посещать лагерь строителей дороги. Мы могли посещать только дома тех, кто был занят лесозаготовками.

Подростки на строительстве дороги

Как-то вечером мы с ребятами зашли в один из домов, где раньше жили финские солдаты. Стены внутри были оклеены белой бумагой. На одной стене сделан рисунок, на котором был изображен Сталин с летящим над ним орлом, которого он рукой пытается отогнать. В дом внезапно зашли финские солдаты с офицером. Обычно они предлагали что-то купить из продуктов. Офицер, увидев рисунок, достал пистолет из кобуры, отошел к порогу и выстрелил в голову Сталина. Затем предложил это сделать ребятам. Тогда пистолет взял Владимир Щепин и выстрелил в голову орла. Финны посмотрели на него с неодобрением и ушли...

Еды нам не хватало... Иногда тайком — на лошади или пешком — умудрялись пробираться к родным. Местные ребята лесными тропами обходили деревню Диановы Горы, где располагался финский кордон с наблюдательными вышками. Один раз и я ходил в деревню Кажму. Но и родные нас не всегда могли накормить. Дедушка в отчаянии советовал бабушке взять что-то из вещей из ее заватного сундука и обменять у финнов на продукты.

Бабушка была маленького роста, коренастой, но необыкновенно выносливой — ей надо было пройти более 10 километров пешком, чтобы обменять, например, полотенце на галеты, миску супа или каши. Чаще всего ее не допускали к воинской части, и ей приходилось договариваться через посредников (две ее родственницы в деревне Паяницы стирали белье для солдат). До сих пор я преклоняюсь перед мужеством бабушки.

Как-то часть работников из нашего лагеря перевели в деревню Мелойгубу. Меня, Дмитрия Кялина, Георгия Марченко и еще нескольких ребят поселили в доме старика В. Акатова. Нас с Дмитрием определили возчиками бревен. Лошадей мы пригнали из Кажмы. Мне досталась наша старая кобыла Седуха, на которой мы перевозили вещи в Есино в 1941 году. Она выжила, хотя и исхудала. Везти надо было далеко — к Уницкой губе, где бревна собирали в плоты. После тяжелой работы вечерами меня еще заставляли возить большой чан с водой и поливать дорогу, по которой возили лес.

За малейшую провинность тех, кто находился в зоне Кокоринского лагеря, наказывали. В деревне Кокорино под лагерной комендатурой, в подызбице, был устроен карцер (мы его называли «будкой»). Окон не было, помещение отапливалось печкой. Больше двух суток ребят в карцере не держали, так как их не поили и не кормили, на улицу не выводили (примитивное отхожее место было тут же).

Однажды нас впятером посадили в карцер за самовольную отлучку домой. Дров не дали, мы стали замерзать, кричали, стучали

в потолок, откуда слышались пьяные голоса, никакой реакции не было. В другой раз мы обнаружили в карцере партию швейных машин. Дмитрий Кялин предложил снять с них челноки, что мы и сделали. Утром эти машины увезли, а нас выпустили. Наказания за этот, хоть и небольшой урон врагу, мы не понесли, а удовлетворение от содеянного получили...

В третий раз я попал в карцер один. Натер ступню, никаких лекарств не было, образовалась язва. Без разрешения коменданта с трудом дошел до финской больницы в Кажме. Меня освободили на две недели от работы, выдали справку за подписью финского врача. После возвращения вызвали в комендатуру. За столом сидел грузный мужчина — переводчик. Подошел к нему и передал справку. Услышав мою фамилию, из горницы выскочил комендант Якко. Он кричал на меня, разбрызгивая слюни. Я отошел на середину избы. Переводчик передал ему справку. Не читая, он порвал ее и выбросил в корзину. Затем с ругательствами «перкеле» («сатана») он подскочил ко мне и размахнулся, намереваясь ударить кулаком в голову. Но я успел наклониться, и удар прошел по уху вскользь.

Я выскочил в коридор. Комендант дал команду, и в коридоре меня задержал солдат с автоматом. Под конвоем привели в «будку». В ней было темно и холодно. Я метался из угла в угол, чтобы не замерзнуть. Прошел день.

Поздно вечером меня выпустил солдат с автоматом на груди:

— Переводчик склеил твою справку. Комендант поверил. Ты свободен.

Я бежал 1,5 километра через Мелойгубу и в полночь был на месте. Друзья не спали. Они обрадовались моему возвращению... С благодарностью вспоминаю переводчика, которому удалось отстоять меня. Однако последствия от сильного удара остались на всю жизнь ...

За время оккупации нашу семью пять раз перегоняли из деревни в деревню. Дом был разорен...

Товарищей по лагерю начали мобилизовывать в армию и отправлять на фронт. В августе 1944 года семнадцатилетним подростком был мобилизован и я. Но служить пришлось недолго. Я потерял вес и силы за годы оккупации (при росте 175 сантиметров мой вес не дотягивал и 50 килограммов), заболел туберкулезом легких. Из госпиталя домой вернулся инвалидом войны.

Из Медвежьегорска еле добрался до родной деревни, пришлось идти пешком. Через несколько дней надо было явиться в райцентр, в село Великая Губа, и встать в военкомате на учет. В коридоре

встретил знакомого мне секретаря Паяницкого сельсовета Тишина. Узнав, что в 18 лет я стал инвалидом, он сказал:

— С такой болезнью долго не протянешь.

Но я не отчаивался... Время показало, что благодаря заботам врачей, семьи и моей жены я не только поправил здоровье, но и получил образование, всю жизнь работал, вырастил троих дочерей, собрал в архивах и в периодической печати материалы, воспоминания земляков и написал немало статей о родном Заонежье.

Р. С. А. И. Мошин умер 1 июля 2013 года.

Натарьева Антонина Романовна

Наша Зорька ходила возле лагеря

Родная моя деревня Еглово, рядом с Кижамы, затерялась среди многочисленных островов на Онежском озере. Люди жили, трудились, надеялись на лучшее, и вдруг — война, оккупация...

Все перевернулось кверху дном, как лодка, вытянутая на сушу перед ледоставом. Таким вот «ледоставом» стал вскоре для нас 6-й петрозаводский лагерь. А перед этим оккупанты отобрали хлеб, скот, дом...

Везли нас в Петрозаводск по льду на открытых машинах. А стояли морозы. После такой поездки многие люди от простуды болели и умирали. Мне тогда было четыре года. Сестре Вале — семь. Мама Екатерина Павловна всю дорогу укрывала нас и согревала своим теплом. С нами была и бабушка, а также наша двоюродная сестра Аня.

В лагере каждую неделю — баня. Но необычная это была баня, и люди ее боялись, словно огня. Ее окрестили «прожаркой». От такой «прожарки» с густым настоем хлорки многие теряли сознание. В том числе и мы с Валей. Но раньше отведенного на помывку времени никто не имел права выйти из бани. Наши же лохмотья «прожаривали» в другом помещении, потом их выкидывали на улицу. В куче не так-то просто было найти свою одежду.

Двоюродной сестре Ане было двадцать три года. Однажды она решила не сдавать на прожарку свое последнее платье, чтобы не потерять его. Надзиратели это узнали и выпороли ее резиновыми плетками. Долго еще все тело у нее было «полосатым».

А. Р. Натарьева

Всех взрослых гоняли на работы в город. Кормили из рук вон плохо. Мама и бабушка отрывали от себя последние крохи, чтобы подкормить нас. А бабушка нередко говорила:

— Я уже старенькая, мне и умирать можно, а вам, маленьким, еще жить и жить. А когда вырастете, не раз припомните все. Чем мы провинились перед Богом?

Вскоре наша бабушка умерла. Много тогда в первые годы умирало в лагере людей. Мы с Валею остались живы благодаря нашей маме. Удивляюсь, как у нее на все хватало сил и выносливости.

Однажды мимо нашего лагеря проходило стадо коров. И вдруг Валя закричала:

— Мама, смотри, наша Зорька идет. Сходи надои молочка.

Но мама тихо начала плакать, хотя до этого слез нам не показывала. А я просила молока еще несколько дней и не могла понять, почему нельзя подоить свою корову. Зорька наша оказалась возле лагеря вот каким образом. Перед тем как нас выселить, как я уже говорила в начале, оккупанты отобрали у нас хлеб и скот. Вероятно, уже летом какое-то стадо дойных коров они доставили в Петрозаводск, среди них оказалась и наша Зорька. После освобождения города мама свою корову разыскала. Но она уже была куплена новыми хозяевами. А тогда во времена нашего лагерного житья Зорька еще несколько раз появлялась возле нашего лагеря и даже откликнулась на свою кличку. Мы ее позовем, она и подойдет, а мы сквозь проволоку гладили ее, а потом стадо угоняли, и нам становилось совсем тоскливо, особенно маме.

Однажды мы с мамой, а мне тогда уже было около шести лет, ходили к речке полоскать белье. Речка протекала в самом конце лагеря, где были ряды колючей проволоки. Совсем рядом — лес. Вдруг из леса вышел мужчина в гражданской одежде и стал у мамы интересоваться, как нам живется в лагере, сколько содержится в нем людей и как относятся к нам оккупанты.

Не успела мама ответить на его вопросы, как забежали охранники. Один из них подбежал к нам и спросил маму:

— Куда делся партизан? Ты с ним разговаривала?

Мама ответила, что мы никого не видели и ни с кем не разговаривали. Они ее избили. Несколько дней она не вставала. Эти дни для нас были самыми тяжелыми из всех дней лагерной жизни.

И спустя много лет не могла об этом вспоминать без дрожи в сердце. А Валя мне тогда говорила шепотом:

— Не плачь, а то маме будет еще больнее.

Разве обо всем этом забудешь?

Финские военные показывают германским союзникам концлагерь № 5.
Военный архив Финляндии

Могилы узников концлагерей на кладбище «Пески». Петрозаводск. 1944.
Архив КС БМУ

Солдаты-конвоиры ведут узниц концлагерей на работу. Петрозаводск. Военный архив Финляндии

Малолетние узники за колючей проволокой концлагеря. Петрозаводск. 1944. Национальный архив РК. Фото: Галина Санько

Никитина (Субботина) Полина Владимировна

Я лежала на снегу

Летом 1941 года мама Клавдия Михайловна Субботина в свой очередной отпуск повезла нас к бабушке в деревню Жарниково, что недалеко от Кижей. Нас было у мамы трое: Татьяне — 7 лет, Валентине — 4 годика и мне — два. И тут началась война.

Отец Владимир Александрович был призван в армию и просил маму остаться в деревне, считая, что здесь нам будет легче и безопасней. Многим тогда, как и нашим родителям, казалось, что война продлится недолго. Но, к сожалению, все обернулось по-другому. В большой войне безопасных мест не бывает.

Зимой в деревне появились финские солдаты. Всех жителей Жарникова и окрестных деревень стали перевозить в Петрозаводск на грузовиках по льду Онежского озера. Затем толпой повели по городу до улицы Промышленной, где для нас был приготовлен лагерь № 3. Кроме отдельных легких вещей, мама несла на руках и меня, а сестры, держась за подол ее юбки, шли сами. В какой-то момент мама так выбилась из сил, что опустила меня на снег. Она надеялась, что кто-либо из родственников подхватит меня. Но все шли такие изможденные, что я осталась одна...

В бараке спохватились. Родные стали меня искать. Когда обратились в караульное помещение, увидели девочку, плачущую у печурки. В руках у нее была галета. Рядом сидел финский солдат и играл на губной гармошке. Ох, и досталось же от него маме. Он думал, что она бросила своего ребенка. А мать, как потом сама нам рассказывала, не могла себе простить, что все так вышло. Она была уверена, что идущие сзади земляки и родственники меня не оставят. Случай, конечно, нелепый, но и такое могло произойти.

Нюппиева (Соболева) Клавдия Александровна

История жизни и фотографии 1944 года

История фотографии. ...В день освобождения Петрозаводска, 28 июня 1944 года, мы проснулись в тишине и побежали встречать моряков Онежской флотилии, которые первыми пришли в город.

А вскоре в город приехала военный корреспондент Галина Захаровна Санько. Она пришла на Перевалку (район города, где на-

ходился концлагерь № 6) и около колючей проволоки и щита с надписью на финском и русском языках: «Вход в лагерь и разговор через проволоку воспрещен под угрозой расстрела», — собрала нас, детей-узников, чтобы сфотографировать.

Позднее, в 1966 году, этот снимок вместе с другой фотографией Г. З. Санько — «22 года спустя» — был представлен на международной выставке «Интерпрессфото-66» и получил гран-при — золотую медаль.

Подробно обо всем этом рассказано в книге Исаака Бацера «Десант в полдень. История одной фотографии».

Мне известны судьбы некоторых ребят с этой фотографии.

Узники нацизма. Июнь 1944 года. Петрозаводск.
Национальный архив РК. Фото: Галина Санько

Г. З. Санько и сын Аркадия Ярицына на открытии фотовыставки. Петрозаводск. 1977

Аркадий Ярицын, уже покойный, жил в Петрозаводске. Рядом с ним Виктор Катмин, Гена Костромин, Олег Фурцев. Галя Ольхина — с ней после войны мы вместе работали в лаборатории физиологии Института биологии. Надя Ростовцева, а вот моя старшая сестра Мария, средняя Антонина — в черной панамочке. Вот здесь я стою, вторая от столба справа. Рядом была еще моя младшая сестра Женя, но в кадре ее не видно, фотография обрезана. А вот неизвестный малыш, его, кажется, звали Юра Ванин...

Эта фотография обошла весь мир и стала символом преступлений нацистов против мирного населения и детей.

Г. З. Санько рассказывала мне, что сначала она была опубликована во французской газете «L'Humanité». После, в 1944 году, ее хотели опубликовать в газете «Труд», но кем-то из начальства на редакционной летучке было высказано удивление, что дети нерадостные после освобождения, и публиковать не стали.

Но как мы могли себя тогда вести? В то время мы еще и не поняли, что дальше будет, и поэтому мы стоим истощенные, печальные.

Тогда же Галина Захаровна сообщила, что она сделала эту фотографию, скорее всего, на второй или третий день после освобождения города. Санько всегда стремилась попасть на место событий как можно раньше, в тот же день. Но вот срочно прибыть в Петрозаводск не получилось из-за аварии самолета близ города Тихвина.

Когда Санько все же долетела, уже на другом самолете, до Петрозаводска, пришла к военному коменданту города Ивану Сергеевичу Молчанову и от него узнала, что здесь в концлагерях содержали много детей, и попросила разрешения сделать снимки.

Как мастер фоторепортажа, она сделала этот снимок у щита. Действительно, вход в лагерь, разговор через проволоку запрещались под угрозой расстрела.

Режим был строжайший. Детей расстреливали на месте, когда они, нарушая режим, пытались пробраться под проволокой, чтобы уйти из лагеря в поисках еды.

У меня есть след от пули, которую я получила, когда мы однажды вечером возвращались ползком. Охрана начала стрелять и попала в меня. Но, слава Богу, пуля ранила по касательной, вырвав кусок кожи с мясом. Рана долго гноилась и тяжело заживала. На всю жизнь остался шрам. Мне было тогда восемь лет...

Как война пришла в Заонежье. До войны наша семья жила в деревне Рим Заонежского, ныне Медвежьегорского, района Карелии. Полуостров Заонежье — это заливы, шхеры, Клименецкий остров, где находится известный на весь мир Кижский музей деревянного зодчества, и материковая часть, где как раз и стояла наша небольшая деревенька — примерно из десяти домов.

У нас было свое хозяйство: корова, куры, большой огород, банька на берегу небольшого озера. Папа работал бухгалтером в МТС, а перед войной — уполномоченным сельхозбанка. Ходил на охоту. Питались неплохо. Благодаря этому, может быть, мы потом и в концлагере выжили. У нас, видимо, был какой-то запас жизненных сил.

А еще у мамы была швейная машинка, она обшивала всех нас — шестерых сестер. Эта важная вещь нас спасла позднее, во время войны. Мама ее обменяла на мешок муки.

Я помню, как в первый раз увидела вражеский самолет, пролетающий над нашей деревней. Была осень, сентябрь, мы играли около риги... И вдруг увидели самолет — не с красными звездами, а с финским крестом. Мы знали, что началась война, и поэтому испугались. В ноябре финны пришли в Заонежье. В 1941 году стояла очень суровая зима. Озеро быстро замерзло, поэтому баржи не ходили, и нас не смогли эвакуировать. Так люди в Заонежье и остались в оккупации.

Финский отряд шел в белых маскхалатах, на лыжах. На улице мело так, что видны были только силуэты. Финны

Степанида Ивановна Соболева с дочерьми. Сидят: Клава, Рая. Стоит — Тоня. На руках у мамы — Женя. Октябрь 1938 года. Деревня Рим. Фотографировал глава семьи Александр Соболев

*Александр Васильевич
Соболев (1905–1944)*

пришли в деревню рано утром. Мама топилла печь, мы сидели на ней.

В наш дом зашли двое, и один сказал:
— Maito! (По-фински — «молока».)

Он даже раскрыл руку, и там были деньги — марки. Вот это мне и запомнилось.

Наш дом пришлось покинуть в ноябре 1941 года, когда нас уже принудительно перевезли в деревню Терехово. Финны создавали в Заонежье запретную зону. Чтобы затруднить контакты партизан с местным населением, всех жителей деревни выселили в другие деревни в глубине материкового полуострова. Нас посадили в сани —

маму и всех шестерых ее детей.

Отца не было, так как он еще в июле 1941 года ушел добровольцем в Пряжинский истребительный батальон, еще даже не зная, кто у него родится (отец погиб в декабре 1944 года). А родилась моя младшая сестра Элечка. Ей на тот момент было всего два месяца.

...Обед остался в печи, корова — в хлеву, все припасы — в погребе. Потом мама, нарушив запрет передвижения, все-таки сходила обратно домой, привела корову. Мы корову забили, но мясо финны забрали... А маму, в наказание, отвели в Космозеро в пяти километрах от Терехово. Там была тюрьма, и ее на две недели поместили туда. А с нами осталась двухмесячная Элечка... без грудного молока. Оттого что финны издевались над мамой: стращали, стреляли в маленькие окошки, держали ее там, где обычно держат скотину, — она заболела. Это было тяжелое нервное расстройство. Потом ее отвезли в больницу в Великую Губу, а мы остались одни, шестеро детей.

Вскоре пришли из комендатуры женщина с солдатом. Нас выстроили, женщина прошлась и указала на Элечку, младшую. Как потом оказалось, она хотела взять себе ребенка, узнав, что мы остались без матери. Но Элечка громко заплакала, и тогда она взяла трехлетнюю Женю. Женя какое-то время жила у этой финки, работавшей в комендатуре машинисткой. Но долго она там не выдержала, прибежала к нам обратно и попросила старшую Марию:

— Я не буду просить есть, я не буду просить хлеба, только не отдавайте меня.

А летом, когда открылась навигация, нас, детей, перевезли на барже в концлагерь № 6, в барак 125, в Петрозаводске. Маму туда же привезли позднее, в мае 1943-го.

В то время Петрозаводск представлял из себя сплошные концентрационные лагеря. Соседняя Кондопога тоже была окружена рабочими лагерями, организованными финнами. В основном, здесь работали на лесозаготовках и строительстве дорог. Поскольку надо было вывозить в Финляндию лес, строили железную и автомобильную дороги.

Девушки тоже работали на лесозаготовках, на распиловке дров. Это был тяжелый и изнуряющий труд. И моя сестра Мария работала на лесозаготовках. Ей было всего 14 лет. За работу им давали какое-то пропитание, и по воскресеньям, когда она приходила к нам, всегда что-то приносила.

Пока Марию угоняли на работу, с нами была за старшую 12-летняя Тося. Она о нас заботилась, варила еду, пекла лепешечки прямо на плите. И потом Тося пошла работать в мастерскую, где для Финляндии плели сувениры из цветной стружки — шляпки, какие-то декоративные лапоточки. Есть даже фотографии, где дети сидят и работают в этой мастерской. Когда сестра там работала, то тоже приносила ложку растительного масла как дополнительное питание. И тогда у нас эти лепешки из муки на воде были еще и с растительным маслом. Так было гораздо вкуснее.

Мы в то время сильно голодали. В 1942 году в Терехове весной, когда кончилась зима, мы уже лежали из-за голода, не могли даже ходить. И спасло нас то, что появился березовый сок. И еще в огородах у местных людей мы собирали из-под снега капустные листья, мороженую картошку. Таким образом мы дожили до лета, пока нас не вывезли в Петрозаводск.

В нашем лагере № 6 на Перевалке было 7 тысяч узников. В основном, это были жители Заонежья, вывезенные принудительно из своих деревень.

До 1943 года такие лагеря именовали концентрационными. После победы нашей армии под Сталинградом финны переименовали их в переселенческие, но от этого режим не изменился: по-прежнему были голод, истязания, наказания за нарушение режима, принудительный труд с 14 лет. Даже пятилетние дети ходили колонной на реку — собирали кору с ивы для дубления кож для финской армии.

Уже после войны бывшего коменданта 6-го концлагеря спросили:

— Как же вы могли пятилетних детей отправлять на работу?

Он ответил:

— Я выполнял приказ командующего. Нам было нужно сырье.

Сначала нас поселили в бараке, в какой-то кладовке без окна. Но потом староста барака поменялась с нами. Нам отдали комнату

с плитой. Похоже, что мы жили в кухне. Бараки были двухэтажными, деревянными. До войны люди жили в них по квартирам, а в лагере в одну квартиру набивали по несколько семей.

Но когда наступил мор, а умирали от голода и болезней, стало попросторнее. Питание было очень скудным. Я помню, что староста выдавала норму муки — мерили деревянной ложкой: на человека в день ложка муки. И мы муку замешивали с водой либо варили баланду. Раньше, до войны, в Заонежье мы варили кашу из белой муки, а здесь мука была серой, иногда с червями. И кроме этой муки ничего не давали.

В 1943 году прибыла комиссия «Красного Креста» в финские концлагеря, потому что шведский журналист, побывавший здесь, увидел, в каких тяжелых условиях содержатся узники — без какой-либо медицинской помощи, естественно, без теплой одежды, голодные.

Люди умирали каждый день, в основном от голода, но зачастую и от издевательств. Нас помещали в горячую парилку без воды, тесно набивая всех подряд — и стариков, и детей, и женщин, и держали подолгу — так, что многие теряли сознание. А потом нас обливали из шланга холодной водой. Это была так называемая «баня». Люди прятались, не хотели идти в эту баню. И мы младшую Элечку частенько прятали в постели, чтобы она не попала с нами вместе в баню.

Покойников складывали в холодных местах, а дважды в неделю вывозили в Пески на кладбище. Умерших хоронили в общих могилах, рвах, которые копали сами же узники. Похоронную команду водили на кладбище и обратно под конвоем.

Сейчас мне трудно представить, что с Перевалки, от 6-го концлагеря можно дойти пешком в Пески под конвоем. И там еще надо было отработать, определенную норму выполнить — вырыть котлован 2 метра в длину и 3 метра в ширину.

Финские исследователи подсчитали, что с февраля по декабрь 1942 года в Петрозаводских лагерях умерли 3 946 человек (в том числе с 1 апреля по 30 июня — 1335 человек, с 1 июля по 30 сентября — 1225 человек). Вели учет, и в архивах сохранились эти данные. И финны настаивают на этой цифре: якобы за все время оккупации в концлагерях умерли 4 тысячи человек.

Но это были только одиннадцать месяцев 1942 года, а еще была тяжелая зима 1941 года, и 1943, 1944 годы, когда люди продолжали умирать.

Наши историки и чрезвычайная комиссия, проводившая эксгумацию на кладбище Пески после освобождения Петрозаводска в 1944

году, сопоставляя данные по актам, опросам и заключениям медицинской комиссии, пришли к выводу, что здесь могут покоиться тела 9 тысяч человек. Но мы говорим о 7 тысячах умерших в концлагерях Петрозаводска. Это составляет почти треть от 25000 заключенных. И исследователи приводят цифры, которые говорят о том, что в финских концлагерях смертность была выше, чем в немецких.

Ну а мы выживали как могли. Ходили в казармы финских солдат, просили еду. Попадались и добрые люди, иногда повар мог налить нам остатки горохового супа либо каши — кому в котелок, кому в шапку, кому в карман, потому что не было даже посуды.

Дети, несмотря на запрет, проползали под проволокой, уходили и возвращались, потому что проверки были ежедневными, а если кого-то не находили на месте, наказывали весь барак. Лишали пайка либо наказывали розгами, били резиновыми плетками, даже через соленую ткань, чтобы было больнее. Истязали до кровавых полос и до такого состояния, что человек несколько дней должен был лежать на животе, чтобы как-то затянулись эти раны. Наказывали и женщин пожилых, и детей. И многие испытали это наказание — по 25 ударов за нарушение.

Существовала определенная градация наказаний, которые были прописаны в уставе концлагеря, изданном еще в июле 1941 года по указанию Маннергейма, главнокомандующего финскими войсками: работа вне очереди — до 8 раз, простой и усиленный арест, закрытие в светлый карцер от 30 до 35 суток и темный карцер — от 8 до 12 суток, отправка в дисциплинарный лагерь.

Были у нас и инфекционные болезни, поскольку жили очень скученно. А в соседнем 5-м концлагере свирепствовали тиф, дизентерия. Там содержали в основном жителей Ленинградской области.

Самая высокая смертность была в 5-м лагере — из 8 тысяч узников погибли 4 тысячи. У нас тоже, конечно, вывозили много трупов, но в 6-м жили люди, привезенные из Заонежья. И у кого-то вначале еще были небольшие запасы муки из дома.

А про 2-й лагерь говорили, что он был «штрафным» — с самым жестоким режимом. О нем сохранились воспоминания бывшей заключенной петрозаводчанки Варвары Пудриной, опубликованные в книге «Век буду помнить».

Распорядок дня в лагерях был жестким, всем нужно было выполнять работу, даже нам, детям. Финны были склонны к чистоте и порядку, поэтому нас строго наказывали, если обнаруживали недостаточно отмытый пол либо пыль. Проверяли с платочком. А взрослые рано уходили на работу и поздно возвращались...

Женщины ходили в город разбирать завалы. Есть даже фотографии, как они с метлами маршируют под конвоем. Либо из концлагерей отправляли на работу в отдаленные места. Могли, например, на 3 месяца отправить в Кутижму — на лесозаготовки. Там было очень тяжело работать, люди — без теплой одежды, зимой — в рваных сапогах, поэтому они простужались и заболели. И есть факт, приведенный в книге-сборнике актов о злодеяниях оккупантов. Из концлагерей в Кутижму было отправлено на три месяца 700 человек, а вернулись 147, остальные умерли.

24 октября 2019 года были рассекречены некоторые материалы ФСБ РФ по финским концлагерям, в них приводятся примеры, когда до смерти забивали за нарушение режима либо за невыход на работу.

Ну а из каких-то необычных моментов лагерной жизни вспоминается, как в нашу комнату, где мы жили, зачастую приходил пожилой финн, садился на табуретку и смотрел за нами — как мы играем, возмись и существуем. Наверное, у него тоже были дома дети, и он нам сочувствовал. Поэтому приносил иногда кусочек сахара или галеты.

Сегодня трудно представить, как удалось выжить и что помогло нам это сделать. Мы, Соболевы, считали чудом, что все шестеро сестер остались живы.

Незадолго до освобождения до нас стали доходить кое-какие новости с фронта. В лагерь проникали партизаны, чтобы узнать обстановку и донести в Центр сведения о положении мирных граждан. Их зачастую ловили.

Сейчас мы читаем в исторических документах, что почти все подполье было уничтожено, поскольку у финнов очень хорошо работали разведка и контрразведка, и они заранее знали, кто и куда направляется. Но все-таки некоторые смогли остаться незамеченными.

Иногда в лагерь попадали листовки, обычно с таким посылом: «Держитесь, Красная Армия придет...»

И 26 июня финны ушли. Уходили они спешно, потому что шло наступление с двух сторон — от Медвежьегорска и со Свири. И финны, боясь, что окажутся в котле, очень быстро покинули Петрозаводск.

Хорошо помню момент, когда все дети, думая, что уже все закончилось, что охраны нет, побежали к складам в поисках еды. Побежала и наша сестра Раиса. А навстречу детям ехали на велосипедах отступавшие финские части. Они начали стрелять по детям

очередьями. И одного мальчика прямо у проволоки убили. Но наша сестра осталась цела.

Уходя, финны взрывали все подряд, взорвали и мост недалеко от лагеря. От этого взрыва у нас в бараке на втором этаже все стекла вылетели. Жители собрались на первом этаже, в одной комнате, боясь, что дальше будут бомбить. Уже не помню, что все вокруг говорили, но верили, что нас скоро освободят.

А дальше было освобождение.

Жизнь после освобождения. Вот мы и свободны, мы можем ходить в город, можем — к маме в больницу. Мы навещали ее после освобождения, с нами даже была Элечка, которой было уже 3 года, и она шла пешком.

Мы шли по улице Гоголя — хорошо помню — и в первый раз нам дали белый хлеб! Это было в магазине «Гастроном № 1». Мы получили по карточкам целую буханку белого хлеба! Элю посадили на столик, стоим, ломаем и едим эту буханку прямо в магазине!

После освобождения мы еще продолжали жить в этих же бараках, потому что просто некуда было идти. Но потом вернулись люди из эвакуации, которые там раньше жили, и «попросили» нас из этих барakov.

Наша мама была не с нами, она лежала в Петрозаводске — в психиатрической больнице, где и умерла 7 апреля 1945 года. А мы ждали папу.

Позже, помню, в нашем детском доме в городе Олонце на стене висел плакат со словами Сталина: «Враг будет разбит, победа будет за нами!»

И вот, как заклинание, каждое утро я читала эти слова и представляла нашего отца — что он придет. Но он не пришел — пропал без вести в декабре 1944 года, как потом выяснилось.

Я продолжала жить в детском доме города Олонца до 1951 года, а две старшие сестры поехали с эвакогоспиталем на Дальний Восток — на войну с Японией. Мария работала санитаркой, а Антонину в 14 лет оформили библиотечкарем. Они настоящие ветераны войны, потому что участвовали в боевых действиях.

Осенью 1944 года я пошла в первый класс. И в 1945 году я его окончила с похвальной грамотой. В детском доме закончила 7 классов средней школы. А потом меня взяла на воспитание учительница английского языка Кертту Ивановна Лехто, я смогла закончить среднюю школу и поступила в институт в Ленинграде.

В то время отношение к нам, бывшим узникам, было как к неблагонадежным гражданам. Определенные профессии как бы

Журналист Исаак Бацер (в центре) с героями его книги «Десант в полдень». Слева — первый военный комендант Петрозаводска почетный гражданин Петрозаводска Иван Сергеевич Молчанов, справа — Клавдия Александровна Ньюппиева. 1970-е годы

запрещали — неофициально, конечно. Не во все вузы можно было поступить, даже в медицинский институт могли не взять. Но в педагогический еще как-то принимали. И три мои сестры закончили педагогический институт. Строка в анкете о том, что человек был на оккупированной территории, уже бросала тень на гражданина, независимо от того, был он в то время взрослым или ребенком. Мы должны были получить справку о том, что не совершали преступлений против государства во время оккупации. Ну а специальности сельскохозяйственного института не входили в список «запретных» профессий. Поэтому я смогла окончить этот институт, поступила в аспирантуру.

Многие бывшие узники старались умолчать, не писали в анкете о том, что они были в оккупации, тем более в концлагере. Но я в 1949 году, еще в школе, выступала на митинге, где участники подписывались под Стокгольмским воззванием к миру, призывая людей бороться против войны, за мир, как бывший узник концлагеря. С этого и началась моя общественная деятельность.

Много лет спустя, в 1988 году, по инициативе председателя советского Детского фонда писателя Альберта Лиханова и журналиста Владимира Литвинова, собравшего сведения об узниках в издании «Коричневое ожерелье», в Киеве был созван первый съезд

бывших узников концлагерей. Многие прочитали объявление в газете «Комсомольская правда» и приехали в Киев.

На первом съезде нас было восемьсот человек. И мы приняли решение о том, что надо образовать новую общественную организацию, сначала всесоюзную, а потом международную.

А за год до этого мы в Петрозаводске, по инициативе Союза писателей Карелии, собрались, чтобы создать Ассоциацию бывших узников финских концлагерей. На собрание пришли всего тридцать пять человек. Присутствовали журналисты и историки из Финляндии. Финны поставили видеокамеру, перед ней надо было назвать себя и сказать о том, что ты был узником. Многие не смогли этого сделать и ушли с собрания. Но некоторые выдержали, перед камерой подтвердили, что были узниками концлагеря. На этой встрече меня избрали председателем ассоциации.

Наша цель — и тогда, и сегодня — объединять бывших малолетних узников, оказывать им заботу и поддержку. Важным моментом является сохранение памяти о жертвах концлагерей. К 25-летию освобождения города Петрозаводска от оккупации был создан мемориал в виде стелы со словами: «Памяти жертв петрозаводских концлагерей».

По инициативе Карельского союза БМУ и на средства, собранные бывшими узниками, неоднократно проводили реконструкцию мемориала (в 1999, 2005, 2014 годах) с размещением мемориальных плит.

В 2017 году на кладбище «Пески» создан и открыт величественный мемориал, посвященный памяти жителей Карелии и Ленинградской области, погибших в концлагерях Петрозаводска.

Он создан скульптором из Москвы Ф. Г. Паршиным на средства А. Ю. Молчанова и Г. Н. Морозова, правнуков погибшего в 1942 году в концлагере № 5 А. Д. Романова.

Когда мы знакомились с эскизами памятника, меня поразило, что его высота 7 метров и он состоит из монолитного камня розового гранита, где изображены фигуры еще живых узников, но уже видно, что они слабы. А затем, словно через рубеж, отделяющий живых от мертвых, идет вторая часть памятника — из черного гранита. И на ней выбиты имена погибших в концлагерях: три с половиной тысячи фамилий.

Люди приезжают и приходят к этому мемориалу, находят фамилии своих родственников, приносят цветы.

И они верят вместе с нами, что такая трагедия больше никогда не повторится.

Павлова (Фролкова) Нина

В лагере стали сиротами

Я родилась в конце 1932 года, и жили мы в деревне Подщелье Подпорожского района Ленинградской области. Были у нас добротный просторный дом, справное хозяйство. Жить бы и радоваться.

Отцу перед войной было 50 лет, матери — 42. Старшему брату — 16 лет, за ним шел еще один, 13-летний, брат, и еще нас три сестры. Я была средней.

Накануне оккупации мать получила на работе серьезную травму и ходила с костылем. Нас финны выгнали из дома и повезли в Петрозаводск. После короткой остановки в Ладве мы оказались в 6-м лагере. Тут-то и начались наши настоящие мучения. Хочу, правда, уточнить, что старший наш брат Леонид, который был взят финнами в плен на оборонных работах по рытью окопов, был доставлен в Петрозаводск позже и размещен во 2-м лагере.

Отец мой Степан Петрович умер в первые же дни лагерной жизни. А произошло это так. Нас, голодных и изнуренных, лагерная охрана подгоняла на гору. Отцу идти было трудно, и охранник несколько раз ударил его прикладом. От обиды за унижение и от боли отец совсем сник духом, но из последних сил старался держаться. Нас разместили в небольшой комнате двухэтажного барачного дома. Было холодно, это был декабрь 1941 года. Отец затопил печку и около нее поставил скамеечку, чтобы я согрелась. Сел рядом сам. И вдруг ему стало плохо, и он упал на мои колени. На следующий день его похоронили в общей могиле около церкви на Зареке.

Нас стал донимать голод. Выдавали на человека по полстакана муки, и мы варили из нее жидкую похлебку. Спустя несколько месяцев умерла и мама Ольга Михайловна. И мы осиротели.

Помню, как нам было плохо и как мы плакали. Следом за мамой не стало и нашей меньшей сестренки Мариночки. Она лежала на траве — одни кости и кожа. Умерла на наших глазах. Из семи человек нашей семьи осталось четверо осиротевших детей. Маму и сестру похоронили в Песках.

К нашему бараку вдруг подъехали на лошади. Приехали за нами. Как мы узнали, нас хотели увезти в Финляндию. Но брат Валентин запротестовал и стал доказывать, что у нас имеется старший совершеннолетний брат, который находится во втором лагере. Уж не знаю, как он сумел побывать у брата и смог добиться, чтобы Леонида перевели в 6-й лагерь. Так мы остались все вместе.

Дети в лагере быстро взрослели и понимали, что во многом они только сами смогут о себе позаботиться. Когда не стало мамы, а старшего еще с нами не было, Валентин время от времени проникал под проволоку, чтобы в городе у солдатских кухонь и казарм раздобыть что-либо из съестного и накормить нас. Но однажды его поймали и в наказание посадили в «будку». Мы с сестрой передали ему немного еды. Но один из надзирателей заметил нас и с плеткой побежал за нами. К счастью, он был толстый и неповоротливый, и мы сумели от него убежать и спрятаться. И с тех пор, когда в нашу комнату приходили с проверками, я пряталась под кроватью.

Помню, как освободили город. Почти все обитатели лагеря вышли за ворота, многие устремились к причалу, где появились наши освободители. А я взяла свой маленький сундучок с куклами и направилась в город к своим дальним родственникам. Но у них тоже еще не было своего жилья, и мне какое-то время пришлось скитаться по разным чердакам и питаться тем, что Бог пошлет.

Пессонен (Блинова) Вера Петровна

Концлагеря не было? Но память о нем есть

Я уроженка Карелии. Родилась 5 сентября 1926 года в деревне Кузьмина Гора (Загубье) Толвуйского сельсовета.

...Оглядываясь назад, ужасаюсь порой, сколько горя выпало на мою долю. В июле 1937 года был репрессирован мой отец. Было ему 38 лет. Нас у мамы осталось трое: мне было 10 лет, сестре — 4 года, брату — 6 месяцев. Мама — колхозная доярка. Но после ареста отца ее уволили. Пришлось ей по договоренности с людьми где-то мыть полы, кому сено косить, кому на огородах помогать, чтобы прокормиться. Мой школьный учитель пытался помочь нам, везде писал, чтобы маму взяли на постоянную работу.

Я смогла окончить только 4 класса, потому что школа была в 5 километрах — в селе Толвуя, а в интернат меня, как дочь врага народа, не взяли. В комсомол тоже не приняли.

В начале войны мы не смогли эвакуироваться, и вскоре семья, как и все население нашего края, оказалась на оккупированной территории. Финны выселили нас из своих домов в другую деревню.

В декабре 1941 года меня, 15-летнюю девочку, финны отправили на работу — ремонтировать дорогу от Толви до Великой Губы. Работала там до марта 1942 года. В деревне Великая Нива рас-

полагался финский штаб одной из комендатур оккупированного Заонежья. По распоряжению штаба меня вместе с другими сверстниками направили в концлагерь в Медвежьегорском районе, размещавшийся в 8 километрах от деревни Малой Медвежки.

Лагерь был обнесен колючей проволокой, и на 4 вышках дежурили охранники с автоматами. В лагере нас было человек 300 или даже больше. Все — молодые девчонки и женщины. Нас заставляли работать на самых тяжелых операциях в лесу и на дорожном строительстве. Каждый день финны гоняли всех на работу — строили дорогу в непроходимом лесу. Было четыре бригады. Одна бригада пилила лес, вторая — корчевала пни, третья — делала перемычки и застилала ямы хвоей, а четвертая — засыпала песком дорогу.

Придем на работу, а финны кричат:

— Бери, руска девка, бревно и неси.

Поставят нас 10 человек к бревну. Мы его поднять не можем, сначала один конец поднимем, а потом второй, встанем по несколько человек и несем. Тащили на дорогу, которую сами же и делали. А вдоль дороги финны с автоматами, палками. Вечером приходим в барак мокрые, голодные, смотрим на свои плечи — даже кожа с них слезла.

Спали мы на барачных нарах в два яруса. Места были пронумерованы с указанием наших фамилий. Стелили под себя на ночь ту одежду, которая была на нас.

Кормили плохо. Суп варили из гороха или бобов с ветками, а кашу — из зерна, едва раздробленного пополам. Воды в каше было больше, чем зерна. После тяжелой работы есть очень хотелось. По пути в лагерь собирали все, что попадало под руку и годилось для пищи: ягоды, грибы и травы. Вечером варили и ели. После возвращения с работы выдавали пайковые галеты. Но паек был таким скудным, что мы даже не замечали, как его проглатывали. Болели мы цингой, чесоткой и простудными заболеваниями.

По воскресным дням нам приказывали выходить из бараков, всех фотографировали. На работе иногда тоже фотографировали. С какой целью, не знаю.

Нам были выданы паспорта: финнам — с розовыми корочками, а карелам — с желтыми.

Когда мы заканчивали участок дороги, нас перебрасывали дальше. Помню Уницу. Место называлось Чорга. Жили в лесу в бараках. Здесь были и парни. Мы заготавливали лес и вывозили его на лошадях. Финны стали отступать и нас пешком гнали к финской границе, но в Финляндию не успели увести, оставили нас в 6 километрах

от границы, в какой-то деревне у озера. Тогда нас много было, несколько лагерей вместе. Когда все финны ушли и пришла наша разведка, мы даже не верили, что мы свободны. Плакали, обнимали друг друга, радовались.

В 1953 году я заболела. В 1954 году мне дали третью группу инвалидности. Через несколько лет — вторую, затем и первую. Вот как повлияло на мое здоровье пребывание в финских лагерях. Когда спустя годы, я стала хлопотать о том, что была узницей концлагеря № 1, моей фамилии в списках не оказалось. Ничего не ответили и из Финляндии на все мои пять запросов. Мол, не было такого концлагеря № 1. То же сказали мне и в нашем райсобесе...

Пудрина Варвара Ивановна

Век буду помнить

Лагерный порядок. ...20 октября 1941 года в Петрозаводске выпал первый снег и больше не растаял.

Пудрины начали привыкать к условиям пребывания в зоне — концлагере № 3. Скоро они уяснили главное правило — все должно происходить с ведома или по указанию старосты. В доме № 13 командовал староста по фамилии Гурьев. Это был мужик из Присвирья...

У старосты в лагере были серьезные полномочия. В его обязанности входило: распределять пайки между поселенцами дома, доводить до подотчетных ему лиц распоряжения начальства концлагеря, назначать исполнителей на работы, следить за порядком.

Люди, попавшие в лагерь, были сильно истощены и обессилены. Они недоедали практически с первых дней войны, и отсутствие пищи в лагере могло означать для них только одно — голодную смерть.

Дневной паек в концлагере на Болотной улице состоял из одного стакана черной ржаной муки. Каждый вечер Пудрины с нетерпением ждали, когда наступит кульминационный момент — откроется дверь, и староста выдаст продуктовый паек на всю семью. Для такого жизненно важного дела у Варвары Викторовны нашелся небольшой холщовый мешочек, который она случайно прихватила с собой из дома. Как только староста отмерял шесть стаканов черной муки, мешочек немедленно несли прямо к плите.

На плите наготове стояла кастрюля с кипящей подсоленной водой. Мука тут же летела в кастрюлю. Глотая слюнки, ребята сидели

за столом с ложками наготове. Время, пока варилась пища, казалось вечностью. Наконец загуста была готова. Блюдо из воды, муки и соли плотно набивало желудок.

— Вот беда, сколько этой загусты ни съешь, все равно через полчаса голодный ходишь, — сетовал Иван Антонович.

Голод. Маленькая Женя и Тамара в первые дни лагерной жизни мучили мать нытьем про еду. Старшие сестры страдали от голода не меньше, но терпели, держались. Хуже всех из Пудриных голод переносила Тамара. В свои одиннадцать лет она была готова на всякие ухищрения и даже отчаянные поступки, лишь бы получить хоть чуть-чуть чего-нибудь съестного.

— Варя, давай в город пойдем, — как-то после ужина с загустой заговорщицким тоном предложила Тамара сестре. — Может, хлеба добудем.

— Как же мы пойдем? — удивилась Варя. — Ведь нельзя. Староста по головке не погладит — выпорет.

— Мы раненко выберемся, пока темно. Я уже и лаз под проволокой нашла, — объяснила Тамара.

Рано утром, когда на улице было еще темно, Тамара и Варя вышли из дома. Всю дорогу по темному лагерю Варя шла и оглядывалась. Ей было боязно. Тамара уверенно вела сестру к лазу. Место, которое Тамара нашла для осуществления своего авантюрного плана, было впритык к старой церковной ограде. Здесь нижний ряд ключей проволоки между деревянными столбами заметно провис.

— Ты, Варя, первая ползи, а я за тобой. Я проволоку подержу, — сказала Тамара.

Варя пробралась за забор и затем помогла сестре. Они быстро зашагали к центру города, чтобы отойти подальше от лагеря.

— Куда пойдем? — спросила свою ведущую Варя.

— Может быть, пойдем к церкви на Неглинке? — предложила Тамара. — За церковью совхозные поля были. Еще бабушка говорила, что там всегда капусту высаживали.

— Далеко-то как! — смутилась Варя.

— У нас с тобой времени — целый день! — весело объявила сестра. — Все равно мы в зону только по темноте вернуться можем...

Попрошайки. Неожиданно в дверь постучали. В комнату зашла соседка и передала на словах распоряжение старосты.

— Начиная с завтрашнего дня Варвара Викторовна будет пилить дрова на лесной бирже, Мария и Варвара пойдут на уборку улиц, Иван Антонович направляется в мастерскую. Сбор в семь во дворе, — проинформировала соседка.

Утром все ушли на работу по разрядке старосты. Тамара и Женя остались в комнате вдвоем.

— Женя, давай пойдем к финской столовой. Соседские ребята там с первых дней пасутся. Может, и нам чего-нибудь перепадет, — предложила она.

Женю уговаривать не пришлось. За едой она была согласна пойти куда угодно. Девочки подошли вплотную к колючей проволоке и стали ждать финнов, ходивших по тропинке в свою столовую. Около забора собралась, кажется, вся лагерная детвора.

— Poika, anna leipää. Poika, anna natsa («Парень, дай хлеба. Парень, дай хапчик»), — слышались детские голоса.

Голодная Тамара никак не могла устоять на одном месте. Она все время переходила с места на место в поисках самой выгодной позиции. Заметив идущего вдоль забора солдата, она протягивала руку, то и дело повторяя:

— Лейпя, лейпя!

Женя стояла там, куда ее поставила сестра. Тамара сказала держать руку вытянутой вперед, но Женя скоро устала стоять в таком неудобном положении, и теперь раскрытая пустая ладонка ее правой руки была только слегка выдвинута вперед. Было холодно. Озябшая Женя стояла, ссутулившись, у забора, молча и даже не поднимая глаз на проходивших мимо солдат. Неожиданно девочка ощутила на своей ладони что-то твердое. Она сначала даже не поняла, что это была галета. Женя инстинктивно сжала ладонку в кулачок и прижала его к груди. Затем она осторожно приоткрыла кулачок и глянула в щелку. Это был кусочек сухого хлеба!

Счастливая Женя кинулась искать сестру. Тамара по-прежнему стояла у колючей проволоки и безуспешно повторяла:

— Лейпя. Пойка, анна лейпя!

— Тома, смотри, что мне финн дал, — сказала Женя и раскрыла кулачок.

— Здорово! — восхитилась Тамара...

Охотники. Для Тамары каждый день в лагере был наполнен мыслями только об одном — где раздобыть еды. Голод превращал веселую, словоохотливую остроумную девочку в изворотливую, неуступчивую, отчаянной смелости попрошайку. В первый раз попытка выпросить хлеба около финской столовой окончилась для Тамары неудачей, если не считать выманенного у сестрицы кусочка галеты. Проторчав понапрасну в ожидании подаяния перед колючей проволокой долгие обеденные часы, она решила завтра прийти к финской столовой, оснастившись по примеру соседских мальчишек.

На следующий день она уже стояла около проволоки, вооруженная посудиною для остатков пищи, которые некоторые финские солдаты специально выносили из столовой в котелках, чтобы отдать кому-нибудь из лагерных детей. У мальчишек в руках было у кого что: маленькие кастрюльки, глубокие миски. У одного пацана был даже настоящий армейский котелок.

Тамара пришла к забору с большим столовым чайником без крышки. Другой, более подходящей, посуды у Пудриных не оказалось. Тамаре повезло в первый же выход к колючей проволоке с чайником — на дно чайника упала половинка картошки «в мундире». Однако чаще Тамара возвращалась в комнату «пустой».

При всякой возможности Тамара стремилась выбраться из лагеря в город. Там было просторнее, свободнее. Не надо было ссориться и толкаться с соседскими мальчишками и девчонками у лагерного забора.

— Варя, ну давай пойдем со мной. Вместе веселей, — уговаривала сестру Тамара.

Нередко Тамара выходила в город одна. День-деньской девочка шаталась по холодному полупустому городу в надежде на слепую удачу — вдруг кто-нибудь из финнов подаст кусок хлеба или около магазина ВАКО найдется окурок, который в лагере можно будет обменять на хлебную корочку. Тамара, как голодный пес, обходила квартал за кварталом в центре города, осматривала дом за домом.

Она терпеливо стояла на перекрестке улицы Ленина, которая при финнах стала называться Карельской улицей, и улицы Дзержинского, получившей название Вяйнямейнена. На этом перекрестке располагался магазин ВАКО, где вепсы и карелы — соплеменники, как покровительственно называли их финские националисты — отоваривали продуктовые карточки. «Хоть бы краюху хлеба кто подкинул», — мысленно просила Тамара.

...Обычно многочасовые походы Тамары в город ни к чему не приводили. К вечеру она возвращалась в лагерь усталой и раздражительной. В такие дни Тамара становилась невыносимой. Она обижалась на своих близких по поводу и без повода и на пустом месте заводила ссоры с сестрами.

Однажды Тамаре несказанно повезло. В тот день она не спеша прохаживалась по Карельской улице. На подходе к зданию учительского института Тамара увидела финского солдата, шедшего в обнимку с небольшим бумажным пакетом. Наметанным глазом Тамара определила, что в пакете могла быть картошка. Улица была

пуста. Тамара безотчетно, словно под водительством невидимой руки, последовала за солдатом.

Немного не дойдя до здания института, солдат вдруг остановился и матерно выругался. Бумажный пакет со слегка подмороженной картошкой, который солдат бережно прижимал к груди, порвался от сырости, и его содержимое посыпалось на землю. Финн растерянно оглядывался вокруг, поспешно соображая, что предпринять, как собрать и куда сложить вывалившуюся из пакета картошку. Откуда ни возьмись вокруг растерявшегося финна объявились шустрые маленькие человечки. Тамара в числе первых охотников за картошкой юлой вертелась около опешившего солдата, собирая с тротуара раскатившиеся в разные стороны клубни.

— Юмалаута! Саатанан перкеле! — шумел вояка, не зная что предпринять.

Через несколько мгновений все было кончено. На земле не было ни одной картошины.

Исчезли и невесть откуда появившиеся сборщики...

Разочарование. В один из дней Тамара, отупевшая от усталости, голода и сплошного невезения, шла по Беломорскому шоссе. На перекрестке с улицей Сорокской, там, где сегодня красуется кинотеатр «Калевала», девочка обратила внимание на молодого стройного военного в блестящих сапогах. Офицер двигался по улице гордо, исполненный собственного достоинства. Неожиданно он свернул к ближайшему двухэтажному деревянному дому. Девочка заворуженно следила за тем, как офицер красиво взошел на невысокое, в три ступеньки, крыльцо. Как только военный скрылся за дверью с небольшой табличкой, Тамара поспешила к деревянному зданию.

«Вот это повезло!» — подумала Тамара. Она подошла к дому и стала торопливо подниматься по ступенькам крыльца. Девочка была совершенно уверена в удаче. За целый день она не смогла выпросить у встречных финнов ни одного кусочка хлеба и не нашла ничего съедобного. Тамара открывала двери подъезда, предвкушая заполучить что-нибудь особенное: если не кусочек сахара, то хотя бы целую галету. «У такого симпатичного, опрятного, изящного офицера обязательно должно найтись что-нибудь вкусное», — думала она.

Тамара вошла внутрь деревянного здания. За следующей дверью оказалась большая комната, похожая на кабинет. Перед столом спиной к входной двери стоял тот самый военный.

— Пойка, анна лейпя, — выпалила Тамара, едва открыв дверь в кабинет.

Пудрины. Сидят (слева направо): Варвара Викторовна, Евгения. Стоят: Мария, Тамара, Варвара. 1950 год. Фото из семейного архива Пудриных

Тамаре показалось, что офицер вздрогнул от неожиданности. Он медленно повернулся и посмотрел на нее в упор.

— Лейпя! Анна лейпя! — повторила девочка и протянула руку.

Молодой стройный военный в блестящих сапогах, не говоря ни слова, быстро и решительно приблизился к Тамаре. Правой рукой он жестко взял девочку за шиворот.левой открыл одну, а затем и другую дверь. Изящный военный выволочил непрошеную посетительницу на крыльцо и повернул Тамару лицом к табличке на двери. На табличке было написано: «Собакам и русским вход воспрещен».

Красивый офицер развернул Тамару в сторону улицы и дал ей мощного пинка под зад. От такого толчка девочка слетела с крыльца и, перемахнув через очищенный от снега тротуар, ткнулась носом в лежалый сугроб. Офицер раздраженно захлопнул входную дверь.

Девочка поднялась на ноги и выбралась из сугроба. Потирая разбитые колени, Тамара нащупала разодранные от удара о тротуар чулки. Слезы горького разочарования потекли по ее щекам. Утирая ладошкой мокрое от слез лицо, Тамара обернулась на дверь дома, откуда ее, как щенка за холку, вытащил красавец военный.

Табличка, которую девочка не заметила при входе в дом, теперь казалась большой и заметной. Надпись на табличке ясно читалась. «Собакам и русским вход воспрещен», — повторила про себя заплаканная девочка. От этих слов боль казалась еще сильнее, обида — горше. Чувство глубокой обиды за нанесенное ей оскорбление сдавливало горло.

— Собакам и русским... — без конца повторяла Тамара, шагая по холодным неприветливым улицам на Зареку, в лагерь № 3.

Унижение, пережитое в тот злополучный день, оставило глубокий след в памяти Тамары. Через много-много лет она с горечью рассказывала про тяжелое оскорбление, нанесенное ей, маленькой девочке, блестящим финским офицером.

— Сердце кровью обливается, когда мимо этого места на троллейбусе еду, — говорила Тамара Ивановна на склоне лет. — Я смотреть без слез в сторону этого дома не могу!

Деревянный двухэтажный дом, куда поздней осенью 1941 года голод заманил Тамару Пудрину, сохранился до сих пор. Он находится на Первомайском проспекте, слева от кинотеатра «Калевала».

Из книги Рейно Котты «Век буду помнить». По воспоминаниям петрозаводчанки Варвары Пудриной»

Обложка книги

Рогозина Клавдия

Не мука́, а му́ка, господин Маннергейм!

Маршал Карл Маннергейм, командовавший всеми вооруженными силами Финляндии, конечно, — личность историческая. Но лучше бы мне с ним было познакомиться в другое время и при других обстоятельствах.

Мое знакомство с главным военным чиновником Суоми состоялось за колючей проволокой в петрозаводском лагере № 5 (нынешний Пятый поселок), когда он летом 1943 года приезжал в наш город из Финляндии.

В лагере работали даже дети. Сестра моя ткала дорожки, я плела лапти, брат — корзинки. Однажды нам выдали вместо пайкового хлеба муку, в которой оказалось много червей. Брат проделал в дне консервной банки небольшие дырки, и получилось ситечко. Когда мы просеивали муку, в нашу комнату постучали, и вошел высокий усатый военный в нарядном мундире. Я уже слышала, что в лагерь приехал маршал Маннергейм, и поняла, что это он и есть.

Поздоровался со мной и с братом за руку и сказал по-русски:

— Здравствуйте! — посмотрел на наше занятие и спросил: — А это что? Чем вы занимаетесь?

Я ответила, что выдали на семью норму муки, а в ней — черви. И даже показала, сколько их было отсеяно. Наверное, этот приезд Маннергейма хоть немного повлиял на жизнь людей в лагере. С тех пор нас стали кормить лучше. И такой муки уже не выдавали...

Семко Валентина Александровна

Этого позабыть нельзя

Каждый год я приезжаю из далекого сибирского города Братска в Петрозаводск, где за колючей проволокой прошло мое детство, а потом в освобожденном городе и трудная, но незабываемая юность.

Июнь 1995 года. Год 50-летия Победы. Я снова в Петрозаводске. Город — нарядный, праздничный, утопает в зелени. А в 1944 году он лежал в руинах.

Зимой 1941–1942 годов русское население из сел и деревень на реке Свири, из Заонежья было принудительно вывезено в Петрозаводск и районы Карелии и размещено в концлагерях. Это были старики, женщины, дети.

Всех взрослых и подростков заставляли работать. На работу вели строем. Из-за плохого питания и болезней смерть косила людей тысячами. В концлагере № 5 за один год из восьми тысяч узников от истощения и болезней умерло около двух тысяч человек.

Одежда, в которой нас привезли в лагерь, быстро изнасилась, другой не выдавали. Люди ходили в лохмотьях. За малейшие проступки несчастных подвергали избиению резиновыми дубинками.

В. А. Семко

В каждом лагере был свой палач, в обязанности которого входило исполнение приказов коменданта.

В концлагере № 5 12-летний мальчик Демехин вышел за зону лагеря, чтобы пройти в город и выпросить кусок хлеба, но был замечен охраной и тут же у проволоки застрелен. Избит и расстрелян был подросток Пименов. А сколько их было по всем другим лагерям — искалеченных и униженных, нет им числа! В лагерях свирепствовали заразные болезни — тиф, дизентерия, дифтерия. От болезней умирало очень много людей.

В июне 1944 года пришла долгожданная свобода, которую мы ждали почти три года. Но вместе с ней пришло и горькое ощущение сиротства. Ведь наши мамы, отдавая последний кусочек своего скудного пайка нам, лишали себя последних сил. Навечно остались они лежать в длинных траншеях братских могил кладбища «Пески».

Спасова (Булгакова) Мария Александровна

По 30 гробов вывозили в сутки

Родилась я в 1926 году. Финны захватили нашу семью на дороге в Шустручье, я была с отцом, матерью, братом Сашей (14 лет) и сестрой Раей (6 лет).

В октябре 1941 года на бортовой машине нас привезли в Петрозаводск — в лагерь № 3. Люди умирали — по 30 гробов вывозили ежедневно. Из трех тысяч человек осталась одна тысяча. Умирали от голода — опухали. В лагере умер от голода мой отец. Брат Саша в поисках пищи ушел из лагеря с ребятами. Их поймали, били плетками. На спине у брата были кровавые рубцы, мальчишек держали в карцере — это «будка», где не кормили. Через неделю после карцера, 7 августа 1942 года, он умер. Мать Евдокия Ивановна Спасова умерла от голода в сентябре 1942 года.

Я в лагере работала — разбирали завалы кирпичей в районе гостиницы «Северная». Водили на работу нас под конвоем. У каждого на рукаве верхней одежды была повязка из красной материи — знак лагерника. Заставляли нас работать по 9–10 часов. В день выдавали 200 граммов муки, 2 куса пиленого сахара, щепотку соли.

В выходные дни по пропускам отпускали в лес, где трудно было найти даже поганку. Везде ощущался трупный запах. Мы находили тела мертвых русских и финских солдат, каски. Ходили в своих ватных фуфайках, бурках с калошами в течение четырех лет. Среди

нас были девицы, гулявшие с финнами. Они научились говорить по-фински, хорошо одевались. Часть из них уехала в Финляндию, потом их вернули обратно.

Перед приходом наших финны убежали, а узники взломали проволоку, «почистили» хлебозавод, где взяли сухари и сушеный картофель.

Смирнов Геннадий Анатольевич

Охрана стреляла из пулемета

Для меня война началась октябрьским утром сорок первого года, когда в нашу деревушку вошли финны. Увидев в окошко вооруженных людей, показавшихся из леса, перепуганная мать заставила меня, семилетнего, и трехлетнюю сестренку улечься на пол. Маленького братишку, которому было несколько месяцев, пристроила рядышком. Она боялась, что будут стрелять. В нашем доме поселились пятеро финских солдат. После первого снега солдаты ушли, их сменили полицейские. Скоро всех жителей — от стариков до грудных детей — отправили в лагерь в Петрозаводск.

Мы попали в лагерь № 3 для гражданского населения — бывший поселок лыжной фабрики, обнесенный высоченным забором с двумя рядами колючей проволоки. Дома барачного типа, вышки с автоматчиками — к этому привыкли быстро. Труднее было терпеть голод. Та баланда, что давали, — мороженая капуста с картошкой и свеклой — практически не насыщала, и люди начали умирать. Особенно быстро дети. Хоронили зимой всего раз в неделю, набиралось не меньше ста покойников. До этого же трупы держали в овощехранилище. Скоро туда попал и младший братишка.

Пища была единственным, о чем постоянно думали ребята. Есть мы хотели всегда — и днем, и ночью. И добывали пропитание как могли. Например, делали подкоп под колючей проволокой и сбегали в город, шли к солдатским кухням. Иногда получали остатки пищи. Возвращались не всегда удачно. Часто лаз обнаруживали охранники и устраивали засаду. Попавшихся тащили в так называемую «будку», где пороли плетью. Порой забивали насмерть.

Г. А. Смирнов

Одно время мать работала на кухне у финнов и приносила картофельные очистки. Это было счастье. Их мыли, варили и ели. Иногда добавляли найденные на бывшей свалке мясокомбината, оказавшейся на территории лагеря, отполированные временем и дождями кости. Казалось, что на поверхности похлебки появлялись признаки жира.

Одно из самых ярких воспоминаний: охрана стреляет из пулемета по детям, рвущим траву в запретной зоне за проволокой. В лагере и травинки нельзя было отыскать — все съели. Перед проволокой росла трава, особенно сытным казался подорожник. Но охранники, заметив ребят, направляли на них прожектор и начинали стрелять.

Детей привлекали к труду. Мальчики резали крапиву, иван-чай, вязали в пучки и сдавали охране. Не забылись медосмотры, проводившиеся еженедельно в банный день. Медперсонал отбирал некоторых из нас и направлял в госпиталь. Там брали кровь. У меня до сих пор узлы на венах.

Однажды мать не смогла выйти на работу — от голода страшно опухли ноги, и она не сумела утром встать. Староста барака, свой же поселковый, явился за ней с плетью. Но успел лишь замахнуться. Я вцепился зубами в его руку. Удивительно, но староста меня не тронул. Просто ушел.

Все закончилось 28 июня 1944 года, когда финская администрация покинула город. Встречали на онежской набережной моряков, а затем сухопутные войска, вошедшие в город.

Ребята решили бежать им навстречу. Но многие поля были заминированы. На моих глазах погибла девочка. Кровь, кровь — еще секунду назад живого человека.

Потом наша семья приехала в село Пашнец Череповецкого района.

Титков Н.

Мы жили надеждой

...Петрозаводск, июнь 1944 года. Очень жарко, душно от дыма. Жуткая картина разрушений: вместо домов — кучи щебня, дороги завалены кирпичами. Кругом мины. Дымятся догорающие деревянные дома, мосты через реки Лососинку и Неглинку. По Онежскому озеру, как смоляные факелы, плавают подожженные оккупантами суда. Истощенные узники фашистских концлагерей встречают

освободителей — советских воинов. Минутное замешательство — ведь мы не знали о том, что в войсках введены погоны...

Я хорошо запомнил майора Кузьмина (впоследствии он был морским комендантом в Вознесенье). Во время оккупации с его детьми мы жили в третьем концлагере. Он сказал, что передовые части идут по шоссе Ленинград — Петрозаводск от Деревянки и скоро будут здесь. Многие пошли им навстречу, в том числе и я с Валерой Королевым. Ему было лет шесть.

Примерно на втором километре от города на mine подорвалась девочка. Она шла метрах в пяти позади нас. Оказалось, что мы перешагнули мину и остались живыми. У меня и сейчас перед глазами эта девочка, лежавшая около воронки.

При освобождении я встретил знакомого с довоенного времени капитана Якоева. Он мне дал адрес моего отца, от которого не было вестей три года. Сейчас просто не верится, что это было наяву. Как будто страшный сон. Нас, мальчишек 10–14 лет, фашисты гоняли под конвоем на работу. Мы разбирали дома, выдирали гвозди, заготавливали дрова, делали веники, метлы. После работы получали стакан гнилой муки и селедку. Концлагерь с четырех сторон был огорожен двойным рядом колючей проволоки — забором метра три высотой.

Помню, что в журнале «Огонек» был опубликован снимок фотокорреспондента Галины Захаровны Санько «Узники фашизма». Она сделала этот снимок в лагере № 6. Я даже считал, что мальчик в клетчатой кепке — это я. У меня была такая кепка, и я помню, как нас тоже фотографировала женщина (военная) у колючей проволоки. Над нами тоже была надпись-предупреждение, что подходить к проволочному ограждению запрещается, в противном случае последует расстрел без предупреждения. Однажды на моих глазах так был расстрелян пятилетний мальчик — вот каким был «порядок», который принесли в город фашисты.

Пройди по всему городу и не встретишь ни одной живой души, так как все мирное население было загнано за колючую проволоку.

До войны я жил в Петрозаводске, и мне знаком в нем каждый камень. Я учился в 24-й школе, в ней оккупанты сделали церковь. От причалов порта остались одни сваи. Мне тогда было 13 лет, но как сейчас помню разрушенный Петрозаводск. Оккупанты стремились стереть с лица земли и из памяти людей все русское. Они переименовали улицы, убрали все памятники.

В концлагере нас заставляли ходить в церковь. Но нельзя покорить дух советских людей. Под страхом смерти мы распространяли листовки, которые сбрасывали с наших самолетов.

С узниками фашисты расправлялись жестоко. То были самые страшные слова — «Тебя в «будку» (так оккупанты именовали на русском языке лагерную тюрьму). А кто забудет «бога» (это была кличка начальника лагеря)?! Когда он появлялся в лагере, все прятались. На розги он был щедрый, бил нещадно без разбора, иногда до смерти.

Особенно трудно нам было зимой. В галошах на босу ногу приходилось ходить за несколько километров за водой на озеро и за дровами. Помню, как нашли замороженную, полузатопленную баржу с картофелем. Под угрозой расстрела мы пробирались на эту баржу и брали мерзлый картофель. Как-то нашли склад довоенного «Вторсырья». Из кож и костей делали студень. Так питались в этом фашистском «раю».

Мы три года не теряли надежды, что наши придут и враг будет изгнан с земли советской Карелии.

После освобождения я учился в школе ФЗУ (пришлось прибавить годов) и участвовал в восстановлении города. Затем окончил военно-морское училище и Ленинградский университет. Разве мог бы мечтать об этом, если бы победила фашистская чума, если бы не пришли наши воины!

*г. Жданов (Мариуполь)
Газета «Комсомолец», 1969 год*

Тюхай (Мухина) Валентина Александровна

Люди пухли и умирали

Я родилась 1 января 1935 года в деревне Жабеницы Вытегорского района Вологодской области, но жила в деревне Юковичи Вознесенского района (в настоящее время Подпорожского района) Ленинградской области. В 1937 году моего отца — председателя колхоза «Прожектор» — по ложному доносу арестовали и расстреляли в ленинградской тюрьме «Кресты». У мамы осталось четверо детей — 1928, 1935, 1936 и 1938 годов рождения, теперь мы все — пострадавшие, жертвы политических репрессий. А в то время для людей мы были врагами народа. Легко ли было выжить тогда?

В 1941 году мы, как и многие, попали в плен к финнам. Мы были вывезены на грузовых машинах под брезентом в Петрозаводск — в лагерь № 6. С 10 ноября 1941 года по 28 июня 1944 года там мы промучились.

В. А. Тюхай

Поместили нас в бараки за колючую проволоку, запутанную в четыре ряда. С двух сторон были вышки, на которых постоянно дежурили часовые с собаками.

Надзиратель по имени Вейкко ходил с плеткой по комнатам, доставал из кармана носовой платок и проверял, есть ли где пыль. Если обнаруживал — удары следовали немедленно.

От голода люди пухли и умирали. И еще самое страшное место в лагере — санпропускник, люди не выдерживали нестерпимой жары и умирали. Младшая сестра умерла, а мы с братом заболели брюшным тифом, нас обстригли наголо. Маму гоняли вместе с другими заключенными в город на работу.

В 1944 году нас освободили. Помню, как мы ходили на вокзал встречать наших солдат. Сколько было радости!

Тюхай (Стирина) Людмила Александровна

Похлебка спасла мне жизнь

Я родилась в 1939 году. В 1941 году отца взяли на фронт. Мне было два года, когда я, два моих брата (один только родился, второму было 5 лет), моя мама Парасковья Ивановна Стирина и бабушка Матрена попали в лагерь к финнам. Мы не успели никуда уехать. Приехали финны на лошадях, не разрешили нам ничего с собой взять и увезли с собой. Когда я стала постарше, моя мама мне все рассказала, чтобы я знала, как мы жили в лагере.

Попали мы в 5-й лагерь в Петрозаводске. Спали на нарах. Из еды нам давали один сухарик на день. Маленький брат умер от голода. Скоро у мамы от голода ноги опухли, она не могла ходить. Я лежала на животе и не могла поднять головы. Мама, понимая, что я умираю, с трудом передвигая ноги и останавливаясь через каждый шаг, ходила на помойку, чтобы найти что-нибудь из еды. Находила лишь не-

Л. А. Тюхай

сколько рыбьих головок. Потом она так же медленно шла обратно, мыла эти головки и варила соленую похлебку. Три месяца она поила меня с ложечки такой похлебкой, поднимая мне голову. Эта похлебка спасла мне жизнь. Дети в поисках еды выходили за колючую проволоку, их расстреливали.

Когда пришли наши освободители — молоденькие солдатики, многие из них и заключенные подорвались на минах, которые оставили финны. В лагере мы находились три года...

Феклистова (Бесова) Александра

Кадиллом по лбу

Война, а уж тем более оккупация, когда на твоей земле хозяйничают чужеземцы, особенно болезненно отражается на детях. Вот и мне вместе со своими ровесницами и ровесниками пришлось испытать многие беды и пройти через все унижения.

Начну свои воспоминания с такого случая. Я вместе с младшим братом Петей (мне тогда было 8, а ему 5 лет) некоторое время находилась в деревне Шильте в Заонежье — в детском передвижном лагере, созданном финскими властями. В эту же деревню были переселены моя двоюродная сестра Валя Титова с братом Колей, сестры Роза и Тася Барановы, четверо братьев Фокиных — все они были из окрестных деревень и остались в дни войны сиротами. Нас водили каждый день под конвоем в соседнюю деревню Пургино к финскому попу на занятия. Священник каждого из нас учил говорить по-фински:

— Исо, минэ сино ракаста, — что в переводе на русский означает: «святой отец, я тебя люблю».

Федя Фокин, старший из братьев, а было ему тогда 12 лет, со своим независимым характером, склонным к озорству, говорил:

— Минэ сина ракаста, мита кайра кеппи.

То есть «я тебя люблю, как собака палку». Понятно, что при таком ответе поп не мог оставаться равнодушным и бил Федю кадиллом по лбу. И так повторялось почти каждый раз.

Не могу не вспомнить о том, что нас содержали рядом с финским госпиталем как в Шильте, так и позднее в Космозере. Дело в том, что у нас брали кровь для раненых финских солдат.

У меня и у брата была первая группа. Однажды я стала просить, чтобы у брата Пети не брали кровь, а взамен лишний раз взяли бы

у меня. И вот на эту совершенно невинную просьбу надзиратели откликнулись по-своему: я получила плеткой по спине. А Валя Титова после отбора крови вышла за дверь и упала в сенях от бессилия — не могла идти дальше.

Почему же мы с братом оказались в детском приюте, который скорее был тюрьмой для нас, детей? В 1938 году нашего отца репрессировали по статье 58-й, части 1-й — по политическим мотивам. А он, будучи рядовым колхозником, никогда о политике не думал. И уже через месяц после ареста был расстрелян, скорее всего, в местечке Сандармох, о котором уже так много написано.

В июне 1944 года, когда Заонежье было освобождено от финских войск, нас перевезли в Сенногубский детский дом. Там мы продолжили свою запоздалую учебу на родном языке...

Фешева (Абрамова) Юлия Ивановна

Так было

Прочитала в газете письмо Д. Белоусовой «Откликнитесь, узники». Такое невозможно читать без слез. Украденное детство, искалеченные судьбы, потерянное здоровье. Изложенные факты подтверждаю: да, это было.

Я сама — бывшая малолетняя узница концлагеря № 5 в Петрозаводске. Наша семья — из Ленинградской области. Престарелая бабушка, мама и четверо детей. Старшей было 11 лет, младшему — полтора года, братику — 6 лет, мне — 9 лет. Папа находился на фронте.

Нас захватили в плен при эвакуации по реке Свири (плыли на барже) и доставили в этот концлагерь. Жили мы в бараке № 5 (теперь он называется поселок № 5).

Когда в лагере вспыхнула эпидемия цинги и тифа, нас всех постригли — побрили. Хозяева построили щитовые баньки-душегубки. Не помню, раз или два в неделю в этих банях жарили наши пожитки (белье, если можно его так называть, вывозили на лошадях). А потом детей и взрослых (стариков) водили в эти бани. Выдерживали нас в них по 30–40 минут, нагоняя пар с карболкой. Слабые не выдерживали, особенно дети, их приводили в чувство холодной водой.

Ю. И. Фешева

Недалеко от нашего барака находился сарай, в который складывали трупы. Около сарая тоже лежали трупы штабелями, потом их вывозили на лошадях на кладбище в Пески. Около ворот лагеря стояла «будка», она называлась «холодной». За малейшую провинность сажали в «будку» и пороли розгами.

Накануне освобождения отношение к нам изменилось. Привозили продукты на машине прямо в лагерь и раздавали.

Помню освобождение. Ночью раздавались взрывы, выстрелы где-то в городе, в лагере было спокойно. Утром проснулись — было солнечно, тепло, стояла удивительная тишина. Выходя из барака, мы увидели, что ворота лагеря открыты. Над финским штабом реял красный флаг. Все, радостные, заплаканные, побежали в город на онежскую набережную, там стояли корабли, было много военных...

Харченко Тамара Алексеевна

Анкета со злополучной графой...

Я родилась в Кижях, жила там до двух лет. Потом переехали с мамой в Петрозаводск, но связи с Родиной не теряли. Приезжали на лето отдыхать. Когда началась война, мама поехала за мной, чтобы вместе эвакуироваться. Но оттуда мы попали прямо в лагерь.

Пришли в деревню финны. Мою маму увезли одной из самых первых. Ее толкнули в сани, меня буквально оторвали от нее. Мы не знали, где она и что с ней. Через какое-то время приказали всем собрать только самое необходимое и повезли в лагерь. Мы попали в шестой. Сколько было у нас радости, что встретились с мамой! Она говорила, что не выжила бы, если бы не нашла меня.

Мы жили в лагере все вместе: дед, бабушка (по папе), две папины сестры, их свекровь, я с мамой, у каждой тети было по трое сыновей. Мужья воевали на фронте.

Поселили нас в бараке. 13 человек, трудоспособных только три женщины, трое стариков и семеро детей. Возраст малышей: 1930, 1933, 1935, 1936, 1938, 1940, 1942 года рождения. Дети — деревенские, все здоровые, кроме меня. И их никого давно нет.

Тяжелых наказаний, как мне помнится, никто у нас не испытал. Если не считать меня, но я была сама виновата. Пошла в туалет после комендантского часа. Это было строго запрещено, и все об этом знали. Патруль пришел за мной следом, вытащил меня за ноги с нар и очень старательно уличной метлой (с палкой) отходил

меня. Я вся была в синяках. Бабушке попало еще больше, так как она бросилась меня защищать.

А так самое страшное — это изнурительный голод. Постоянно хотелось есть. И почему-то только хлеб. Вкуса другой пищи не помню. Никаких мыслей не было, кроме как о еде. Мы мало двигались, больше лежали. Не играли. Не помню ни одной игрушки тех лет.

Первым в лагере умер грудной ребенок. Тетя стала опухать от голода, молоко пропало, и мальчик сразу умер. Через какое-то время в одну ночь умерли мой любимый дедушка и его сватья. Деду, казалось бы, конца не могло быть. Он никогда не болел. Крепкий работающий добрый человек, любивший людей и жизнь. Вспоминаю: когда он почувствовал, что умирает, позвал всех нас к себе. Говорил так:

— Не плачьте, не горюйте, держитесь друг за друга, и легче будет все пережить. Наши победят. Россию-матушку не поставит на колени. Это все временно — плохо. А мне-то уж больше не видеть красного солнышка и ясного небушка.

Это были его последние слова. Я считаю, что благодаря его мудрости и смекалке мы отодвинули голодную смерть. На мне, например, были намотаны сколько-то кусков новой материи и семь платков. И я сама не могла передвигаться, была как куль. Видимо, и на других детях что-то было спрятано. Эти вещи мы обменивали на мерзлую картошку через проволоку. Говорили, что там на свободе жили карелы. За проволоку ходили мы за щавелем, клевером и просить еду. Родители нас умоляли не делать этого. Да разве удержишь детей? Если кого-то замечали часовые, стреляли без предупреждения. Несколько детей погибли.

Не забуду случая, когда я за проволокой зашла в какой-то красивый дом, только на крыльцо. Из дома вышла нарядная (так мне тогда казалось) женщина — в сером платье и белом фартуке. Она с руганью (по-фински) столкнула меня с довольно высокого каменного крыльца. Я помню, что мне было очень больно. И долго после войны я не могла слышать этот язык. Как-будто бы все беды шли от людей, говоривших на этом языке. Потом все, конечно, прошло.

В памяти не сохранились подробности тех испытаний, выпавших на нашу долю, и к тому же нам хотелось поскорее весь этот кошмар забыть. Вычеркнуть из памяти эти мрачные страницы мы стремились и потому, что из-за плененного детства (а на взрослых это отражалось еще хуже) нам постоянно напоминали о плене, попрекали тем, что мы были в оккупации. Сверстники, ничего не понимая, еще несколько лет в школе дразнили нас словом «предатели».

Конечно, все это мы очень болезненно переживали, и это не могло не отразиться на нашей психике.

А сколько различных моральных да и житейских ущемлений пришлось нам испытать из-за пресловутой графы в анкетах — «находился ли на оккупированной территории». При вступлении в комсомол, в техникум, не говоря уже об институтах, и при подаче заявлений в партию эту графу рассматривали особо тщательно. А чем же мы, особенно дети, были виноваты, если наши власти не сумели защитить нас и вовремя вывезти подальше от войны? Помню, я очень боялась, что меня не примут в комсомол, хотя я была примерной ученицей и училась на «отлично»...

Харькин Владимир Николаевич

Люди умирали каждый день

Родом я из Ленинградской области, из поселка Вознесенье. Когда началась война, мне было пять лет.

Отец мой Николай Алексеевич Харькин в июне 1941 года был призван в армию, на фронт. Принимал участие в оборонительных боях, погиб, защищая Карелию.

...Потом все стали эвакуироваться. Мы, как и другие жители деревни, пошли пешком, взяв из дому самое необходимое, что могли нести, но были остановлены финскими солдатами. Нас погрузили на машины и отвезли в Петрозаводск, в концлагерь, это было 30 ноября 1941 года.

В лагере № 5, в бараке № 41, находилась вся наша семья: мама Татьяна Егоровна, 1908 года рождения, мои сестры Тоня, Лариса и Валентина. В лагере были только русские, знаю, что одну женщину финны освободили, потому что она была вепсской национальности.

Мне, помнится, постоянно хотелось есть, старшая сестра Лариса часто уползала за проволоку в поисках пищи. Один раз ее поймали и по приказу начальника лагеря пороли розгами. Если бы ее не пожалел староста нашего барака, то забили бы до смерти. За нарушение режима жестоко наказывали розгами и делали это показательно. Как-то раз мама принесла какое-то мясо, потом оказалось, что это была собака, но мы ее съели.

У меня всегда в запасе была какая-нибудь корочка, я ее держал на всякий случай — помочь тому, кто умирает. А умирали люди каждый день.

День 28 июня 1944 года был для нас особенным, части Красной Армии освободили Петрозаводск. Помню, как мы все радовались, ведь никто из нас и не думал, что доживем до этого дня. После освобождения мы вернулись в Вознесенье...

Чанилова (Хлапнова) Федора Кузьминична

Меня закрыли на трое суток

Я родилась в 1929 году в поселке Скачки Рогачевского района Гомельской области.

Наша семья состояла из 7 человек: отец, мать и пятеро детей. Отец был строителем, мать вела домашнее хозяйство. Как-то в нашу деревню приехали вербовщики, мы завербовались и уехали в Карелию. В Белоруссии осталась замужняя старшая сестра.

Перед войной мы жили на станции Рютю. Прожили почти два года. Когда началась война, Сортавалу бомбили, постоянно летали самолеты.

Перед эвакуацией мы трое суток сидели на станции, потом подали товарные вагоны, мы погрузились и поехали. Отца оставили гнать колхозный скот. А старшего брата забрали на войну.

Возили нас по всяким тупикам, пока не привезли в Петрозаводск. Потом нас выгрузили и хотели увозить на баржах. Но люди отказывались плыть на баржах. Они тонули под бомбежками.

Отец нашел домик на окраине, и мы в нем разместились. Питались своими запасами. Когда они кончились, отец пошел в город добывать пропитание. А там уже хозяйничали финны.

К нам домой пришли двое финских солдат с автоматами и погнали нас в лагерь. Брата и отца забрали на лесозаготовки. Сестру Надю увезли в Орзегу — тоже на лесопункт.

Мы с матерью и с другой сестрой попали в 4-й лагерь. Кормили нас финскими галетами. Галеты хватало на один раз. Барак был обнесен колючей проволокой. На каждом углу стояли вышки, где дежурили патрули. У ворот была комендатура.

Из лагеря нас не выпускали. От голода и холода многие умирали. Каждый день увозили трупы.

Ф. К. Чанилова

Нам с сестрой было по 14–15 лет, и нас каждый день под конвоем водили на работу: таскать лес из воды и складывать его в штабеля.

Помню, как-то раз прибило к берегу баржу с гнилой картошкой. Мы попытались набрать ее хоть немножко. Это увидел часовой, забрал меня в комендатуру и избил. До сих пор помню его глаза — как у зверя. Потом меня заперли в холодной комнате-темнице и держали там трое суток.

...В какой-то период заключенным предложили переехать в деревню. Мы согласились, но там тоже были такие же палачи, как и в городском лагере. За малейшее нарушение били плетьюми. Но все же в деревне было легче. Можно было питаться ягодами, травами. И все-таки брат Саша умер от цинги.

После того как из Карелии выгнали финнов, мы разыскали Надю, отца. Они выглядели очень плохо — кожа да кости.

Потом мы уехали в Белоруссию. Деревни все были сожжены. Сестра не погибла, жила в землянке. Ее муж был на фронте. Мы тоже устроились в землянке. Город был разрушен. Потом отец построил дом. Жить было очень трудно, и мы снова завербовались в Карелию. Жили в поселке Партала, потом переехали в Вяртсиля...

Чапурина (Евдокимова) Галина Михайловна

Я выжила чудом

Летом 1941 года враг наступал, и мы вынуждены были прятаться в лесу. Но нас там нашли и на грузовых машинах из Подпорожья доставили в Петрозаводск. Так трехлетним ребенком я оказалась в заточении в концлагере № 2. Что это была за жизнь — не нужно подробно рассказывать. Мама потом вспоминала, что в бараке я постоянно плакала и просила есть.

...Две мои старшие сестры, 14 и 17 лет, умерли в лагере от истощения. Я же каким-то чудом выжила. Наверное, мне отдавали последние крохи и ценой своих жизней спасли мою. К тому времени, когда над нашим городом засияло солнце свободы, мне уже было, соответственно, шесть лет, и я многое начинала понимать, и многое осталось в моей памяти.

Г. М. Чапурина

После нашего освобождения и до окончания восьмого класса я с мамой жила в родном Подпорожье, куда мы вернулись в июне. Среднее образование получила в вечерней школе и поступила в школьное педагогическое училище в Петрозаводске. Через два года у меня родилась дочь. Как только она подросла, я поступила на работу в Петрозаводскую дистанцию путей Октябрьской железной дороги на должность счетовода. Но решила получить более основательную профессию и поступила на заочное отделение Петрозаводского техникума железнодорожного транспорта. Закончила это отделение в 1968 году и получила специальность техника-плановика. Через год родился сын.

Работу в Петрозаводской дистанции пути успешно совмещала с общественными делами. Меня избирали председателем ревизионной комиссии, заместителем председателя профсоюзного комитета. Занималась лыжным спортом. Имела множество наград и поощрений.

Сейчас помогаю своим детям воспитывать моих внуков. Все последние годы принимала участие в работе Карельского союза бывших малолетних узников.

Чекмарев Иван Андрианович

Мы копали могилы...

Родился 17 ноября 1927 года в Ярославской области.

Перед войной мы жили в поселке Ровское Ленинградской области. В ноябре 1941 года финны вывезли нас на лошади, две ночи мы ночевали в церкви. Затем всех пересадили на машины и привезли в Петрозаводск. Сначала в лагерь № 4, затем № 6.

В лагере мальчишки собирались по 5–6 человек и ходили к казармам и поездам просить еду. В тот момент, когда часовые менялись, двое раздвигали проволоку, и мы пролезали, ходили за едой. Но не всегда получали еду. Вечером, во время смены часовых, тем же путем возвращались.

Три раза нас ловили. В первый раз сильно выпороли. Во второй раз велели прийти с отцом и заставили отца пороть своего сына. Отец взмах делал сильный, а удар — слабый. Тогда финн

И. А. Чекмарев

показал, как надо пороть. После третьего раза отправили копать могилы в Песках. Финн отмерял шагами норму. Пока каждый не делал норму, домой не уходили. Конвоир ехал на велосипеде, а пленные шли за ним...

Чернасенно (Хлапнова) Елена Кузьминична

Выучили слова: «я умираю с голоду»

Хочу рассказать о своей жизни в концлагере № 4 в Петрозаводске. Когда началась война, мне было 15 лет. С младшей сестрой Фаиной мы ходили к железной дороге, по которой шли составы с нашими солдатами. Мы рвали полевые цветы и бросали по букетику в каждый вагон. Солдаты их ловили и долго махали нам руками. Так мы провожали наших солдат на войну.

В товарных вагонах нас увозили от врага в Петрозаводск. Везли куда-то, снова возвращались. В город прямой дороги уже не было. Привезли нас в Петрозаводск. Попали мы на окраину города. Отец с мужчинами сначала гнал колхозных коров, потом лошадей, затем приехал к нам. Задержались в Петрозаводске и попали в плен к финнам — за колючую лагерную проволоку.

В лагере нам давали немного муки, чтобы только воду забелить, и две галеты. Ели два раза в день, утром и вечером.

Зимой меня с другими женщинами отправляли чистить снег. Когда снег растаял, нашли другую работу. Водили нас большой колонной то ли на станцию Голиковка, то ли на Кукковку (точно не помню).

Мужчины из озера вытаскивали бревна, а мы складывали их в штабеля. Работали с 7 часов утра до самого вечера без отдыха. За нами следил надзиратель. Если кто останавливался, он сразу наносил удары резиновой плеткой. Услышав свист плетки, мы чуть ли не бегом катили бревно, а надзиратель все кричал:

— Русь, работай! Русь, быстреей!

Когда возвращались с работы, еле тащили ноги по земле. Подходили к воротам, навстречу выходил часовой и пересчитывал нас. Были и такие, кто делал это быстро, а были и те, кто со злой улыбкой считал медленно, досчитает до середины и начнет снова считать, а то затеет спор с конвоирами: меньше нас — мол, недосчитались. Мы держались из последних сил, дрожали от усталости колени. Некоторые женщины не выдерживали и кричали:

— Читайте быстреей!

За эти крики им попадало.

В воскресенье у нас был выходной, и нам разрешали носить воду с озера. От ворот лагеря до озера стояли солдаты с автоматами по обе стороны дороги. Так как сил принести целое ведро не было, приходилось несколько раз идти за водой.

В лагере был построен сарай с большими щелями, куда сажали детей, убежавших в город. После этого их наказывали плеткой. Моя сестра Фаина тоже получила удары плетью. После этого ее трое суток трясло от холода и страха.

Маленькие дети сидели возле проволоки и просили по-фински (не знаю, кто их научил):

— Дай маленький кусочек хлеба, я умираю с голоду.

Но никто хлеба не давал, а мимо проходила большая дорога, по которой ездили и ходили люди.

Был сарай, куда свозили мертвых, три раза в неделю оттуда вывозили трупы.

У нас за стенкой жила девушка Зина. Она работала медсестрой в финском госпитале. Однажды она меня встретила и спросила:

— Что ты желтая такая? Что у тебя болит?

Я сказала, что сильно болят ноги. Она посмотрела мои ноги, а они у меня до колен покрылись большими черными пятнами. Я заболела цингой. Зина принесла мне ветки сосны и лимонад. Потом это повторили несколько раз. И у меня все прошло. Я всю жизнь благодарю Зину, которая спасла меня от смерти.

Однажды в воскресенье над лагерем появился советский самолет и сбросил листовки. По самолету начали бить зенитки, но он поднялся вверх и улетел. Пока листовки долетали до земли, конвоиры расталкивали нас прикладами, чтобы никому листовки в руки не попали. Мне удалось схватить одну. Там было написано: «Дорогие отцы и матери, братья и сестры! Потерпите еще немного — мы вас скоро освободим».

Когда финны стали отступать, они хотели вывезти в Финляндию больше леса, поэтому несколько семей, в том числе и нашу, вывезли в деревню Красную Речку. Деревня была пустой, нас разместили по домам. Жизнь немного изменилась. Под автоматами не водили больше, но еда осталась та же.

Мы работали на лесозаготовке, комендант проверял, чтобы никто не сидел. За нарушение — порка плетью. Однажды нам велено было прийти во двор к коменданту. Мы пришли, но никто не вышел из дома. Появился переводчик и сказал:

— Все солдаты уехали.

Мы разбрелись кто куда. Я пошла по дороге. У моста стоял часовой, но мне он ничего не сказал, я перешла мост, а он был подготовлен к взрыву.

По дороге уходил последний финский обоз. На телегах лежали раненые, остальные шли пешком, держась за телеги. Гнали лошадей. За последней телегой бежал финский солдат, одной рукой придерживавший штаны, по-видимому, не успел застегнуться (боялся, что не догонит своих). Я смотрела и смеялась. А он мне сказал:

— Русский Иван, бегом, бегом!

Я ушла обратно. Кто-то сказал, что идут наши. Все девочки и парни побежали встречать наших освободителей. Обнимались, конечно, со всеми.

Солдаты спели нам три песни: «Темная ночь», «Землянка», — а третью я забыла. Нам дали хлеба, сахара, топленого сала и яичного порошка. Очень было вкусно. Так началась новая жизнь. А потом мы стали разъезжаться по своим родным местам...

Шляхтенкова Тамара Васильевна

На всю жизнь страх перед колючей проволокой

Я стала узницей петрозаводского концлагеря строгого режима № 2, когда мне было всего 1 год и 3 месяца.

Мама моя не любила вспоминать годы и дни, проведенные за колючей проволокой. Но из ее коротких рассказов я запомнила, что нашу семью финны вывезли из родного Вознесенья в октябре 1941 года.

Все имущество у нас отобрали. Каким-то образом матери удалось спрятать мешочек манной крупы, и потом при обыске он не был обнаружен. Можно сказать, что эта крупа спасла мне жизнь. А как сумели выжить мои родители, это было известно только им. Вечная им память.

На всю жизнь во мне сохранился страх перед колючей проволокой. К концу своей лагерной жизни я уже начинала понимать, что даже приближение к ней грозит бедой, а проникновение за нее — расстрелом. Когда нас после освобождения в 1944 году вывозили из лагеря и наша машина проезжала мимо сторожевых вышек, я от страха закрыла глаза и спряталась за маму. Боялась, вдруг финны начнут стрелять, хотя на вышках их уже не было.

Все это было следствием того, что угроза наказания своим леденящим ужасом постоянно сковывала наши детские души. Суще-

Т. В. Шляхтенкова

ствование, точнее сказать — выживание, в этих условиях день за днем подрывало физическое и нравственное здоровье каждого из нас.

Указом Президента России от 15 октября 1992 года бывшим несовершеннолетним узникам был предоставлен ряд льгот. Таким образом, хотя и с опозданием на полвека, был положен конец несправедливому, а в целом ряде случаев и унижительному отношению к наиболее обездоленной части людей — детям войны.

Немало еще и сегодня нерешенных вопросов, касающихся жизни и быта бывших детей-узников. Многие из них стали уже старыми и больными людьми. Значительная часть живет в плохих бытовых условиях, не в состоянии приобрести одежду и обувь, выписывать газеты. Их дети и внуки, чувствуя и понимая боль и лишения своих родителей, бабушек и дедушек, тоже часто не в состоянии облегчить их участь.

Содействие в решении ряда проблем бывших малолетних узников с первых дней своего образования взяла на себя наша общественная организация — Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Я несколько лет была председателем нашей организации.

Союз наш проявляет неформальную заботу о тех, кто был изгнан из родных мест, остался без крова, имущества, без всякой надежды выжить. Подавляющую часть зарегистрировавшихся в нашем союзе составляют бывшие узники, которых финские оккупанты насильно вывезли из районов Карелии, сел и деревень Ленинградской области, лишив их жилья, имущества, скота и продуктов питания.

Хозяевами всего этого, в том числе и наших жизней, стали финны. Финляндия, насколько мы можем судить по выступлениям отдельных средств массовой информации и некоторых конкретных лиц и групп, пытается замалчивать и даже отрицать очевидные факты существования концентрационных лагерей на территории Карелии. Но историю переписать нельзя.

Наши воспоминания помогут понять и сохранить историческую правду тех горьких лет. Я уверена, что эта книга воспоминаний бывших несовершеннолетних узников сыграет свою роль в деле патриотического воспитания нашей молодежи.

Ярицын Аркадий Николаевич

Слушал музыку под стоны детей...

Много лет после освобождения, да и теперь еще иногда, как только закрою глаза, вижу перед собой ряды колючей проволоки с часовыми на вышках.

Передо мною проходят исхудалые лица женщин и изможденных мужчин, детей с потухшими глазами, одетых в тряпье. Вижу страшную вывеску с предупреждением о расстреле.

Из дома, что и сегодня стоит на улице Олонецкой в Петрозаводске, время от времени доносились страшные крики. Там истязали и пытали людей. Туда доставляли виновных в нарушении лагерного режима или тех, кого охранники считали таковыми по своему усмотрению.

Новоявленные палачи, не считаясь с девической стыдливостью, не слыша детского плача, срывали со своих жертв-девочек одежду и избивали их резиновыми плетками.

Такому избиению мог подвергнуться каждый, ибо никто не мог предвидеть, к чему придерется надзиратель. А в доме через дорогу жил начальник лагеря. Он очень любил по утрам пить кофе со свежее испеченными булками, а по вечерам слушать музыку Сибелиуса и Грига, которая уносила его в аккуратный особнячок в родной Суоми, заглушая стоны и плач очередной жертвы.

А. Н. Ярицын с эскизом эмблемы КС БМУ. 1970-е годы

Яскеляйнен Елена Павловна

Их били резиновыми плетками

Мой дедушка Михай Павлович Иевлев родился в июне 1874 года (умер в июле 1942 года в концлагере) в деревне Кургеницы Кижского сельсовета Медвежьегорского района, в 1941 году проводил на войну двух сыновей и двух внуков, один из сыновей не вернулся с фронта — пропал без вести. Дедушку с двумя дочерь-

ми, двумя невестками и одиннадцатью внуками финны перевезли через Онежское озеро на автомашинах в Петрозаводск и поселили за колючую проволоку — в концлагерь № 6.

Мне было 7 лет. Помню, как нас повели в баню. Бани были выстроены новые, санпропускники — с двумя дверьми по торцам и полками до самого верха. В бане были все вместе — дети, женщины и старики. Дедушка сидел на самом верху, а женщины подавали тазиком воду. Перед баней всем сбрили волосы, детям и взрослым, наши мамы плакали, повязав головы платками.

Дедушка умел делать многое, в том числе и класть печи. И хотя последнее умение ему пригодилось в лагере № 6 в Петрозаводске, куда была вывезена наша семья, но оно принесло ему больше горя, нежели облегчения. А было это так.

Весной 1942 года одна карелка, что жила по другую сторону проволоки (на свободе), попросила дедушку отремонтировать ей печи, дедушка с невесткой в течение недели ходили к ней на работу, карелка договорилась с охранниками-солдатами, и их туда и обратно провожала.

Когда все работы были закончены, дедушка и тетя обычным путем возвращались домой, их поймали солдаты. В наказание их били резиновыми плетками и посадили, как тогда говорили, в катажку. После этого дедушка заболел.

Кормили нас очень плохо, мы вечно голодали. Перед смертью дедушка попросил рыбы, хоть косточку пососать, в это время начали давать паек с рыбой. Мы ходили по домам и просили:

— Дайте дедушке косточек рыбьих пососать.

Но все были голодные, и, конечно, никто не дал. И дедушка в июле 1942 года умер.

Мы с сестричкой четырех лет собрали у помойки грибы, сварили в кружечке и съели, было очень вкусно. На наше счастье, среди съеденных грибов не было ядовитых. (В это время наши мамы работали в городе).

Когда мы садились кушать, почему-то у всех была на столе кучка соли. Двухлетняя сестричка старалась, чтобы никто не заметил, сгрести эту соль в кулачок — и быстро в рот.

В лагере от голода умер внук дедушки Виктор Александрович Иевлев (декабрь 1933 — июнь 1944). А сколько умерло людей в концлагере, нельзя определить. Хоронили тогда в траншеях в три ряда.

Дай Бог, чтобы нашим детям и внукам никогда не пришлось испытать и малой доли того, что выпало на наши судьбы...

Яшанина (Фомина) Лидия Михайловна

Детство, которого не было

Я пережила две войны.

Мы жили в Пряже, когда была война с Финляндией. Видела, как привозили на машинах наших солдат, убитых или замерзших от лютой стужи зимой 1939 года. Морозы стояли до минус 50 градусов. Тогда погиб и мой дядя Алексей Котлин.

Когда был заключен мир, казалось, что это надолго. Но не успели опомниться, как началась новая война — Великая Отечественная.

Нас эвакуировали в Заонежье, в деревню Лонгасы, где у матери был родительский дом. С собой она могла взять лишь два небольших узла. Нас у нее было трое: мне — 11 лет, брату — 9 и младшему брату — 3 года. Но вскоре финские войска оккупировали большую часть Карелии, в том числе и Заонежский полуостров.

15 января 1942 года нас увезли в Петрозаводск и поместили в 6-м лагере. Колючая проволока, часовые на вышках...

Мы — голодные, раздетые... Давали по ложке ржаной муки на человека в день. Из нее мы варили похлебку. В первый же год от голода умерли трое наших родственников.

Наказывали за незначительные нарушения лагерного режима, не щадили даже малолетних, били резиновыми плетками.

Однажды нас всех согнали к воротам штаба, чтобы мы смотрели, как будут наказывать нашу маму. Она ушла за проволоку, чтобы достать для нас, голодных, какой-нибудь еды. Она лежала на телеге, а рядом стояли дети, на глазах которых ей устроили показательную порку резиновой плеткой. А потом нас посадили рядом с нею и увезли в барак.

Каждый день, проведенный в лагере, был тяжким испытанием на выживание и на веру, что настанут лучшие дни. Первым лучиком такой надежды для многих из нас стало появление представителей общества «Красного Креста».

К великому сожалению, мы не дождались возвращения отца. Он погиб в битве на Курской дуге в июне 1943 года, так и не узнав, что с нами случилось, где и в каких условиях мы находились.

Детства у нас не было. И когда наступило взросление, то всем нам, наверное, казалось, что у нас будет спокойная обеспеченная старость. Горько, но надежды на это не оправдались. Нам не привыкать, мы пережили куда большие лишения...

Президиум конференции. Слева направо: Т. В. Кардаш, К. А. Нюппиева, Т. В. Шляхтенкова, Л. П. Макеева, руководитель Детского фонда Ю. И. Пирожков. Петрозаводск. 2004

Встреча с молодежью в кинотеатре «Премьер». Петрозаводск. 21 апреля 2021 года

Конференции и встречи КС БМУ. 1989–2022

За 33 года существования общественной организации КС БМУ проведено 11 отчетно-выборных конференций (1989, 1995, 1998, 2001, 2004, 2007, 2010, 2013, 2016, 2019, 2022).

В ноябре 1989 года по инициативе Карельского отделения Детского фонда состоялась **I учредительная конференция** Карельского союза бывших малолетних узников (КС БМУ) фашистских концлагерей. Возглавила союз К. А. Нюппиева.

Повестка для всех конференций, кроме первой, включала отчет председателя о работе за 3 года, отчет ревизионной комиссии, выборы председателя и совета, выборы ревизионной комиссии, принятие резолюции конференции.

По инициативе нового совета **в 1995 году** была собрана **II конференция** организации. Она проходила в ДТДиУ, присутствовали 475 человек.

На конференцию был приглашен историк из Финляндии Антти Лайне, защитивший диссертацию в 1972 году по теме положения гражданского населения во время оккупации Карелии Финляндией в 1941–1944 годах. Он выступил на конференции, подтвердив правду о тяжелых условиях в концлагерях на оккупированной территории Карелии. Председателем избрали К. А. Нюппиеву.

Затем в этот же день, **10 апреля**, состоялась **встреча бывших узников в ДК «Машиностроитель», посвященная 50-летию Победы в ВОВ**, собравшая около 1000 участников. Была представлена выставка «Прошлое и настоящее» из 12 стендов, оформленная А. М. Варухиным. Состоялись концерт артистов ДК «Машиностроитель», чествование юбиляров.

В совете оставались добровольцы, избранные еще на первой конференции: В. В. Мошникова, Т. Н. Сумкина, Т. В. Кардаш, А. Р. На-

тарьева, Н. С. Костин, Р. М. Аверкина, Л. А. Корнышева, В. В. Зачиняева, А. М. Вальков, А. В. Агапитов, А. Н. Ярицын, Л. М. Яшанина, Е. Н. Шепеленко, Э. П. Назуков. Пополнили совет вновь избранные: Л. В. Филиппова, Г. М. Чапурина, В. Д. Пигонина, Л. П. Макеева, В. А. Семенов, Н. Е. Шевко, Т. В. Шляхтенкова, В. А. Иванова, Я. И. Кекко, В. А. Пушкарев.

Совет работал в помещении Детского фонда на улице Дзержинского, в доме 13, затем на проспекте Ленина, в доме 24А.

Члены совета отвечали на многочисленные письма с просьбой помочь найти документы, подтверждающие факт пребывания в концлагерях или местах принудительного содержания, необходимые для получения статуса бывшего несовершеннолетнего узника концлагерей и льгот, положенных по Указу президента от 1992 года. Работали в архивах в поисках документов.

К. А. Нюппиева была членом комиссии по установлению статуса бывших малолетних узников.

На III отчетно-выборной конференции (1998) присутствовали 15 человек из районов Карелии. Всего участников было 350 человек.

В отчете председателя прозвучали актуальные вопросы по деятельности для достижения справедливой и полной выплаты компенсации со стороны Германии или Финляндии, а также по выполнению Указа Президента РФ № 1235 от 15.10.1992 года в полной мере.

Был одобрен эскизный проект реконструкции мемориала «Узникам фашистских концлагерей» на кладбище «Пески», выполненный А. М. Варухиным, и намечено открытие обновленного мемориала на 28 июня 1998 года. Было принято решение о сборе данных о похороненных в Песках в 1941–1944 годах для составления списков жертв финляндской оккупации и создания Книги памяти и воспоминаний бывших узников концлагерей.

По предложению К. А. Нюппиевой председателем КС БМУ была избрана Т. В. Шляхтенкова, доцент ПетрГУ, кандидат медицинских наук, бывшая узница концлагеря № 2. Началась работа по получению помещения для работы совета, так как новое руководство Детского фонда не приветствовало наше соседство. В декабре 2005 года получено помещение по адресу: Закаменский переулок, 2 — рядом с ОО «Жители блокадного Ленинграда».

В совет были избраны: Т. В. Кардаш, Л. В. Филиппова, Г. М. Чапурина, А. Р. Натарьева, В. В. Зачиняева, В. Д. Пигонина, В. А. Семенов, Л. П. Макеева, А. В. Агапитова, Н. Е. Шевко, Н. С. Костин, И. А. Костин, С. И. Зиновьева, В. А. Иванова, Н. Н. Соколова.

IV конференция проходила в ДК «Железнодорожник» в **2001 году**. В отчете за три года — открытие в 1999 году обновленного мемориала. Скульптор Л. Давидян создал стелу из габбро-диабазы с надписью «Памяти жертв оккупации Петрозаводска» с нишей для цветов и подставкой для свеч. Оплатили собранными пожертвованиями узников. В этом же году был издан сборник воспоминаний «Судьба» по материалам, собранным ранее.

Председателем КС БМУ была избрана Л. П. Макеева.

Совместно с ПетрГУ в школе-лицее № 13 Петрозаводска проведена **научно-практическая конференция «Карелия в годы оккупации (1941–1944)»**, посвященная освобождению Петрозаводска и 10-летию КС БМУ. С докладами выступили Антти Лайне (Финляндия), К. А. Нюппиева, И. А. Костин, декан исторического факультета ПетрГУ С. Г. Веригин («О национальном аспекте финской оккупационной политики»), Т. В. Шляхтенкова, И. М. Бацер, В. Г. Малюткина (с воспоминаниями о лагерной жизни), С. Н. Филимончик, Д. В. Рогатин, Т. З. Морозова, С. Д. Улитин.

В дискуссии участвовали к. и. н. К. А. Морозов, к. и. н. В. Г. Макуров, В. А. Новожилов, редактор журнала «Север» О. Н. Тихонов, старший преподаватель ПетрГУ О. А. Киселева, соискатель ПетрГУ Э. П. Лайдинен, доцент Мурманского госпединститута М. Б. Ильняева, к. и. н. доцент И. Р. Такала, В. И. Мошин, к. ю. н. В. В. Козин, доктор наук Ник Барон (Великобритания), доктор наук Сари Аутту (Финляндия), доктор наук Маркку Кангаспуру (Финляндия), преподаватель ИПКРО М. Л. Гольденберг.

В эти годы прошли многочисленные встречи с журналистами и писательницей М.-Л. Миккола (Финляндия). Она взяла 16 интервью у бывших узников финских концлагерей. На основе этих материалов в 2004 году вышла книга М.-Л. Миккола «Украденное детство» на финском языке. Презентация состоялась в Хельсинки, в издательстве «Тамми». Приглашена была К. А. Нюппиева.

Совет проводил работу по составлению заявлений в Финансовую контору Финляндии о выплате возмещений бывшим узникам за пребывание в концлагерях. Заполненные анкеты были отправлены, но никаких выплат не последовало.

Очередная V отчетно-выборная конференция состоялась в мае **2004 года** в ДТДиЮ. На ней присутствовали 250 делегатов.

Председателем КС БМУ вновь избрали К. А. Нюппиеву. Началась бурная деятельность. Состоялся марафон «Эстафета памяти» по местам концлагерей. Было принято решение о создании памятных знаков на местах концлагерей в Петрозаводске, Ильинском.

В день освобождения Петрозаводска состоялась **первая встреча узников финских концлагерей из регионов России и Белоруссии**. Приехали 30 гостей из Минска, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Чудова, Подпорожья. Проводили встречи в лицее № 13. Совершили поездку в поселок Ильинский. Там бывшие узники концлагеря № 8 Hebosuo не нашли никаких признаков бывшего концлагеря, и привезенный из Минска венок негде было возложить. Но уже в 2005 году были созданы и открыты первые памятные знаки на местах концлагерей: в городе Петрозаводске — на улице Чапаева, у дома 2 и в поселке Ильинском с мемориальной плитой.

VI отчетно-выборная конференция прошла в апреле 2007 года. Председатель К. А. Нюппиева находилась в госпитале ветеранов войн, в реанимации. На конференцию ее отпускали под расписку о личной ответственности за здоровье, но отчет был, и просьбу об ее отставке не удовлетворили.

Итогом работы за отчетный период стали: открытие памятных знаков в Петрозаводск и поселке Ильинском, установка новых плит в 2006, 2007 годах (последняя — изображение схемы расположения концлагерей в Петрозаводске в 1941–1944 годах); реконструкция мемориала на кладбище «Пески».

Активно продолжалась работа по патриотическому воспитанию молодежи в лицее № 13, в школах №№ 4 6, 27, 34, 40, участвовали в марафоне «Откуда берется мужество» в Петровской школе, в декабре 2005 года открыт клуб «Судьба». В нем проводятся мероприятия-лектории «Будем здоровы!» с участием врачей гериатрического отделения Госпиталя ветеранов войн, встречи с интересными людьми — гостями из Белоруссии, Подпорожья, с историками, артистами.

Написано много обращений Президенту РФ, в Государственную Думу, органы власти федерального и регионального уровня, прокуратуру РК и РФ. Активно участвовали в акциях по борьбе за возвращение статуса бывших малолетних узников жителям Заонежья (голодовки, «круглые столы» в прокуратуре РК и другие).

Прошли ежегодная панихида по жителям концлагерей в Песках, митинги с обращениями к руководству РФ, президентам Финляндии и Германии.

Был выпущен сборник воспоминаний «Плененное детство» (2005, составитель К. А. Нюппиева, редактор И. А. Костин); брошюры «Наши земляки на фронте» (2005, И. А. Костин), где использованы материала альбома «Бывшие узники — участники Великой Отечественной войны».

К 60-летию Победы бывшие узники получили юбилейные медали, некоторые — почетные грамоты Правительства РК: А. М. Варухин, В. В. Зачиняева, К. А. Нюппиева, Л. В. Филиппова. К. А. Нюппиева удостоена звания «Лауреат РК 2005 года».

2009 год был связан с проведением **второй встречи бывших узников** финских концлагерей. Присутствовали 45 гостей, в том числе руководители Российского Союза БНУ Н. Н. Дорожинский (председатель), М. Е. Быстрова (секретарь), пресс-атташе МИД РФ А. А. Урбан, гости из Белоруссии Н. И. Денисевич, Г. И. Змушко, Н. Н. Харлан, гости из Подпорожья — Ю. И. Майоров и другие.

28 июня в лицее № 13 прошла **научно-практическая конференция** с участием преподавателей ПетрГУ, представителей прессы из Финляндии по теме оккупации. Была представлена выставка книг, посвященных оккупации и концлагерям. С докладом о геноциде славянского населения на оккупированной Финляндией территории Карелии выступил Н. И. Денисевич (Минск). Были организованы поездки в Олонец, Видлицу, Ильинский. Эти встречи с бывшими узниками финских концлагерей состоялись в юбилейные годы освобождения Петрозаводска — в 2014 и 2019 годах.

В 2009 году торжественно отметили 15-летие общественной организации КС БМУ. Вечер состоялся в кафе «Авиаретро» 30 ноября. Присутствовали гости — руководители Российского союза БНУ.

VII отчетно-выборная конференция состоялась **16 ноября 2010 года** в ДТДиУ. Присутствовали 145 делегатов от 450 членов КС БМУ. Отмечены успехи в патриотическом воспитании молодежи в школах №№ 2, 3, 4, 6, 27, 33, 34, 35, 40, лицеях 13, 14, 17, 40, 48, Карельском кадетском корпусе, Школе искусств.

Вручены благодарственные письма республиканского Совета ветеранов К. А. Нюппиевой, Л. Г. Глатенок и городского совета ветеранов — Т. В. Кардаш и Л. В. Филипповой. Представитель Министерства здравоохранения и социального развития РК Е. Ю. Чехонина отметила заслуги в восстановлении статуса бывших узников жителям Заонежья, лишенным его в 2005 году, восстановлен статус 92 заонежанам. Установлена мемориальная плита на камне — памятном знаке — на месте концлагеря № 5 и торжественно открыт знак с участием главы города Н. И. Левина.

Избран совет: К. А. Нюппиева, Т. В. Кардаш, Л. В. Филиппова, Л. Г. Глатенок, Г. А. Климшина, Т. Н. Порошина, В. А. Мурмилло, Н. А. Матюшкина, Т. Н. Дмитриева, Г. Н. Каллистратова, В. А. Пушкарев, Н. Н. Соколова.

На VIII отчетно-выборной конференции 28 ноября 2013 года присутствовали 130 делегатов от 380 членов КС БМУ. Конференцию приветствовали мэр города Г. И. Ширшина, представители республиканского и городского советов ветеранов, представители соцзащиты, директор музея «Дети войны» Н. А. Ляпина. Работа совета одобрена.

Для общения бывших малолетних узников проводятся вечера, встречи. За отчетный период прошли 3 больших праздника, посвященных Международному дню освобождения узников (в ДТДиУ, Доме культуры, в лицее № 13), а также праздники, посвященные Дню освобождения Петрозаводска от оккупации (столовая № 64), Дню пожилого человека, встрече Нового года (кафе «Авиаретро»), Дню Победы — 2 (лицей № 13 и ДТДиУ), Дню единства (8 ноября 2011 года) — всего 10. Участвовали от 60 до 150 бывших малолетних узников в каждом мероприятии.

В семейной обстановке проходят встречи в клубе «Судьба», открытым в декабре 2005 года в помещении офиса. Руководит клубом Л. Г. Глатенок. Проведено 18 тематических встреч: «Праздник урожая», «Фронтовики, наденьте ордена», «Славим женщину-мать», «Со слезами на глазах — День Победы», «Золотая осень», «Старость меня дома не застанет».

В 2011 и 2012 годах работал лекторий «Здоровый образ жизни», лекции читали врачи из гериатрического центра Госпиталя для ветеранов войн (В. А. Голикова, А. Н. Тройнякова, Т. В. Трипецкая и др.). Выступали вокальные группы «Рябинушка», «Куделюшка», хор блокадников, своя вокальная группа, друзья из Кондопоги, солистка музыкального театра, поэт Иван Костин, ученый Ю. М. Килин.

Сюжеты о бывших малолетних узниках снимали кинодокументалисты из Карелии, Финляндии, Санкт-Петербурга, Москвы. Ежемесячно, не менее 30 раз, собирали за чайным столом юбиляров (за 3 года поздравили 263 человека). В коллективных выходах в театр приняли участие до 70 человек, в кино за 3 года — не менее 900 человек (в кинотеатрах «Победа», «Премьер», «Калевала»). Организовано посещали музеи: национальный, изобразительных искусств, «Кижж», музей кукол в Петрозаводске, в Подпорожье — краеведческий, в Кондопоге — музей школы № 7.

В совет вошли новые члены: С. В. Денисова, Ю. А. Лукин, Л. А. Мощенкова, В. В. Мошникова, Л. Н. Спиридонова (Кондопога), Ю. И. Фешева (Олонец).

Заметным событием **2014 года** стало проведение в Петрозаводске **25–28 июня международной встречи бывших малолетних узников финских концлагерей**, посвященной 70-летию освобождения

дения Петрозаводска от оккупации и 25-летию общественной организации КС БМУ.

Приехали 46 бывших малолетних узников из городов России (Москва, Санкт-Петербург, Новгород, Чудово, Подпорожье, Ошта и др.), а также из Белоруссии (Минск), Украины (Днепропетровск), Эстонии (Таллинн). Конференция проходила в Национальном музее Карелии с участием ученых ПетрГУ, Карельского научного центра РАН, Национального музея (С. И. Веригин, Ю. М. Килин, М. Л. Гольденберг). Конференцию приветствовали телеграммами председатель Международного союза БНУ Н. А. Махутов и финская писательница Марья-Леена Миккола.

Состоялись возложение цветов у Вечного огня, поездка по местам концлагерей в Петрозаводске, открытие нового памятного знака на кладбище «Пески» и посещение мемориала в честь жертв концлагерей после реконструкции. Делегаты посетили места концлагерей в поселках Ильинском и Видлице. 28 июня приняли участие в праздничных мероприятиях, посвященных дню города. Были организованы экскурсии в Национальный музей, музей Кижы, состоялась встреча делегатов с Главой Республики Карелия в Правительстве РК. Конференция вошла в перечень международных встреч Международного союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей.

IX отчетно-выборная конференция 30 ноября 2016 года собрала 102 делегатов от 302 членов КС БМУ в ДТДиУ. Как всегда, присутствовали представители городских учреждений: В. И. Картавенко — начальник центра соцзащиты РК, Л. А. Анхимова — специалист центра соцзащиты РК, Ф. М. Мартьянов — член республиканского Совета ветеранов, Г. Е. Карасова — от городского совета ветеранов и другие.

За отчетный период проведены 8 больших праздников, посвященных Международному дню освобождения узников (2014, 2015, 2016 годы), а также праздники, посвященные дню освобождения Петрозаводска от оккупации (2014 год), 25-летию КС БМУ (в кафе «Авиаретро», 2014 год), встрече Нового года, Дню Победы. Участвовали от 60 до 150 бывших малолетних узников в каждом мероприятии.

Проведено 18 тематических встреч: «Праздник урожая», «Фронтовики, наденьте ордена», «Славим женщину-мать», «Со слезами на глазах — День Победы», «Золотая осень», «Старость меня дома не застанет». Группа БМУ участвует в мероприятиях центра «Истоки» по осуществлению проекта «Активное долголетие».

В 2015 году в связи с 70-летием Победы в ВОВ все бывшие малолетние узники были награждены медалью, вручение состоялось в Администрации города Петрозаводска. Члены общественной организации участвовали во всех торжественных мероприятиях: открытие аллеи памяти и славы, митинг, посвященный присоединению Крыма, митинг на площади Ленина у Вечного огня, парад на площади Кирова, городской митинг по случаю присвоения городу Петрозаводску звания «Город воинской славы».

В день города посетили памятные знаки на местах бывших концлагерей и мемориал в Песках, митинг, посвященный 75-летию начала Великой Отечественной войны. В сентябре участвовали в акции, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны.

В 2016 году проводилась обычная работа: новогодний вечер, День защитника Отечества, 8 марта, панихида в Международный день узника — 11 апреля, День Победы, день освобождения города, праздник урожая, День пожилого человека, Декада инвалидов, с посещением на дому инвалидов первой группы.

За отчетный период были организованы поездки в Ботанический сад, деревню Крошнозеро, город Подпорожье, в поселки Ильинский и Видлица. Кроме того, члены организации принимали участие в поездках, организованных центром «Истоки» по проекту «Активное долголетие» (2014–2016 годы) в Киннерму, Рубчойлу, Рускеалу, Красный Бор, Шелтозеро. Также члены совета ездили на празднование дня республики в Кондопогу, Костомукшу, Сортавалу.

На этой конференции были приняты изменения в устав КС БМУ по предписанию Минюста РК — указаны цели организации, ограничения на членство, адрес организации. Опять встал вопрос о прекращении статуса юридического лица. Голосовали — все против.

В новый совет, помимо Т. В. Кардаш, Л. В. Филипповой, Г. А. Климшиной, Г. М. Чапуриной, Н. Н. Соколовой, В. А. Пушкарева, Л. П. Макеевой, В. Д. Пигониной, С. В. Денисовой, В. В. Мошниковой, Ю. И. Фешевой, вошли В. И. Жукова, С. А. Посудневская, И. П. Васюков.

Председатель К. А. Нюппиева просила об отставке по состоянию здоровья и возрасту, но ее просьбу не удовлетворили.

Заметным событием **2019 года** стало проведение в Петрозаводске **25–28 июня межрегиональной встречи бывших малолетних узников финских концлагерей**, посвященной 75-летию освобождения Петрозаводска от оккупации и 30-летию общественной организации КС БМУ. Приехали 33 бывших малолетних узника из шести регионов России (Москва, Московская область, Ленинградская об-

ласть, Подпорожье, Вологодская область, Ошта и др.), а также из Белоруссии (Минск), Республики Бурятия (Улан-Удэ) и Республики Карелия (Петрозаводск, Кондопога, Сортавала, Олонец, Медвежьегорск, Лахденпохья). Присутствовали руководители Российского Союза БНУФ: председатель Л. К. Синегрибов, секретарь М. Е. Быстрова, члены ЦС РС БНУФ М. Е. Синькевич, В. А. Поздняков, А. А. Урбан, В. Т. Рошупкин.

Конференция проходила в здании администрации города. Конференцию приветствовали глава Петрозаводского городского округа И. Ю. Мирошник и депутат Петросовета В. А. Антипов, телеграммами — председатель Международного союза БНУ Н. А. Махутов и финская писательница Марья-Леена Миккола. С докладами выступили ученые И. Ю. Герасев (ПетрГУ), Г. В. Чумаков (КарНЦ РАН), И. Б. Степанова (Национальный музей РК), заслуженный журналист РК Ю. В. Шлейкин. В обсуждении докладов приняли участие М. Е. Синькевич, В. Т. Рошупкин, А. А. Урбан.

Состоялась презентация книги Л. К. Синегрибова «Простите нас». Участники конференции посетили Центр воинской славы Петрозаводска и сделали общее фото. На следующий день приняли участие в торжественных мероприятиях, посвященных 75-летию освобождения Петрозаводска. Состоялось возложение цветов у Вечного огня с участием Главы РК А. О. Парфенчикова, председателя ЗС РК Э. В. Шандаловича, депутата Госдумы РФ В. Н. Пивненко, главы города И. Ю. Мирошник, председателя РС БНУФ Л. К. Синегрибова. Состоялась автобусная поездка по местам концлагерей в Петрозаводске и новым районам города. На кладбище «Пески», у нового мемориала, прошли митинг и торжественное возложение венков и цветов. Затем на Онежской набережной участвовали в торжественном возложении цветов и венков к памятному знаку Онежской флотилии, освобождавшей Петрозаводск в 1944 году. К. А. Нюппиева и А. А. Урбан выступили с приветствиями. Участники приветствовали почетного гражданина Петрозаводска В. Е. Минарова (Москва) — одного из освободителей.

28 июня делегаты приняли участие в праздничных мероприятиях, посвященных дню города. Состоялась встреча делегатов с Главой Республики Карелия в Правительстве РК. В кинотеатре «Премьер» для участников конференции был показан художественный фильм «Весури» о судьбах заключенных в финских концлагерях в Карелии и состоялась встреча с продюсером фильма А. А. Тютрюмовым и исполнителями главных ролей. 29 июня участники конференции присутствовали на торжественном параде, посвященном 75-летию

освобождения Петрозаводска. Организация конференции в Петрозаводске получила высокую оценку руководства РС БНУФ, администрации города и Правительства РК.

Х отчетно-выборная конференция состоялась **29 ноября 2019 года** в МОУ «Петровский дворец» (Петрозаводск, ул. Красная, 8). Присутствовали 78 делегатов от 186 членов КС БМУ, в том числе 1 — из Медвежьегорского района, 1 — из Олонецкого, 1 — из Беломорского и 5 — из Кондопожского, а также представители городских и республиканских учреждений: Ж. Ф. Малеева — Администрация ПГО, В. С. Симаков — Министерство национальной и региональной политики, Т. А. Петрова — Министерство юстиции РК, Н. М. Васильева — центр «Истоки», В. Л. Бордановский — Региональная общественная организация бывших узников немецких концлагерей, Н. А. Ляпина и учащиеся лицея № 13.

Повестка дня была обычной: отчет и выборы, резолюция. В отчете председателя отмечены определенные успехи: проведена в июле 2019 года межрегиональная встреча бывших узников финских концлагерей из 6 регионов России и Белоруссии, посвященная 75-летию освобождения Петрозаводска и 30-летию ОО «КС БМУ», открыт новый мемориал в память о погибших жителях Карелии и Ленинградской области на кладбище «Пески», проведены 4 панихиды в Международный день освобождения узников (2017–2019 годы) и в день 75-летия освобождения Петрозаводска (2019 год).

За отчетный период члены организации принимали участие в поездках, организованных центром «Истоки» по проекту «Активное долголетие» (2017–2019 годы). Также члены совета участвовали в поездках на места боевой славы: в Пряжу, на «Курган славы» в Виллагоре, кроме того, члены совета ездили на празднование дня республики в Олонец, Беломорск, Медвежьегорск.

Немалых усилий стоило получить новое помещение по улице Титова, 4. Еще в июне 2018 года в прежнем помещении произошла сантехническая авария и условия стали антисанитарными. Полгода обращений в администрацию и управляющие компании закончились тем, что в декабре 2018 комиссия администрации решила выделить помещение, но требовался большой ремонт, который был осуществлен с помощью холдинга «Лотос». 8 мая, накануне Дня Победы, нам были вручены ключи. 22 июня 2019 года был осуществлен переезд, вещи грузили и выгружали 5 членов совета: К. А. Нюппиева, Л. П. Макеева, В. Д. Пигонина, Г. М. Чапурина, Г. А. Климшина.

Активисты КС БМУ (В. Н. Максимов, В. В. Горшкова, А. М. Варухин, В. В. Вершинина, А. С. Жукова, Л. П. Макеева, Н. И. Багро-

ва, Л. Г. Глатенок, Л. В. Филиппова, К. А. Нюппиева, Т. В. Кардаш, Е. П. Яскеляйнен, В. В. Мошникова, В. А. Борисова, В. С. Шувалова, З. А. Пиккарайнен, Н. А. Матюшкина, Н. А. Лупина и др.) проводили Уроки мужества в школах города (2, 6, 7, 8, 9, 14, 25, 27, 30, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 42, в Петровской школе, школе искусств и школе СКЗ), в лицеях № 1 и № 13, в Петрозаводском президентском кадетском училище, училищах 8, 12, 18, в автотранспортном и индустриальном техникумах, 21-м интернате, Академии госслужбы, в библиотеках, в церкви святого Пантелеимона, в Национальном банке, а также в детских садах № 21, 34, 35, 111.

Встречи с детьми проходили и в офисе. В 2017–2019 годах юнармейцы и кадеты ППКУ, а также учащиеся школ 7, 14, СКЗ и лицея № 13 принимали участие в панихиде у нового мемориала.

Члены КС БМУ участвовали в «круглых столах», посвященных ВОВ, организованных Министерством образования, в заседании комитета «Победа» (К. А. Нюппиева). Тесное сотрудничество осуществляется с музеем «Дети войны» лицея № 13 и его руководителем Н. А. Ляпиной. Пополняются экспозиции нашими документами, медалями, фотографиями. Проводятся совместные акции с учащимися по возложению цветов к памятным знакам, митинги ко Дню Победы — 9 мая. Материалы КС БМУ используются учащимися лицея № 13 и школы № 35 для исследовательской работы и участия в городских и республиканских конференциях, они не раз становились победителями.

Члены нашей организации — частые гости в кинотеатре «Премьер», где смотрели документальные фильмы «Последние рубежи» об обороне Петрозаводска, художественный фильм «Весури», созданный Арт-студией. Состоялась встреча с продюсером фильма А. Тютрюмовым и исполнителями-детьми. В ПетрГУ создан фильм «Детство за колючей проволокой», где наши бывшие узники рассказывали о своих судьбах.

Проведено 10 больших вечеров в дни 11 апреля, 28 июня, 1 октября, поздравили с Новым годом 155 юбиляров открыткой по почте, 10 участникам ВОВ вручили сувениры.

За активную работу по патриотическому воспитанию организация награждена почетным знаком Комитета ветеранов войны РФ, благодарственными письмами администрации города (2017, 2018 годы), К. А. Нюппиева 22 августа 2019 года награждена медалью «За заслуги перед РК».

В новый совет дополнительно вошли А. В. Левчук, Н. Ф. Чугуева (Беломорск).

Очередная **XI отчетно-выборная конференция** состоялась **24 ноября 2022 года** в помещении Администрации Петрозаводского городского округа.

Члены организации всегда участвуют в торжественных мероприятиях, посвященных Дню Победы, дню освобождения Петрозаводска и Карелии от оккупации, открытию стелы воинской славы, открытию и закрытию «Вахты памяти», в поездках по местам рубежей обороны Петрозаводска и на «Курган славы», в церемонии в День Республики Карелия и т. д.

Пандемия ковида внесла негативный эффект в культурную жизнь общества, так как были запрещены массовые мероприятия. И даже в Международный день узника, 11 апреля, в 2020 году не состоялись панихида и другие мероприятия, проводимые в этот день. Новогодний вечер 2020 года прошел в городском ДК, а 2021 и 2022 года встречали в социальном центре «Истоки» и в Карельском союзе пенсионеров. Поздравляли мужчин с Днем защитника Отечества, а женщин — с 8-м марта. Организовывали чаепитие в офисе организации. Члены организации участвовали в мероприятиях, посвященных 75-летию Победы в кинотеатре «Калевала», в ПетрГУ, в ДТДиУ, в музее ИЗО. Все бывшие узники получили юбилейные медали, а в 2021 году — знаки «Дети войны».

Совет организует походы в театры — национальный, «Творческую мастерскую», музыкальный, на выставки в Национальной библиотеке, в Выставочном зале, музее ИЗО, на концерты в Музыкальном театре, филармонии, консерватории. Союз пенсионеров (Г. Е. Карасова) и социальный центр «Истоки» часто приглашают на концерты и чаепитие группы бывших узников в рамках проекта «Помощь пострадавшим от нацизма». Все члены организации получили подарки к Новому, 2021-му, году и Дню пожилого человека в 2021 году. За три года поздравили 90 юбиляров и вручили сувениры.

Члены организации, несмотря на преклонный возраст и проблемы со здоровьем, продолжают встречаться с молодежью (школы, колледжи, библиотеки): Л. П. Макеева, А. М. Варухин, Н. И. Багрова, Нюппиева К. А. и др. В лицее № 13 ежегодно проводим встречи с бывшими узниками концлагерей ко Дню Победы, вместе с ребятами посещаем памятный знак на месте концлагеря № 1 (улица Ломоносова, дом 11). Школьники убирают территорию рядом со знаком, проводят митинги, возлагают цветы. Бывшие узники ежегодно встречаются с учащимися школы № 35 у памятного знака на месте концлагеря № 5 (улица Боровая, дом 1). Школа шефствует над этим знаком: учащиеся убирают территорию, возлагают цветы, на встре-

чах читают стихи. В школе есть стенд, посвященный узникам концлагеря № 5. Учащиеся ведут исследовательскую работу: опрашивают узников, заполняют анкеты, участвуют в проектах, становятся лауреатами конкурсов с работами о судьбах узников концлагерей.

Члены движения Юнармия ежегодно присутствуют на митингах и панихидах у мемориала в память о жертвах концлагерей в Песках, на встречах в кинотеатре «Премьер». Учащиеся школы № 7 микрорайона Соломенное 11 апреля, в Международный день освобождения узников, выступают с литературно-художественной композицией, посвященной узникам. Неоднократно за 2020–2022 годы проходили встречи в кинотеатре «Премьер» с участием учащихся школы № 9, медицинского колледжа, юнармейцев 11 апреля и 9 мая. Приглашают бывших узников в библиотеку имени Д. Я. Гусарова на встречи со школьниками, молодежью, членами клуба «Душегрейка». Неоднократно там выступили с воспоминаниями о ВОВ А. М. Варухин, Н. И. Багрова, Л. П. Макеева, К. А. Нюппиева, А. Р. Натарьева, В. Д. Пигонина, Е. П. Яскеляйнен.

Событием 2020 года стала встреча бывших узников концлагерей и учащихся школы № 9 в кинотеатре «Премьер» с создателями художественного фильма «Весури» — режиссером А. Тютрюмовым и актерами-детьми, исполнявшими роли узников финских концлагерей. После просмотра члены нашей организации выступили с воспоминаниями о своей судьбе и пребывании в концлагерях города Петрозаводска, участвовали в обсуждении фильма.

Новым председателем КС БМУ избрана Ленина Павловна Макеева. В совет избраны: Л. П. Макеева, Л. В. Филиппова, В. К. Погребняк, Л. И. Хохлова, Н. А. Матюшкина.

*XI отчетно-выборная конференция. Петрозаводск. 24 ноября 2022 года.
Фото: Виталий Голубев*

Бывшие малолетние узники Республики Карелия и Республики Беларусь в музее «Дети войны» лица № 13. В центре — журналист, автор книги «Десант в полдень» Исаак Бацер. Петрозаводск. 28 июня 2004 года

Бывшие малолетние узники на встрече с учащимися лица № 13. Петрозаводск. 2009

Проектная деятельность Карельского союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей

Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей за годы своей деятельности реализовал немало различных проектов.

Среди них были, например, такие:

2005 — «Никто не забыт, ничто не забыто». Участники Великой Отечественной войны — бывшие малолетние узники фашистских концлагерей;

2006 — «Память погибшим, заботу живым!»;

2007 — «Самопомощь и взаимопомощь пожилых людей — бывших малолетних узников»;

2008 — «Вместе по жизни». Посвящен Году семьи;

2009 — «Двадцать лет вместе». К 20-летию КС БМУ;

2010 — «Трудный путь к профессии». Посвящен Году учителя;

2011 — «Память сердца». Посвящен 70-летию начала Великой Отечественной войны;

2012 — «Старость меня дома не застанет»;

2012 — «История помнит, помним и мы»;

2015 — «Помним, пока живы». Посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне;

2022 — «Чтобы помнили».

Часть из этих проектов в сокращенном виде представлена в книге.

Проект «Никто не забыт, ничто не забыто» Участники ВОВ — бывшие малолетние узники фашистских концлагерей. 2005

В разработке проекта и альбома «Участники Великой Отечественной войны — бывшие малолетние узники фашистских концлагерей» принимали участие председатель совета Карельского союза БМУ К. А. Нюппиева, члены совета Т. В. Кардаш, Л. В. Филиппова, Н. Н. Соколова, архитектор-художник А. М. Варухин.

Воскресенская Ольга Ивановна

Родилась 18 июля 1926 года в Заонежье. Во время оккупации финны вывезли семью из деревни Кургеницы, через Клименицы, на машинах в Петрозаводск. Принудительно работали на уборке хлеба и сена. Потом в Кутижме два года валили лес.

После освобождения вручили повестку. Работала в военно-восстановительном поезде. Жили в вагонах. Восстанавливали Севере-Кавказскую железную дорогу и мосты. В августе 1948 года вернулась в Петрозаводск. Работала маляром на Онежском тракторном заводе до выхода на пенсию. Будучи на пенсии, еще 10 лет работала там же уборщицей.

Имеет награды: орден Отечественной войны II степени, медали Жукова, «70 лет Вооруженных Сил СССР», знак «Фронтовик 1941–1944», юбилейные медали «40, 50, 60 лет Победы». Инвалид ВОВ второй группы.

О. И. Воскресенская

Егорова Надежда Андреевна

Родилась 18 ноября 1929 года в деревне Леликово Заонежского района. Во время оккупации была вывезена финнами из села Гарницы на машинах в город Петрозаводск, в концлагерь № 1, затем в лагерь № 3. В лагере голодали, в поисках еды, несмотря на угрозу расстрела, пробирались под проволокой. Финны ловили и наказывали, били плетьюми. В 1942 году в лагере умерла мама.

Н. А. Егорова

После освобождения Петрозаводска в июне 1944 года девять месяцев работала как участник трудового фронта.

Победу встретила в Петрозаводске. 15 лет традилась поваром в тресте столовых и Петроторге. Стаж до выхода на пенсию — 40 лет, а потом еще работала 13 лет.

Имеет награды: звание «Ветеран войны», юбилейные медали «50, 60 лет Победы», «Ветеран труда». Инвалид ВОВ второй группы.

Завьялова (Соболева) Мария Александровна

Родилась 21 апреля 1927 года в деревне Рим Заонежского района. Войну встретила в Петрозаводске, была в гостях у родственников. Помнит, как 24 июня была бомбежка Петрозаводска, бомбили здание холодильника у вокзала, стреляли с самолетов на бреющем полете. Улица Пушкинская, где жили родственники, была в руинах. Ночами дежурили на крышах, гасили зажигательные бомбы.

Эвакуироваться в Кировскую область отказалась, решила добраться до Заонежья на барже, так как мать должна была родить шестого ребенка. Вернулась 15 сентября,

в день рождения младшей сестры, а в ноябре в Заонежье пришли финны. В декабре семью (мать и шестерых детей) принудительно переселили в деревню Терехово за 50 километров от Рима. Работала на строительстве дорог, на лесозаготовках в Ламбасручье.

Летом 1942 года семью перевезли в Петрозаводск и поместили в концлагерь № 6 на Перевалке. Работала в санпропускнике, бане, на лесозаготовках с 8 утра до 8 вечера.

После освобождения Петрозаводска в июне 1944 года устроилась санитаркой в эвакогоспиталь № 1599 (п/п 2040). День Победы встретила в Петрозаводске. Маршал Конев вручал ей комсомольский билет. В июне 1945 года вместе с эвакогоспиталем поехала воевать с Японией. Участвовала в боевых действиях, вытаскивала

М. А. Завьялова

раненых с поля боя, в госпитале города Ворошилова ухаживала за ранеными. Работали сутками по 24 часа, с перерывом на 12 часов. Помнит начальника госпиталя полковника Шейдина, хирурга Туманова, доктора Малюгу.

Вернулась в Петрозаводск в 1947 году. Училась в вечерней школе, закончила 9 классов. Работала в ДОКе маляром, мастером цеха № 3. Трудовой стаж — 45 лет.

Имеет награды: орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За доблестный труд во время войны», Жукова, юбилейные медали «40, 50, 60 лет Победы», медали «70 лет Вооруженных Сил СССР», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда». Инвалид ВОВ второй группы.

Зверева Евдокия Константиновна

Родилась 18 августа 1925 года в Заонежье. В 16 лет трудилась на оборонительных работах в поселке Мяндусельга Медвежьегорского района. Рядом была воинская часть. Два месяца пилили дрова для военных.

7 ноября 1941 года в поселок Толвуя пришли финны. Всю молодежь собрали и отправили в Кондопогу. Работали принудительно. Пилили на бирже дрова. Если не выполнишь норму — не получишь пайка. Так работала до мая 1944 года. При отступлении финны всех перевезли в поселок Святнаволок, чтобы отправить в Финляндию, но в спешке отступили.

После освобождения два месяца работала на аэродроме «Гирвас». Состояла на штатной должности по вольному найму в частях Действующей армии. Делали в поле кирпичи из глины и песка. Месили голыми ногами, было уже холодно, заморозки. Получила воспаление легких. Приехала на лечение в Петрозаводск и осталась. День Победы встретила в Петрозаводске. В Ладве закончила школу механизаторов, получила специальность «тракторист», затем окончила курсы счетоводов-кассиров. Долгое время работала кассиром.

Имеет награды: медали «За победу над Германией», Жукова, знак «Фронтовик 1941–1945», юбилейные медали «50, 60 лет Победы». Инвалид ВОВ второй группы.

Е. К. Зверева

Иванова Анна Ивановна

Родилась 26 ноября 1924 года в поселке Вознесенье Ленинградской области. Во время оккупации финнами была взята в плен и вывезена в Петрозаводск, в концлагерь № 6. Работала принудительно, пилила дрова, после чего была отправлена в поселок Шуя на лесозаготовки. Норма выработки для одного человека была 1 кубометр в день. Норму нужно было выполнить обязательно, иначе не получишь паек.

После освобождения Петрозаводска участвовала в восстановлении города, работала шофером до окончания войны. День Победы встретила в Петрозаводске.

Имеет награды: юбилейные медали «50, 60 лет Победы», «Ветеран труда». Инвалид ВОВ первой группы.

А. И. Иванова

Калкасов Николай Николаевич

Родился 30 июня 1926 года в Ленинградской области. Во время оккупации находился в Петрозаводске — в концлагере № 5.

После освобождения Петрозаводска был призван в армию.

Сначала был направлен в Кандалакшу, в запасной полк, учился воевать. Затем попал на передовую — в Норвегию. Освобождали советских женщин из плена.

Далее воевал на 4-м Украинском фронте, в Польше освобождал ст. Рунтова.

Были большие бои, немцы шли напролом. Получил ранение. Лечился в госпитале.

После госпиталя вернулся в свою 70-ю морскую горнострелковую бригаду. Отправили во Владивосток, воевал с японцами. Победу встретил в госпитале.

Затем служил на Чукотском полуострове. В 1946 году комиссован. Приехал в Петрозаводск. С 1946 по 1990 год работал в вагонном депо Октябрьской железной дороги. С 1990 года — на пенсии. Имеет двух дочерей, трех внуков. Один из них служил в Чечне.

Н. Н. Калкасов

Имеет награды: медали «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Японией», «За победу над Германией», орден Отечественной войны I степени, юбилейные медали «30, 40, 50, 60 лет Победы», медали Жукова, «70 лет Вооруженных Сил СССР». Инвалид ВОВ второй группы.

Киселева Парасковья Андреевна

Родилась 10 ноября 1926 года в деревне Леликово Заонежского района. Отец был репрессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован в 1958 году.

В начале войны финские оккупанты переправили всю семью (мать и семерых детей) в город Петрозаводск. Сначала были в концлагере № 1, затем в лагере № 3.

Мать умерла в лагере. На попечении старших сестер остались пятеро малолетних детей. Работала на бирже и сплаве, сначала за маму, а с 15 лет самостоятельно.

После освобождения Петрозаводска трудилась на Станции переливания крови, сдавала свою кровь для раненых, после работы восстанавливала город. День Победы встретила в Петрозаводске. 38 лет работала на аптечном складе. После выхода на пенсию еще 13 лет трудилась в кукольном театре.

Имеет награды: юбилейные медали «50, 60 лет Победы», «Ветеран труда», «За трудовую доблесть», ее имя занесено в Книгу почета Аптечного управления. Инвалид ВОВ второй группы.

П. А. Киселева

Кочанов Валентин Степанович

Родился 24 августа 1926 года. Во время войны находился в концлагере № 2 города Петрозаводска.

После освобождения уехал в Заонежье. В июле пришла повестка в военкомат. 17 июля был призван в армию. Отправили в учебный полк в Кандалакшу. Зачислили в 70-ю бригаду морской пехоты.

Сначала обороняли Заполярье, затем участвовали в боях за освобождение Никеля. Дважды был ранен — снайперской пулей и осколком от пулемета. Двух друзей, что были рядом, убило. По-

пал в госпиталь сначала на станции Паша, затем в Плесецке и Петрозаводске. Провел в госпиталях 6 месяцев.

После выздоровления отправили на 2-й Украинский фронт, в 303-ю Краснознаменную дивизию. Прошли Австрию, Венгрию, Чехословакию, воевали за Кавказ.

После войны обещали отпуск, но отправили служить в Биробиджан, затем во Владивосток, на пароходе доставили на Курильские острова (в день рождения). В ноябре случилось извержение вулкана Мацуо на Курильских островах. Всех посадили на корабль и привезли на остров Сахалин, в Южно-Сахалинск. Служил в транзитном лагере — отправляли на родину пленных японцев и гражданских. В декабре 1947 года лагерь расформировали. Попал в рабочий батальон на Сахалине — в городе Корсакове. Был там до 1950 года. Затем вернулся в Петрозаводск.

Имеет награды: орден Отечественной войны I степени, медали Ушакова, «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные медали «30, 40, 50, 60 лет Победы». Инвалид ВОВ второй группы.

В. С. Кочанов

Кудряшова Зинаида Варламовна

Родилась 10 июня 1926 года в Ленинградской области — в деревне Шангостров. В семье было трое детей — два брата и сестра. До войны лишилась родителей, жила у тети на реке Свири. В семье было 10 человек.

Когда началась война, хотели вернуться домой, но попали в плен к финнам. Находились сначала в лесу, а потом были переправлены в Петрозаводск — в концлагерь № 5.

Принудительно работали на лесозаготовках и строительстве дорог. Перенесла холод, голод, переболела тифом. В военных действиях не участвовала. После освобождения Петрозаводска уехала в го-

З. В. Кудряшова

род Суоярви, где и встретила День Победы. Позже с мужем переехала в Петрозаводск. До выхода на пенсию работала бухгалтером.

Имеет награды: юбилейные медали «50, 60 лет Победы», «Ветеран труда». Инвалид ВОВ второй группы.

Ласточкина Анна Васильевна

Родилась 7 августа 1923 года в деревне Телятниково в Заонежье, что недалеко от Кижей. В декабре 1941 года вместе с матерью и сестрами была вывезена финскими оккупантами в город Петрозаводск и заключена в концлагерь № 3. Финны принудительно гоняли на работу по заготовке дров в деревню Вилгу. Испытала голод, холод, принудительный труд по 10–12 часов в день.

После освобождения Петрозаводска и республики была направлена на разминирование северных районов Карелии и Мурманской области. Была назначена командиром группы минеров. Дошла до границы с Норвегией. Победу встретила в Петрозаводске. После войны работала в торговле.

Имеет награды: орден Отечественной войны II степени, медали «За оборону Советского Заполярья», Жукова, юбилейные медали «30, 40, 50, 60 лет Победы», «50, 60, 70 лет Вооруженных Сил СССР», знаки «Отличный минер», «20, 25 лет Победы», «Фронтовик 1941–1945», медаль «Ветеран труда». Ветеран войны и труда. Инвалид ВОВ второй группы.

А. В. Ласточкина

Лажин Евгений Иванович

Родился 13 сентября 1926 года в деревне Остречины Подпорожского района Ленинградской области. Во время войны находился в лагере № 6 в городе Петрозаводске. В 15 лет работал на лесозаготовках принудительно.

После освобождения Петрозаводска был призван в армию. Попал в запасной полк № 112, был направлен в 70-ю морскую бригаду. Воевал около станции Масельская, затем в Заполярье. Здесь, на реке Коле, участвовал в сражениях в знаменитой «Долине смерти». Сейчас ее называют «Долиной славы». Был легко ранен. В ноябре

1944 года началось наступление, в жестоких боях освобождали Печенгу (Петсамо), Никель. Затем двинулись к финской границе, к Норвегии. 9–10 ноября 1944 года боевые действия здесь прекратились. Пять суток шли пешком до поселка Мурмаши. В Печенге вручили медаль «За оборону Советского Заполярья». В Мурмашах сутки отсыпались.

На станции Кола посадили в вагоны и направили на Украинский фронт. 10 марта 1945 года участвовал в наступлении войск под командованием Еременко. Прорыв совершала морская бригада, затем шли пехотные войска. 16 апреля получил контузию. В морской бригаде осталось несколько человек, и ее расформировали. Затем в составе 69-й горнострелковой бригады дошел до Польши, освобождал города Струмень, Скочув, Катовице, чехословацкие Братиславу, Опаву. Были сильные бои. Получил сквозное ранение в ногу. Попал в эвакогоспиталь в Польше (Бельско-Бяла). Здесь встретил День Победы. Долечивался в госпитале Кракова.

В 1946 году служил в Западной Украине, охранял склады. Демобилизовался. Вернулся в Петрозаводск. С 1942 года работал шофером в автоколонне № 2061. На пенсии с 1992 года.

Имеет награды: орден Отечественной войны I степени, орден Славы III степени, две медали «За отвагу», медали «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», Жукова, юбилейные медали «40, 50, 60 лет Победы», «30 лет Советской Армии и Флота», знак «Ветеран Карельского фронта». Инвалид ВОВ второй группы.

Е. И. Лахин

Лукина Прасковья Александровна

Родилась 14 октября 1925 года в Заонежье. Во время оккупации Карелии была вывезена в город Петрозаводск, заключена в концлагерь № 1.

Работала принудительно на лесозаготовках, рубила лес.

После освобождения Петрозаводска две недели училась на минера. Занимались

П. А. Лукина

разминированием территории Карелии и Заполярья. Дошла до границы с Норвегией.

Имеет награды: медаль «За оборону Советского Заполярья», юбилейные медали «30, 40, 50, 60 лет Победы». Инвалид ВОВ второй группы.

Мартынова Александра Ивановна

Родилась 29 апреля 1924 года в деревне Остречина Ленинградской области.

Во время оккупации семью вывезли в город Петрозаводск и поместили в лагерь № 6. Мама и сестра умерли от голода и болезней.

После освобождения Петрозаводска была призвана в войска ПВО. Служила зенитчицей в звании рядовой. Через Польшу и Чехословакию дошла до Германии.

Стоя на посту, чуть не застрелила командира, так как он не ответил на вопрос: «Стой, кто идет?» Была награждена. День Победы встретила по дороге домой. После войны работала на железной дороге стрелочницей.

Имеет награды: орден Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, юбилейные медали «30, 40, 50, 60 лет Победы», знак «Фронтовик 1941–1945». Инвалид ВОВ второй группы.

А. И. Мартынова

Маторина Анастасия Николаевна

Родилась 28 августа 1925 года в деревне Шустручей Подпорожского района.

В октябре 1941 года была вывезена оккупантами в город Петрозаводск, помещена в концлагерь № 3. Работала принудительно: ходила убирать город, пилила дрова, трудилась в пекарне.

После освобождения в Петрозаводск прибыл военно-восстановительный поезд, работала в штатной должности в действующих частях армии по вольному найму — восстанавливали связь между Петрозаводском

А. Н. Маторина

и Медвежьегорском, Петрозаводском и Ленинградом. Работала до октября 1948 года.

День Победы встретила в Петрозаводске. Вернулась в Петрозаводск в 1948 году и до выхода на пенсию работала на комбинате бытового обслуживания населения.

Имеет награды: медаль Жукова, юбилейные медали «50, 60 лет Победы». Инвалид ВОВ второй группы.

Мошин Александр Иванович

Родился 17 января 1927 года в Заонежье, в крестьянской семье.

С ноября 1941 года по июнь 1944 года находился на оккупированной территории. С 15 лет принудительно работал в зоне Кокоринского концлагеря. Испытал унижения и побои, трижды сидел в карцере, от удара начальника лесной конторы в ухо частично потерял слух.

После освобождения Заонежья 29 июня 1944 года в 17-летнем возрасте был призван в армию. Сопровождал группу из 10 призывников в Действующую армию по заминированной территории Медвежьегорского района. Воевал на Лоухском направлении в 238-м стрелковом запасном полку. Прошли обучение, несли охрану военных объектов, разгружали и доставляли снаряды и патроны на передовую линию фронта.

В декабре 1944 года был направлен на переформирование в город Киров. В пути тяжело заболел, лечился в военном госпитале. Весной 1945 года вернулся домой на долечивание инвалидом второй группы (весил 48 килограммов при росте 175 сантиметров). Победу встретил в Заонежье. В октябре 1945 года был демобилизован.

Работал счетоводом в колхозе, заведующим избой-читальней. Учился в вечерней школе. С 1945 по 1953 год учился в Петрозаводском архитектурно-строительном техникуме. 10 лет работал архитектором в проектно-институте «Карелпроект», заочно окончил Московский институт культуры, историко-филологический факультет Петрозаводского госуниверситета по специальности «историк». 26 лет работал на руководящей профсоюзной работе. На пенсии с 1987 года. Занимался общественной работой.

А. И. Мошин

Имеет награды: орден Отечественной войны II степени, 10 медалей за «Победу над Германией», медаль Жукова, юбилейные медали «40, 50, 60 лет Победы», медаль «За доблестный труд», «Ветеран труда», две почетные грамоты Президиума Верховного Совета Карельской АССР. Инвалид ВОВ второй группы.

Орбант Леонид Ансович

Родился 26 июня 1926 года. До войны проживал в поселке Вознесенье Ленинградской области. Финские оккупанты привезли всю семью в Петрозаводск, заключили в концлагерь № 3. Работал принудительно с 15 лет.

После освобождения Петрозаводска в июне 1944 года был призван в армию. Воевал на Карельском фронте, в Заполярье. Дошел до Норвегии, воевал за Киркенес, затем на Западном фронте — от Орши до Кенигсберга (Калининграда).

В Заполярье был ранен осколком в голову. Закончил войну в Праге 8 мая 1945 года. После войны 6 лет служил в Германии, в городе Нойруппине. В июне 1950 года демобилизовался.

Имеет награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», юбилейные медали «30, 40, 50, 60 лет Победы». Инвалид ВОВ второй группы.

Л. А. Орбант

Островская Анна Алексеевна

Родилась 3 февраля 1924 года в деревне Матусово Подпорожского района Ленинградской области.

Когда началась война, вся семья была финнами вывезена в Петрозаводск, в концлагерь. Работали принудительно на лесозаготовках в деревне Вилге. Было очень трудно — холод, голод, болезни. Вместе с другими лагерниками встречала корабли Онежской флотилии на пристани. После

А. А. Островская

освобождения Петрозаводска была направлена на разминирование Заполярья. В звании младшего сержанта дошла до границы с Норвегией.

День Победы встретила в Петрозаводске. После войны работала на железной дороге, в Управлении Октябрьской железной дороги.

Имеет награды: медаль «За оборону Советского Заполярья», юбилейные медали «30, 40, 50, 60 лет Победы», «Ветеран труда». Инвалид ВОВ первой группы.

Симанков Виктор Васильевич

Родился 19 ноября 1925 года в деревне Пустошь Вознесенского района Ленинградской области.

Когда пришли финские оккупанты, их семью на машинах перевезли в Петрозаводск. Сначала были в 4-м лагере, затем в 3-м. Бегали под проволоку в поисках еды, воды. Мама была в больнице на улице Волховской. В лагере чистили котлы от нагара, работали на лесозаготовках, пилили 3-метровые чурки и складывали в костры.

После освобождения Петрозаводска был призван в армию. Сначала обучался военному делу на Ключевой, затем в Кандалакше. Был зачислен в Краснознаменную 70-ю бригаду морской пехоты. Освобождал Печенгу (Петсамо). Затем шли с боями от Мурманска до Киркенеса. На переформировании был в Вологде, затем направлен на 4-й Украинский фронт.

10 марта 1945 года пошли в наступление. 11 марта получил ранение. Был в пяти госпиталях в течение 8 месяцев, шесть месяцев находился в гипсе в Староконстантинове. Победу встретил в госпитале. По ранению демобилизован с третьей группой инвалидности.

После войны служил стрелком в пожарной военизированной охране Министерства речного флота. Охранял судостроительный завод, работал фрезеровщиком на ОТЗ и т. д. Общий стаж — 41 год.

Имеет награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», Жукова, юбилейные медали «20, 30, 40, 50, 60 лет Победы», «Ветеран труда». Инвалид ВОВ второй группы.

В. В. Симанков

Филатов Владимир Сергеевич

Родился 11 октября 1925 года. До войны проживал в городе Подпорожье.

Финны оккупировали город, семью вывезли в Петрозаводск — в концлагерь № 2. Работали на лесозаготовках, жили в бараках.

После освобождения Петрозаводска был призван в армию. Охранял Петрозаводск. Потом был отправлен в Кандалакшу, в запасной полк. Учили владеть оружием, ходить строем, питание было плохим. Из Кандалакши отправили в Мурманск, дошел до Норвегии (Киркенес). Получил два ранения. Лечился в Вологде, Грязовце.

Далее воевал в Польше, в составе 70-й морской бригады освобождал Чехословакию. Здесь был ранен снова, ампутировали ногу. 7 месяцев пролежал в госпитале в Баку. Там и встретил День Победы.

После войны вернулся в Подпорожье к отцу. Мать умерла в лагере. 3,5 года учился на прораба в Ленинградском строительном институте. Приехал в Петрозаводск. Строил многие здания, аптечное управление, троллейбусное депо, склады, казармы, аэродром и т. д.

Имеет награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», 8 юбилейных медалей. Инвалид ВОВ второй группы.

В. С. Филатов

Фролков Валентин Степанович

Родился 3 декабря 1925 года в Подпорожском районе Ленинградской области.

Вместе с матерью, братом и двумя сестрами был захвачен в плен оккупантами и вывезен в город Петрозаводск, был узником 2-го и 6-го концлагерей.

Мама умерла в лагере. Вместе с братом заботился о сестрах. Рискую быть наказанным резиновыми плетками или угодить в холодный карцер, убегал из лагеря в поисках пищи.

В. С. Фролков

После освобождения Петрозаводска в июне 1944 года был призван в армию. Обучался в учебном полку на улице Ключевой в Петрозаводске. Затем был направлен на фронт. Прошел Белоруссию, воевал в Польше. После войны продолжил службу в армии в звании капитана в Сортавале. Позже работал в школе.

Награды: медали «За победу над Германией», «За взятие Варшавы». Умер 2 ноября 1975 года.

Фролков Леонид Степанович

Родился 20 апреля 1923 года в Подпорожском районе Ленинградской области.

Вместе с матерью, братом и двумя сестрами был вывезен оккупантами в город Петрозаводск. Был узником 2-го и 6-го концлагерей. Познал голод, холод, лишения, не раз был наказан за попытку выбраться из лагеря в поисках еды у солдатских казарм оккупантов. В лагере умерла мама.

После освобождения Петрозаводска в июне 1944 года был призван в армию. Сначала находился в учебном полку в Петрозаводске,

Л. С. Фролков

обучался стрельбе и другим приемам боя с врагом, затем прошел подготовку и обучение летному делу. Воевал в авиации, дошел до Австрии, освобождал Вену. Войну закончил в Берлине.

В 1947 году вернулся в Петрозаводск. Работал экспедитором на Петрозаводском ликеро-водочном заводе. Трудовой стаж — более 40 лет.

Награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За победу над Германией», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», Жукова, юбилейные медали «40, 50 лет Победы».

Инвалид ВОВ второй группы. Умер 13 июня 2002 года.

Чекмарев Иван Андрианович

Родился 11 ноября 1927 года в Ярославской области. Перед войной семья проживала в поселке Ровское Ленинградской области.

В ноябре 1941 года финны на машинах перевезли семью в Петрозаводск и поместили в концлагерь № 4, затем перевели в лагерь

И. А. Чекмарев

№ 6. Мальчишкой вместе с другими бегал под проволоку просить еду в солдатских казармах и поездах. Три раза был пойман охраной, пороли розгами. Даже отца заставили пороть сына.

После третьего наказания отправили копать могилы в Песках. Финн отмерял шагами норму — в лагерь не уйдешь, пока не выкопаешь. Конвой ехал на велосипедах, а пленники шли пешком.

После освобождения Петрозаводска устроился учеником токаря в депо, затем учился на электрика в городе Кеми.

В 16,5 лет получил повестку в армию, но взяли в 17 лет — в учебный 33-й запасной стрелковый полк в Архангельской области. Воевать не отправили, война кончилась.

Отправили на лесоповал на станцию Ручьи. Там были только казарма, конюшня и пекарня. Кормили плохо. Валили лес, пилили дрова. Норма была большая, и ее необходимо было выполнить любой ценой. Дошел до истощения. Из-за болезни перевели возчиком дров на лошадях. Затем отправили в Москву.

Там работал на обслуживании домов военных начальников, устанавливал газовые колонки. Служил до 1951 года.

После демобилизации вернулся в Карелию, в поселок Пиндуши, был учеником токаря. В 1966 году приехал в Петрозаводск. В 19-м техническом училище работал учителем труда, готовил кадры для завода «Тяжбуммаш». Работал до 1996 года. В 69 лет ушел на пенсию.

Имеет награды: медаль «За победу над Германией», юбилейные медали «40, 50, 60 лет Победы», «Ветеран труда». Инвалид ВОВ второй группы.

Шахнюк Прасковья Григорьевна

Родилась 6 января 1924 года в Лодейном Поле. С 1939 по 1941 год училась в медицинском техникуме. Будучи студенткой третьего курса, работала в эвакогоспитале во время практики.

Во время финской оккупации была вывезена в город Петрозаводск — в концлагерь № 5.

П. Г. Шахнюк

После освобождения осталась жить в Петрозаводске. Здесь и встретила День Победы.

Работала и училась в группе ускоренного обучения при Петрозаводском медицинском училище. Получила специальность «медсестра». Трудовой стаж — с 1944 по 1983 год.

Имеет награды: юбилейные медали «50, 60 лет Победы», медаль «Ветеран труда», знак «Отличник здравоохранения». Инвалид ВОВ второй группы.

Юрьев Павел Григорьевич

Родился 11 июля 1927 года в деревне Воробы в Заонежье.

В феврале 1942 года финны заключили семью в лагерь № 3, затем в лагерь № 6 города Петрозаводска. Весной 1943 года перевезли в Шую. Жили в бараках в Низовье. Выполняли разные работы по принуждению.

После освобождения Петрозаводска, в августе 1944 года, был мобилизован и направлен в город Кемь, в том же месяце принял присягу. Потом служил в Вологде. Определили в 205-ю дивизию и отправили на польско-немецкую границу. Здесь воевал в составе 2-го Белорусского фронта, освобождал Польшу. В апреле 1945 года был ранен. После госпиталя в мае 1945 года с дивизией был направлен на остров Борнхольм в Дании, участвовал в его освобождении от немцев.

Там встретил Победу и проходил службу до осени 1946 года. После расформирования дивизии служил в танковых частях на территории Белоруссии до апреля 1951 года.

После войны 26 лет отработал на ДЮКе плотником. Вышел на пенсию в 1987 году.

Имеет награды: орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией», Жукова, юбилейные медали «20, 30, 40, 50, 60 Победы». Инвалид ВОВ второй группы.

П. Г. Юрьев

Проект «Вместе по жизни». Посвящен Году семьи. 2008

Проблема. Получив психологический, моральный и физический ущерб в детском и подростковом возрасте во время нахождения в условиях неволи концлагерей, малолетние узники сохранили следы этой травмы на всю последующую жизнь. Многие остались одинокими, не смогли создать семью, многие утратили ее в силу психологических особенностей (бескомпромиссность, повышенная чувствительность к несправедливости, обидчивость). Этим объясняются их тяга к объединению с людьми общей судьбы, необходимость общения. В семьях бывших узников последствия перенесенных страданий отражаются на состоянии детей, внуков.

Проект, посвященный Году семьи, имеет цели объединить людей общей судьбы, создать благоприятный психоэмоциональный климат для общения бывших узников путем организации совместных акций, встреч в клубе «Судьба», открытом в декабре 2005 года на базе офиса общественной организации КС БМУ, привлечь внимание к семьям, где оба супруга — бывшие малолетние узники, к семьям, отметившим 50-летие совместной жизни.

Чествование их, изучение их семейных традиций, достижений и увлечений, знакомство с их детьми и внуками послужат укреплению семей.

Семья Бачуриных

Семья Евгении Николаевны до войны жила в Ленинградской области — в деревне Конец Подпорожского района. Когда началась война, все жители деревни ушли в лес и жили там три месяца, но их нашли и глухой осенью привезли в Петрозаводск — в 5-й лагерь.

Женя, которой было 12 лет, мыла полы в казармах у финнов за несколько галет. Потом заболела воспалением легких, еле выжила. В лагере умер брат матери Павел, а двоюродного брата так избili плетью, что он несколько недель лежал только на животе.

Семья Виктора Сергеевича Бачурина родом из Кижей. Финны их перевозили в город Петрозаводск по воде и поместили в 6-й лагерь. Глава семьи с первых дней войны был на фронте.

После освобождения города семья жила в Сулажгоре. Виктор Сергеевич с 14 лет начал работать на ДСК.

Отец Евгении Николаевны после войны работал в подсобном хозяйстве и строил себе дом. Она часто приходила к отцу.

С Виктором Сергеевичем виделись часто, так как он помогал ее отцу строиться, но не знакомились.

Евгения участвовала в художественной самодеятельности и однажды пришла к своей тете за сарафаном для выступления, а Виктор тогда был у тети и, как вспоминает Евгения Николаевна, «сердце ёкнуло». Они стали встречаться. Дружили три с половиной года, он ее часто катал на велосипеде. Евгения Николаевна закончила техникум и по направлению три месяца работала в Паданах.

Поженились они в 1951 году. Затем Виктор Сергеевич служил в армии. После армии оба работали в Петрозаводском ДРСУ, а позже Виктор Сергеевич — на ДСК, потом на Радиозаводе. Сначала жили на Первомайском проспекте, а в 1982 году получили квартиру на Октябрьском проспекте.

У них был сын Сергей, он погиб, работая на дороге. Его сыну было тогда чуть более года. Своего внука Игоря супруги воспитывали сами, ему сейчас уже более 30 лет.

Супруги Бачурины в молодости

Семья Васильевых

Владимир Владимирович Васильев родился 7 марта 1931 года в Петрозаводске. Учился в школе, затем в музыкальной школе.

Во время войны с мамой и сестрой был эвакуирован в Вологодскую область. Работал вместе со взрослыми в колхозе. После окончания войны работал в основном на Онежском тракторном заводе. Он ветеран труда, до 70 лет работал слесарем 6-го разряда. Пять лет жизни отдал службе в армии. Служил в Эстонии. Во время отпуска познакомился на танцплощадке с Клавой. После службы женился на ней, это было в декабре 1957 года.

Супруги Васильевы

Клавдия родилась в деревне Телятниково Кижского сельсовета в январе 1931 года. Во время войны вместе с мамой и пятью сестрами находилась в концлагере № 3 города Петрозаводска.

После войны переехала в Петрозаводск, училась в школе, получила специальность портнихи.

Работала в швейных мастерских, затем в Доме мод. Она ветеран труда, на пенсии с 55 лет. Клавдия и Владимир вырастили дочь Ирину. Она работает учителем музыки в гимназии № 37. Имеет высшее образование.

Есть у них внучка Настя, она учится в гимназии № 37. Девочка хорошо рисует, занимается музыкой (играет на фортепьяно). В декабре 2007 года в семейном кругу отметили золотую свадьбу. Семья — дружная. На лето уезжают в деревню — в родительский дом.

Семья Вихко

Аврора Андреевна Вихко родилась 25 апреля 1935 года в Подпорожском районе — в деревне Согиницы. Жила с мамой, папой, братом, бабушкой и дедушкой. Отец ушел на войну, а их семью оккупанты привезли в Петрозаводск — в 5-й лагерь. Дед вскоре умер.

Мама была беременной, в лагере родила мальчика, он сразу умер, а за ним и мама. Их похоронили в общей могиле в Песках. Остались они с бабушкой. В ноябре 1943 года их из 5-го лагеря отправили в лагерь в Спасскую Губу. Аврора Андреевна училась в школе. Затем их перевезли в Ведлозеро. После освобождения в 1944 году они вернулись к себе домой.

В 1951 году Аврора приехала в Петрозаводск, три года работала няней, в 1954 году устроилась на хлебокомбинат, освоила не одну профессию.

Александр Александрович Вихко родился 26 февраля 1938 года в городе Стрельне Ленинградской области. Жил с мамой, отцом и двумя сестрами. В 1941 году поздней осенью немцы захватили Стрельню и всех погнали в тыл — в Эстонию, где были промежу-

точные лагеря. Они попали в лагерь Песикюля и до освобождения в 1945 году находились там.

После освобождения жили в Белоруссии, затем в 1951 году переехали к дяде в Пудож и потом в Петрозаводск. Александр 36 лет работал на хлебозаводе шофером.

Познакомились Александр и Аврора на хлебокомбинате. В 1976 году поженились. Вырастили двух сыновей — Сергея и Андрея.

Аврора Андреевна и Александр Александрович живут у озера. У них большой катер, раньше все вместе ездили отдыхать на природу, рыбачили. Семья — дружная, помогают внуку.

Супруги Вихко

Семья Кабыжаковых

До войны семья Марии Михайловны жила в Ленинградской области, а после начала военных действий их привезли в город Петрозаводск — в 3-й лагерь.

Семья состояла из 6 человек: мать, отец, два брата и две сестры.

В 1943 году в декабре их отправили в Шелтозеро, где они и жили до 1961 года. Затем переехали в Петрозаводск. Мария по 8-й класс училась в дневной школе, а 9-й и 10-й классы закончила в вечерней. С 1955 года работала в строительной организации, потом на Онегзаводе — учетчиком, с 1959 года — в стройтресте, на хлебокомбинате. В 2002 году ушла на пенсию.

Супруги Кабыжаковы

Владимир Григорьевич во время войны жил с семьей в Вырозере. Были в оккупации. В 1944 году их освободили, и семья жила в деревне Малой Шильтинской около Великой Нивы.

В Петрозаводске он с 1958 года. Закончил училище по специальности «каменщик». Затем работал в управлении механизации компрессорщиком.

Познакомились Мария и Владимир на танцах, после комсомольского собрания. Поженились в 1963 году. У них две дочери и три внука.

Сначала Кабыжаковы жили в деревне, потом на улице Льва Толстого. В 1963 году им дали квартиру на улице Кутузова, потом жили на улице Мелентьевой вместе с отцом. В 1968 году от треста «Петрозаводскстрой» получили двухкомнатную квартиру на Октябрьском проспекте.

Семья Киселевых

До начала войны Петр Андреевич Киселев жил в деревне Подъельники в Заонежье в большой семье — мать, отец, 5 братьев и сестра. Римма Николаевна жила в деревне Остречины Подпорожского района Ленинградской области, в семье было 5 человек.

Когда началась война, их семьи привезли в город Петрозаводск — в лагерь № 6. Они находились в лагере до освобождения в июне 1944 года.

Петр Андреевич вспоминает, как уходили финские оккупанты. Они знали, что скоро должны были подойти наши войска, и начали готовиться к отходу. Заключенные лагеря просили их оставить немного продуктов, но в ответ слышали:

— Придет Сталин, и всех вас будет кормить.

Когда в Петрозаводске моряки появились на берегу, все поняли, что наконец-то наступила свобода.

После освобождения Римма с семьей уехала на Родину — в деревню Остречины, но вскоре они вернулись обратно в Петрозаводск, так как деревня была сожжена, и там никто не жил. Их семье выделили небольшую комнату на улице Мурманской. На работу Римму сначала не взяли, узнав, что она была в плену у финнов, но потом все-таки приняли в Гортоп, который находился на Соломенском шоссе.

Семья Петра Киселева после войны жила в городе Петрозаводске. Окончив курсы шоферов, Киселев работал водителем — тоже в Гортопе.

Супруги Киселевы

Познакомились Киселевы на работе. В 1954 году поженились, у них родились три дочери. В настоящее время осталась одна дочь — Любовь, она живет в Санкт-Петербурге.

В 1950-е годы Киселевы построили свой дом на улице Водников. В 2004 году они отметили золотую свадьбу.

Римма Николаевна проработала в должности бухгалтера 37 лет, из них 20 лет в Гортопе и 17 лет на заводе «Авангард».

Петр Андреевич работал до пенсии на одном предприятии — в Гортопе, который в последствии был объединен с Петрозаводским леспромхозом.

Семья Мариных

Михаил Михайлович Марин родился в деревне Марино Андомского района Ленинградской области 2 ноября 1932 года. В поселке Вознесенье до войны окончил один класс.

В 1941 году оккупанты выгнали всех из домов, и семья находилась в лесу. Никто из карелов не пустил даже переночевать. Затем около месяца провели в Шелтозере.

Вместе с другими семьями Марины оказались в Петрозаводске — в 1-м концлагере, с 1942 года — в концлагере № 3.

После окончания войны Михаил окончил начальную школу. Поступив в ремесленное училище № 2, получил специальность «слесарь-ремонтник» и два года работал на Онегзаводе. Затем служил в армии в городе Москве, в полковой школе, демобилизовался в звании сержанта. После армии вновь на ОТЗ — до 1965 года. Затем до пенсии работал на Тяжбуммаше, был бригадиром, секретарем цеховой парторганизации.

Работал в Чехословакии. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью ВДНХ, другими медалями и грамотами.

В 1990 году его избирали депутатом Петрозаводского горсовета.

Жена Маргарита Николаевна родилась 25 апреля 1933 года в городе Миассе Челябинской области. Работала в Петрозаводске швейей-портнихой.

Познакомились супруги в Петрозаводске в 1956 году. У них два сына, две внучки и два внука.

Супруги Марины

Семья Орбант

Леонид Ансович родился в 1926 году в деревне Поздняково Оштинского района Вологодской области. До войны жил в поселке Вознесенье Ленинградской области. После оккупации Ленинградской области финны привезли всю семью в Петрозаводск — в концлагерь № 3. Работал принудительно с 15 лет. На второй день после освобождения Петрозаводска, в июне 1944 года, был призван в армию.

Боевой путь начал в Кандалакше, служил в морской стрелковой десантной дивизии, дошел до Норвегии (Киркенес). Был ранен в голову, после лечения вновь отправился на фронт. Прошел с боями до Кенигсберга, войну закончил в Праге 8 мая 1945 года. После войны 6 лет служил в Германии. В июне 1950 года демобилизован.

Приехал в Петрозаводск, работал 10 лет шофером в Карпотребсоюзе, затем 25 лет в АТП-2. На пенсию вышел в 60 лет, в 1986 году. Инвалид Великой Отечественной войны второй группы.

Тамара Федоровна родилась 16 января 1929 года в поселке Вознесенье Ленинградской области — в деревне Ежесельге. В октябре 1941 года финны привезли их семью в Петрозаводск, и они находились в лагерях №№ 3, 4 и 6.

После освобождения в 1944 году семья уехала в свою деревню, но жить было негде, дом сожгли финны, они вернулись в Петрозаводск. Тамара работала с 19 лет, сначала в Карело-финском отделении Научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства, затем до 1958 года трудилась на станкостроительном заводе контролером в механическом цехе, позже бухгалтером.

Супруги Орбант с семьей

тером в торговле, до 1990 года — в ГорПО. Инвалид второй группы. Награждена медалями.

Познакомились Тамара и Леонид еще в лагере, жили в одном доме. Поженились в феврале 1951 года. Вырастили двух сыновей и дочь. У них 6 внучат и 6 правнуков.

Семья Салащенко

Анастасия Васильевна родилась 22 января 1932 года в Заонежье — в деревне Алексеевской. Во время войны находилась в Заонежье, оккупированном финнами.

Семилетку закончила в деревне. После окончания войны уехала в Петрозаводск. В 1949 году устроилась работать на Онежский завод. Вечерами училась и закончила 10 классов.

Позже закончила Петрозаводский лесотехнический техникум и курсы бухгалтеров. Работала сначала на станке, потом диспетчером, бухгалтером, экономистом. Была ударником коммунистического труда. Награждена медалями. Вышла на пенсию в 1987 году.

Николай Васильевич родился 7 сентября 1927 года на Украине. Когда закончил 7 классов, началась война, немцы оккупировали Харьковскую область. Мужчин и подростков заставляли рыть окопы. Работали до освобождения Украины в 1943 году.

Потом его мобилизовали в армию. Вместе с другими солдатами перевозил в вагонах лошадей из Молдавии в Вологодскую область. В Вологде попал в запасной полк, который готовили для отправки на фронт. В этом полку было 70 процентов бывших заключенных и парней с оккупированных территорий. Через два месяца заболел, лечился в госпитале, вернулся в свой полк.

Когда закончилась война, их воинскую часть направили в Мурманскую область — к норвежской границе. Служил в армии до 1951 года.

После службы приехал в Петрозаводск, пошел работать на Онегазавод и трудился там до 1987 года. Работая, окончил лесотехнический техникум. Как хорошего специалиста, его направляли в командировки в разные страны: был в Австралии, Финляндии,

Супруги Салащенко в молодости

Югославии, Пакистане, Лаосе. Ему присвоено звание «Заслуженный рационализатор и изобретатель КАССР». Награжден бронзовой медалью Выставки достижений народного хозяйства СССР, медалью «За победу над Германией», юбилейными медалями.

Познакомились Анастасия Васильевна и Николай Иванович на работе, поженились в 1956 году. Директором завода в то время был Иван Васильевич Грачев. Он выделил машину ЗИЛ, чтобы отвезти их в ЗАГС.

Квартиры у них тогда не было. Жили сначала на частной квартире, потом строили дом на улице Ленина методом народной стройки.

В 1959 году построили и получили квартиру на две семьи. Позже получили 2-комнатную квартиру на свою семью. Родились двое сыновей — Сергей и Владимир. Сыновья закончили университет. Один служил в Афганистане. Есть две внучки и внук. В 1987 году оба вышли на пенсию.

Семья Тимофеевых

Семья Раисы Петровны жила до войны в Подпорожском районе Ленинградской области.

В Петрозаводск финны привезли их глухой осенью 1941 года — в 5-й лагерь. Жилось в лагере трудно, очень болел отец. Свою пайку хлеба он не ел, а берег для жены и детей. Когда умер, под матрасом нашли засохшие кусочки хлеба.

Супруги Тимофеевы

После освобождения в 1944 году семья уехала в свою деревню, так как их дом сохранился, и они жили там до 1950 года, затем переехали в Петрозаводск. Раиса училась в дневной, потом в вечерней школах, окончила техникум. 38 лет проработала на базе «Росторгодежда» бухгалтером, товароведом и экономистом.

У Виктора Петровича была большая семья. Он находился в немецком концлагере № 130 в Смоленской области — в городе Рославле. Без слез не мог вспоминать о нахождении в лагере.

По специальности Виктор Петрович — строитель.

Познакомились молодые люди в городском парке. В 1959 году поженились, получили квартиру на улице Лыжной. В 1960 году родился сын Андрей, в 1971 году — второй сын Сергей. В 1966 году получили квартиру на улице Советской. В любви и согласии живут многие годы... У Тимофеевых есть дача — дом, где до войны жила Раиса Петровна.

Семья Титковых

Анатолий Федорович родился 16 июля 1931 года в поселке Вознесенье Ленинградской области. Во время войны находился в концлагере № 3 в Петрозаводске, в доме № 4. Помнит, что старостой был Суворов.

В 1943 году их семью увезли в Спасскую Губу на сельхозработы. После освобождения вернулись в Вознесенье. Домов не было, их сожгли финны, все ютились в землянках.

В той, где разместилась семья Титковых, взорвалась мина, не обнаруженная саперами. Погибли трехлетний мальчик и девочка 12 лет. Сестру Анатолия завалило землей, ее откопали, но она долго болела.

Анатолий Федорович закончил 4 класса школы, поступил в ремесленное училище. Работал токарем на Онегзаводе до 1953 года. Был призван в армию, после службы вновь пришел на завод, а в 1965 году перешел работать на Тяжбуммаш. Закончил Лесотехнический техникум по специальности «обработка холодных металлов». Работал в отделе труда нормировщиком, был командиром народной дружины, ездил на сельхозработы в Великую Губу.

Нина Алексеевна родилась 19 февраля 1934 года в Петрозаводске. Окончила медицинское училище по специальности «медсестра», до пенсии отработала в детской поликлинике № 3.

Познакомились будущие супруги на танцах в красном уголке ОТЗ. Вновь встретились в 1956 году, дружили около года, в декабре 1957 года поженились. Сын Владимир родился в 1959 году, дочь Людмила — в 1966-м. Внучке Ксении, ее дочери, 19 лет. В 2007 году торжественно отметили золотую свадьбу.

Супруги Титковы

Семья Юрьевых

Павел Григорьевич родился 11 июля 1927 года в деревне Воробьи в Заонежье. В феврале 1942 года финны привезли их семью в Петрозаводск и заключили в концлагерь № 3, затем перевезли в концлагерь № 6.

Весной 1943 года перевезли в Шую, где жили в бараках в Низовье, выполняли разные работы.

После освобождения Петрозаводска Павел был мобилизован в армию и в августе 1944 года направлен в Кемь, где принял присягу. Потом в Вологде его определили в 205-ю дивизию и отправили на польско-немецкую границу. Здесь воевал в составе 2-го Белорусского фронта, освобождал Польшу. В апреле 1945 года был ранен. После госпиталя в составе дивизии был направлен на остров Борнхольм в Дании, участвовал в освобождении Дании от фашистов. Там встретил Победу и служил до осени 1946 года. После расформирования дивизии служил в танковых войсках на территории Белоруссии до апреля 1951 года.

После войны 7 лет работал на ЦБК в Кондопоге. 4 года — на мебельной фабрике в Петрозаводске и 26 лет — на ДОКе плотником, до выхода на пенсию в 1987 году. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией», Жукова, юбилейными медалями. Является инвалидом ВОВ.

Тамара Евгеньевна родилась 26 марта 1925 года в городе Горьком. В 1946 году закончила Горьковский сельхозинститут. Работала в Министерстве сельского хозяйства КАССР, в статуправлении, Госплане. С 1980 года на пенсии.

Павел Григорьевич и Тамара Евгеньевна поженились 27 декабря 1958 года. Жили в неблагоустроенном доме. В 1973 году получили квартиру. В 1960 году родился единственный сын Евгений, он окончил лесотехнический техникум. В 1983 году родилась внучка Ирина, она окончила Педагогический университет.

Супруги Юрьевы с сыном и внучкой

Семья Якушевых

Якушев Николай Иванович родился 22 сентября 1929 года. Его жена Лидия Петровна — 1935 года рождения. До войны Николай Иванович жил в деревне Габаново Вознесенского района Ленинградской области. Осенью 1941 года всю их большую семью финны увезли в Петрозаводск, на улицу Правды — в бараки 2-го лагеря. Потом они попали в 3-й лагерь, в дом № 13.

Супруги Якушевы в молодости

— В 1942 году умерла мать, — вспоминал Николай Иванович. — Пришлось тяжело, бегали в поисках еды под проволоку. Если поймают, бьют так, что две недели сидеть и лежать трудно. Наше освобождение пришло летом 1944 года. Финны, уходя, подожгли пристань, минировали склады. Много погибало людей, так как надеялись на этих складах найти продукты. Видел, как освободители в город заходили с Онего. Пришли катера. Один из матросов крикнул:

— Ура! Петрозаводск снова советский!

После освобождения сестра Клава хотела всех увезти в деревню, но их дом был разрушен. Остались в городе. Николай работал на заводе «Северная точка». Убирал мусор, топил печи, чтобы получить 500 граммов хлеба. Потом учился в ремесленном училище, трудился на железной дороге строителем, служил в армии, работал на ДСК. В 60 лет вышел на пенсию.

Впервые Николай Иванович и Лидия Петровна встретились в 1954 году. Она, медик, пришла взять анализы, увидела красавца в военной форме и влюбилась, но еще год они не виделись. А в 1955 году встретились в магазине и стали дружить. В 1956 году поженились. Жили в деревянном доме, в коммунальной квартире 15 лет. В 1959 году родилась дочь Елена. В 1963 году получили квартиру. Дочь работает в музыкальной школе.

Супруги Якушевы в 2006 году отметили пятидесятилетие совместной жизни.

Восемь семейных пар были награждены медалью РФ «За любовь и верность». Это супруги Демчонок, Ермолины, Голубевы, Лупины, Савкины, Сенюковы, Пушкаревы, Филипповы.

Проект «Трудный путь к профессии» Посвящен Году учителя. 2010

Проблема. Бывшие малолетние узники фашистских концлагерей в годы пребывания в неволе на оккупированной Финляндией территории Карелии потеряли три года детства, отстали от сверстников на воле в обучении, так как не имели возможности учиться. Только в декабре 1943 года начались занятия в организованных оккупантами школах в петрозаводских концлагерях. Дети от 8 до 12 лет должны были посещать занятия. Но не все могли воспользоваться этой возможностью, так как не было теплой одежды и обуви, многие были босыми, в лохмотьях.

После освобождения из концлагерей большинство из бывших узников вынуждены были идти работать или получать рабочие профессии в ремесленных училищах, школах ФЗО.

Часть узников после освобождения были призваны в армию, воевали, а после окончания ВОВ вернулись домой к мирной жизни. Другие стали строителями, водителями, рабочими.

Лишь незначительная часть бывших малолетних узников смогла получить среднее или высшее образование. Среди них большинство — учителя со средним педагогическим образованием. Единицы имеют высшее образование или ученую степень.

Цели проекта. Главной задачей проекта, посвященного Году учителя, является поиск бывших малолетних узников — педагогов. На примере их судеб мы стремились показать подрастающему поколению, как надо идти к своей цели и быть верным мечте. Другой задачей проекта являлось проявление внимания к бывшим узникам — учителям, уважения к их нелегкому труду. Многие начинали трудовую деятельность в трудное послевоенное время по окончании учебы в педучилищах, терпели нужду, не имели достойной одежды, подчас голодали. Целью проекта являлось также привлечение бывших малолетних узников — учителей к участию в патриотическом воспитании молодежи.

Задачи проекта: 1) выявление среди бывших узников учителей школы или преподавателей учебных заведений; 2) сбор фактического и фотоматериала об узниках — учителях, оформление памятного альбома о судьбах шестнадцати бывших узников; 3) презентация и вручение памятного альбома в торжественной обстановке на вечере, посвященном Дню пожилых людей и Дню учителя в октябре 2010 года; 4) чествование бывших узников — учителей,

посещение одиноких волонтерами из молодежи, встречи в клубе «Судьба» с рассказом о своем пути в профессию.

Руководитель проекта — председатель КС БМУ К. А. Нюппиева.

Ответственные исполнители: члены совета Л. Г. Глатенок, В. В. Горшкова, Т. В. Кардаш.

Евстафьева (Лаврова) Надежда Николаевна

Я родилась в лагере 29 сентября 1943 года. Нашу семью привезли в лагерь № 8 (он находился около поселка Ильинского Олонецкого района) из деревни Осиевщина Ленинградской области.

После освобождения из лагеря нас привезли в Подпорожье, так как деревня Мандроги, где мы жили раньше, была полностью уничтожена. В школу я пошла в 1950 году в поселке Ольховце Подпорожского района Ленинградской области. Помню свою первую учительницу Анну Николаевну Горшкову. Но, к сожалению, воспоминания о ней обрывочны. Гораздо лучше я помню других учителей. Нам очень повезло с преподавателями немецкого языка. За все годы у нас было два учителя по этому предмету — очень яркие личности, знающие, опытные преподаватели, интересные люди. Одной из них была немка Анжелика Германовна Лунтер. Именно под ее влиянием у меня появилась мечта стать учителем немецкого языка.

После окончания 10-го класса я хотела поступать в институт, но жили мы очень бедно, и я пошла работать на завод. Папа к тому времени уже умер, а мама получала очень маленькую пенсию. Старшие сестры и брат уже имели свои семьи. Проработав два с половиной года на заводе, в 1963 году я поступила в Карельский педагогический институт — на факультет иностранных языков.

В 1968 году я окончила пединститут и была направлена в Кондопогу — в школу № 1, где проработала 14 лет. Мне повезло с коллективом — моими коллегами стали прекрасные творческие люди! До сих пор я приезжаю туда как к своим родным, радуюсь каждой встрече с ними и своими бывшими учениками.

В 1982 году пришлось переехать в Петрозаводск по семейным обстоятельствам. Здесь я работала сначала в школе № 5 — ей я отдала 13 лет, а затем еще 14 лет — в Университете МВД России, на заочном факультете.

22 года я была классным руководителем, у меня 4 выпуска: три — после 10-го класса и один — после 9-го.

Заборникова Александра Васильевна

Я родилась в 1928 году. Осенью 1941 года нас насильно изгнали из родной деревни Плотично Ленинградской области, а затем финны вывезли всех в теплушках в Петрозаводск, в концлагерь.

В нашей семье было четверо малолетних детей в возрасте от года до 12 лет. В лагере № 5 нас разместили по баракам — 11 человек в маленькой комнате. Выдавали голодный паек.

В 1941–1942 годах больше половины людей умерли от голода.

12–15-летних подростков учили плести лапти. Они работали почти сутками, а потом их под конвоем водили в город — на работу на слюдяную фабрику. В лагере лютовал финский палач Вейкко, который не расставался с заветной плетью. Этой плеткой он постоянно охаживал всех, кто попадался ему на пути.

В 1944 году из концлагеря нашу семью привезли в только что освобожденный Кингисепп и устроили в бетонных блиндажах-подвалах на Романовке.

В этом же году я отправилась в 6-й класс. После окончания средней школы поступила в педагогический институт имени Герцена в Ленинграде.

Я училась на факультете физической культуры, а потом закончила еще и математический. После окончания факультета физкультуры работала в Ивангороде, а потом перевелась в Кингисепп, в родную школу, где работала 5 лет учителем.

Здесь я вышла замуж. Мужа направили на Урал, в Златоуст, и я поехала вместе с ним. В родные места мы вернулись лишь спустя 4 года — в 1960 году. В Нарве я работала в школе № 7 преподавателем, а последние 10 лет — завучем.

Я веду большую общественную работу в Нарвском союзе бывших малолетних узников. У нас есть свое помещение в общежитии. Городские эстонские власти не чинят никаких препятствий, а стараются помочь своим ветеранам.

Сегодня более 90 % семидесятитысячного населения Нарвы — славянское население.

А. В. Заборникова

Зинкова Екатерина Федоровна

Е. Ф. Зинкова

Я родилась 9 августа 1933 года в селе Гежесельга Ленинградской области. В 1941 году пошла учиться в первый класс, а в октябре деревню заняли финны. Второго октября всех жителей села вывезли в Петрозаводск, в том числе и нашу семью — трех сестер, брата и маму. Поселили нас в Петрозаводске, в четвертом лагере, в бараке на улице Кузьмина. Потом перевели в шестой лагерь на Перевалке, затем — в третий лагерь на улице Ригачина (улица Болотная в то время), где и застало нас освобождение 28 июня 1944 года.

Затем мы учились в школе № 8. Директором тогда работала Л. Г. Полякова. Моей первой учительницей была Мария Михайловна Русанова. Окончив 7-й класс, я поступила в Петрозаводское педучилище и была направлена в Суоярвский район учителем начальных классов и пионервожатой.

В 1956 году я вышла замуж, переехала в Великую Губу и работала там в средней школе. Одновременно училась на заочном отделении факультета географии Карельского пединститута, который окончила в 1961 году. Преподавала в 29-й и 30-й школах. На пенсию вышла в 1989 году.

Награждена почетной грамотой за многолетний добросовестный труд и медалью «Ветеран труда». Воспитала хорошего сына (мастер спорта по биатлону), есть внук. Сейчас я живу одна, являюсь инвалидом второй группы.

Иванова (Ошукова) Фаина Васильевна

Нашу семью — маму, сестру и меня — зимой 1941–1942 годов вывезли из деревни Любосельги, которая находилась в 6 километрах от Сенной Губы, Медвежьегорского района.

Мне тогда было всего 5 лет. Нас повезли на грузовой машине через Онежское озеро. По пути одна из машин ушла под лед вместе с людьми. Нас привезли в окруженный колючей проволокой лагерь № 6 в Петрозаводске и поместили в комнате, где уже жили 20 человек.

Ф. В. Иванова

С первых дней нас морили голодом: дневной паек состоял из 3 галет. Дети быстро ослабли, я могла только лежать. Взрослые работали в городе. Когда они возвращались в лагерь, их обыскивали. И если у кого-то находили еду, сразу же отбирали. Весной мы выкапывали мерзлую картошку, оставленную эвакуированными местными жителями, пекли оладьи на солидоле — масла ведь не было, хлеб пекли из белого клевера и хвои. У нас не было нормальной одежды, мама шила все сама.

В 1944 году нас освободили, и я пошла в школу. Моей первой учительницей стала Клавдия Петровна Лукина.

После седьмого класса я поступила в педучилище, на школьное отделение. Потом окончила факультет иностранных языков Карельского пединститута и работала учителем английского языка в средней школе Кемского района.

В 1966 году вернулась в Петрозаводск и работала в школе № 14. Наша школа стала учебной базой для пединститута и выпускала хорошо подготовленных учащихся. Меня как педагога ценили и награждали неоднократно. Самые большие награды — грамота Министерства просвещения СССР и знак «Отличник народного просвещения». В 14-й школе я проработала 30 лет, а потом 4 года — в лицее № 40. Мои ученики помнят меня до сих пор, приглашают на встречи.

Климшина Галина Александровна

Я родилась 13 мая 1938 года в поселке Великая Губа Медвежьегорского района. В годы войны с мамой и двумя братьями находилась на оккупированной финнами территории, а папа воевал на фронте. Мы пережили очень трудные времена — голод, холод, болезни... Спасибо мамочке Валентине Федоровне Макаршиной, только благодаря ей мы остались живы!

В первый класс я пошла в школу в Великой Губе. К сожалению, не помню, как звали моего первого учителя. В 1948 году мы переехали в Петрозаводск. Там я сначала училась в 11-й, а затем в 8-й школах. В 1957 году закончила 10 классов, а в 1959-м стала выпускницей педагогического училища № 2. Сразу же начала работать воспитателем детского сада — это всегда было моей мечтой.

Г. А. Климшина

Параллельно с работой я поступила на заочное отделение Ленинградского педагогического института имени Герцена, но судьба распорядилась так, что по семейным обстоятельствам не смогла закончить учебу. Отработала я 15 лет, а последние годы трудилась методистом. По состоянию здоровья пришлось уйти с любимой работы. Мой труд отмечен благодарностями, почетной грамотой Министерства просвещения КАССР, медалью «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

По моим стопам пошла дочь Надежда Аркадьевна Йокинен. В 1980 году она закончила художественно-графическое отделение педагогического училища № 2. Шесть лет она работала учителем черчения и рисования в 9-й школе, а затем в течение 4 лет — воспитателем в дошкольном учреждении города Клайпеды в Литве, одновременно обучаясь в педагогическом университете. В 1990 году, переехав в Петрозаводск, продолжила свою педагогическую деятельность в дошкольном учреждении — воспитателем по эстетике. Ее педагогический стаж — 30 лет. За время работы ее много раз награждали почетными грамотами. В 2002 году ее наградили почетной грамотой Министерства образования РФ, в 2008 году — нагрудным знаком «Почетный работник образования РФ».

Очень приятно, что наша династия продолжается и дальше. Мой внук Клим Александрович Климин — студент 4-го курса факультета информатики Карельской педагогической академии. Надеюсь, что он станет отличным специалистом и работа по воспитанию и развитию детей увлечет его и будет ему очень интересна.

Оглядываясь назад, я понимаю, сколько детей мы вырастили и воспитали. И сколько еще научим разумному, доброму, вечному...

Маккоева (Ларькина) Нина Федоровна

Я родилась 19 марта 1937 года в деревне Пертозеро Подпорожского района Ленинградской области. С началом войны отец ушел на фронт. В деревню пришли финны и всех жителей, в том числе и нас с мамой, вывезли в пятый концлагерь города Петрозаводска. Когда барак затопило, нас перевели в третий концлагерь. Отец с войны не вернулся, пропал без вести.

После освобождения города мы остались в Петрозаводске, и я пошла в первый класс женской школы № 1. Помню свою первую учительницу Валентину Ивановну Успехову. Она была доброй, ласковой, но в то же время требовательной.

После окончания седьмого класса я поступила учиться на физкультурное отделение школьного педагогического училища. В 1955 году по распределению уехала на работу в Кондопогу. В 1957 году поступила в педагогический институт, на физкультурный факультет. В 1961 году уехала на работу в Суоярви. Здесь я работала учителем физкультуры и одновременно тренировала девочек в секции художественной гимнастики. Через год меня отозвали в Петрозаводск — для работы в Детской спортивной школе № 1 тренером по художественной гимнастике.

С 1967 года до выхода на пенсию в 1999 году я работала старшим преподавателем на кафедре физвоспитания пединститута. У меня две дочери, которые пошли по моим стопам. Старшая Наталья окончила биологический факультет этого же института, работала учителем химии и биологии в Суоярвской средней школе, затем с 1989 года трудилась в пединституте, на кафедре биологии. После окончания аспирантуры работает в Институте биологии Карельского научного центра Российской академии наук в должности старшего научного сотрудника.

Младшая дочь Светлана окончила факультет дошкольной педагогики и психологии пединститута. Сейчас она старший преподаватель на кафедре психологии Карельской педагогической академии, готовит педагогов-психологов. Ее хобби — бальные танцы.

Мошин Александр Иванович

Я родился в крестьянской семье 17 января 1927 года в деревне Завьялово Деригузовского сельсовета Заонежского района (ныне это село Шуньга в Медвежьегорском районе).

В 1934 году поступил учиться в первый класс Шуньгской семилетней школы. В классе было 40 учащихся. Нашей первой учительницей была Полина Михайловна Филина, родом из соседней деревни Большой Двор. Я рос без отца и матери, жил с бабушкой и бабушкой. Зная это, Полина Михайловна уделяла мне особое внимание, но я не был ее «любимчиком». Я учился на «отлично», помогал Полине Михайловне, занимаясь с отстающими учениками. В шестом классе моими любимыми учителями были преподава-

тель литературы Александр Петрович Коренной и преподаватель рисования художник Владимир Павлович Тервинский. Около года они учили нас, а потом ушли воевать на фронт.

С ноября 1941 года по июнь 1944 года я находился на территории Заонежского района, оккупированного финскими захватчиками. Приходилось очень много работать.

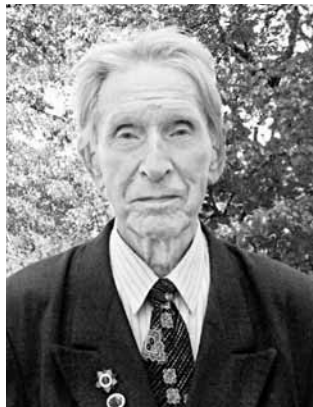
Летом 1944 года после освобождения Заонежского района от финских захватчиков я был призван на фронт. Домой вернулся из госпиталя инвалидом войны второй группы.

С конца 1945 года работал в колхозе счетоводом на сенопункте, заведующим Шуньгской избой-читальней. В течение трех лет, с 1946 по 1949 год, я учился в седьмом классе Шуньгской вечерней школы рабочей молодежи (в связи с отсевом учащихся седьмой класс дважды закрывали).

Директором Шуньгской семилетней школы была Александра Ивановна Латакова, которая более двух лет находилась в финском концлагере. Она делала все, что могла, для того чтобы молодежь получила образование. Школа работала в тяжелых условиях: не хватало помещений, учителей, учебных пособий. Наш седьмой класс вечерней школы занимался в третью смену — с 19 до 23 часов, а иногда и дольше.

Благодаря своим учителям я получил хорошее образование в дальнейшем — окончил отделение рисования и живописи Всесоюзного дома народного творчества имени Н. К. Крупской в Москве, Петрозаводский архитектурно-строительный техникум, Петрозаводский государственный университет, где получил специальность «историк, преподаватель истории».

Месяц я находился на практике в третьей вечерней школе рабочей молодежи (ОТЗ) в Петрозаводске, где преподавал историю СССР. Мечтал посвятить себя преподавательскому делу. Но судьба распорядилась по-своему: меня забрали на руководящую профсоюзную работу, где я трудился 24 года. Но преподавательскую деятельность я не забывал. Окончил пропагандистский факультет (по кандидатскому минимуму) Петрозаводского вечернего университета марксизма-ленинизма. Читал лекции на курсах областного Совета

А. И. Мошин

профсоюзов, на предприятиях и в организациях республики, в вечернем университете марксизма-ленинизма.

Среди моих родственников тоже были учителя. Это Александра Петровна Галашкина (Качалова) — моя двоюродная сестра по матери. До войны она окончила педагогическое училище и до выхода на пенсию проработала в семилетней школе в селе Шурецком у Белого моря. Она заслуженный учитель Карельской АССР.

Мурмилло (Старицына) Валентина Арновна

Я родилась 12 марта 1944 года в лагере № 5. Привезли нас в лагерь из деревни Старицы Ленинградской области.

После войны мы жили очень бедно, неустроенно, в том же бараке еще 18 лет. Я училась в железнодорожной средней школе № 9. Моей первой учительницей стала Анна Федоровна Аббакумова. Она была прекрасным педагогом и очень добрым человеком. Подражая ей, я поступила в Карельский педагогический институт. После его окончания меня направили в Лоухский район — в Тунгозерскую начальную школу. В поселке учителей ценили как дети, так и родители.

Отработав три года, вернулась в Петрозаводск, правда здесь работы для меня тогда не нашлось. Но в Сулажгоре открыли школу-интернат № 23 для слепых и слабовидящих, и меня приняли на должность воспитателя. Я работала с 1-го по 12-й класс, «росла» вместе со своими ребятами. Мне везло с ними: любознательные, активные, во многих школьных конкурсах занимали первые места. Со многими своими учениками до сих пор держу связь, а с некоторыми общаюсь через Интернет.

Проработав 31 год, я вышла на пенсию, мне было присвоено звание «воспитатель-методист». А в 1994 году я получила звание «Заслуженный работник народного образования Карельской АССР».

В. А. Мурмилло. 2022

Полянская Евгения Николаевна

Детство мое, как и у многих моих ровесников, было опалено войной. Мне было 5 лет, когда началась война. Село Важины Подпорожского района Ленинградской области подверглось обстрелу. Баржа для эвакуации жителей не взяла нас, потому что

Е. Н. Полянская с мамой и братом. 1946

предыдущая была обстреляна. Оставшиеся в селе люди ушли в лес, дома в селе горели от взрывов. Холод, голод заставили людей вернуться в еще оставшиеся полуразрушенные дома.

Финны, видимо, этого и ожидали. Всех людей из села принудительно стали вывозить в Петрозаводск. Здесь нашу семью — я, брат и мама — поместили в концлагерь № 2, который «славился» своим жестоким режимом. На территории лагеря не было ни лебеды, ни крапивы — из-за голода вся трава была съедена. Мы трудились от зари до зари, работа была изнурительной. Детей заставляли плести лапти, корзины, крыть крыши дранкой. Взрослые же работали в лесу.

В поисках еды многие ходили под проволоку. Тех, кто попадался, жестоко избивали. Много людей умирало в лагере — не могли выдержать в таких условиях. Детей в лагере водили учиться в школу под конвоем. Я в первый класс пошла уже после освобождения.

В 1954 году окончила 10 классов девятой железнодорожной школы и поступила в педагогический институт — на отделение математики и черчения.

Педагогом работала более 30 лет. Все эти годы я старалась отдавать своим ученикам душу и сердце, и они платили мне тем же. Вот уже много лет я на заслуженном отдыхе, но связь с моими учениками сохранилась, и я этому рада. И еще очень рада тому, что стала заниматься педагогической деятельностью. За доблестный труд меня наградили медалями «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и «Ветеран труда».

Мой путь учителя — трудный путь, но мои благодарные ученики радуют и окрыляют меня даже сейчас.

Посудневская Светлана Анатольевна

Я родилась перед войной в городе Петрозаводске. Мой отец Анатолий Суханов с первых дней войны ушел на фронт — защищать Родину. Меня вместе с мамой и 7-летним братом Виктором эвакуировали, и в ноябре 1941 года мы оказались в деревне Космозеро Заонежского района.

В декабре 1941 года Заонежский район был оккупирован финскими войсками. В Космозере находился концлагерь № 8047 для местного населения, сюда нас и определили. Здесь мы жили под конвоем до освобождения Заонежья (до 19 июня 1944 года). Все это время мама работала на строительстве дороги Терехово – Великая Губа, а я, маленькая, оставалась с братом.

Мой отец дошел до Берлина и вернулся с Победой, награжден многочисленными медалями. В декабре 1945 года он приехал за нами в Космозеро, и мы вернулись в Петрозаводск.

В 1947 году я пошла в первый класс школы № 8. На протяжении учебы в школе постоянно принимала активное участие в общественной жизни класса и школы: была звеньевой, членом совета отряда, выполняла общественные поручения. В 1957 году я закончила Петрозаводскую среднюю школу № 25 и поступила в Карельский педагогический институт, на физмат. В институте тоже была активисткой: 2 года возглавляла культурно-массовый сектор, принимала активное участие в спортивной жизни. В 1962 году меня направили учителем физики и основ производства в Вяртсильскую среднюю школу Сортавальского района. Там я вышла замуж, а через пару лет по семейным обстоятельствам вернулась в родной Петрозаводск.

С сентября 1964 года я работала в Школе рабочей молодежи (ШРМ-21) станции Петрозаводск Октябрьской железной дороги. В 1966 году по семейным обстоятельствам уезжала в Пудож, где преподавала физику и астрономию в Пудожской школе рабочей молодежи. В 1970 году я опять вернулась в столицу Карелии и снова стала преподавателем ШРМ-21, но, помимо этого, выполняла ответственные общественные поручения.

В сентябре 1978 года меня перевели в Петрозаводский техникум железнодорожного транспорта преподавателем физики. Сейчас техникум переименован в колледж, более того — это филиал ПГУПСа, и я счастлива, что уже 32 года работаю в этом прекрасном учебном заведении. И хотя я не потомственный учитель, но в нашей семье преподаватели тоже есть. Две мои племянницы работают учителями: одна — физик, вторая — филолог.

Спиридонова (Максимова) Лидия Николаевна

В январе 1942 года наша семья была вывезена из Кижей, через Онего, в лагерь № 1, а через два месяца переведена в лагерь № 3 города Петрозаводска.

За колючей проволокой семья провела 2,5 года. Все это время голод был самым страшным врагом, который ежедневно уносил десятки жизней заключенных. Смерть посетила

и нашу семью: умерли младшая сестра и два двоюродных брата.

В июле 1944 года мы возвратились в родную деревню Ерсенево, что в полутора километрах от острова Кижы, но и здесь первые месяцы мы голодали. Выручали лепешки из травы, соединенной с «мукой» из древесины. А когда созрели ягоды, грибы да стало можно удить рыбу — пришло спасение от голода.

С 1946 по 1953 год я училась в Жарниковской семилетней школе. Получив семилетнее образование, в 1953 году я поступила в Петрозаводское педучилище, на физкультурное отделение. В 1957 году закончила его, получив профессию учителя физическо-го воспитания.

Быть учителем было моей мечтой с детства. По распределению меня направили работать в Пудожский район, в село Шала — в Заводскую среднюю школу. Там я отработала 6 лет, а с 1963 года — 19 лет в Сунской средней школе. В общей сложности мой педстаж составил 25 лет. За работу в школе имею благодарности, грамоты. Награждена медалью «Ветеран труда».

Мой брат Виктор тоже был педагогом, его педстаж — 36 лет (брат умер в 1999 году).

В настоящее время учителем работает моя дочь — она преподает в школе села Янишполе (ее стаж — 26 лет). Ее работа отмечена грамотами и благодарностями, а в сентябре 2009 года ее наградили медалью «Почетный учитель общего образования РФ».

В Карельском кадетском корпусе работает воспитателем моя внучка — Анастасия Мазаникова.

*Л. Н. Спиридонова с дочерью Людмилой.
2000*

Стоянова Таисия Ивановна

Я родилась 9 октября 1929 года в деревне Плотично Подпорожского района Ленинградской области. Здесь окончила 4 класса начальной школы, была отличницей, вступила в пионеры.

Началась война. Закончилось мое счастливое детство. Финские оккупанты с боями заняли нашу деревню и большую часть Ленинградской области. В октябре 1941 года большинство населения было вывезено в Петрозаводск — в концентрационные лагеря. Нас поместили в лагерь № 5.

Ужасы лагерной жизни: голод, холод, скученность, болезни, страх, педикулез, — забыть нельзя. Свирипевствовали сыпной тиф, цинга, люди пухли от голода. За первый год нахождения в лагере погибла почти половина населения. Я тоже перенесла сыпной тиф, от цинги кровоточили десны, шатались зубы, ноги пухли, были в кровоподтеках, но я выжила.

Наконец пришло освобождение. Дату 28 июня 1944 года забыть невозможно. Но с радостью освобождения наступили трудности жизни. Хотелось учиться в дневной школе, но не пришлось, так как отец погиб, а мать в 58 лет была нетрудоспособной.

Пришлось идти работать, а учиться я продолжала в вечерней школе. Восемь часов я находилась на работе, а вечером шла в школу. Училась с пятого по десятый классы в вечерней железнодорожной школе рабочей молодежи № 1. Школу окончила без «троек» и в 1950 году была принята в Учительский институт без вступительных экзаменов. По окончании института меня направили работать в Заводскую среднюю школу в поселок Шала Пудожского района, где я проработала 23 года.

В 1975 году вместе с мужем мы переехали в Петрозаводск. Я сразу стала работать в 28-й средней школе, а после получения квартиры перевелась в 39-ю среднюю школу, где работала до выхода на пенсию. Уже имея двух маленьких детей, в 1960 году поступила на заочное отделение педагогического института и в 1964 году окончила его.

До поступления в учительский институт работала дезинфектором, секретарем-машинисткой, счетоводом, чертежницей. Общий непрерывный трудовой стаж — 36 лет.

За свой труд получила много благодарностей. Меня поощряли путевками в санатории, дома отдыха, экскурсионными путевками на ВДНХ, в Волгоград, круизной путевкой на теплоходе «Циолковский». Награждена значком «Отличник просвещения» и почетной грамотой.

В 1966 году от Карелии меня направили на Всесоюзные курсы совершенствования учителей биологии в МГУ, где профессора преподавали основы генетики, которые раньше не входили в учебники по общей биологии. Очень благодарна за полученные знания и хорошую жизненную позицию многим учителям школы и вузов. Особенно хочется отметить Николая Кузьмича — учителя физики, Марию Федоровну — учителя химии, Елизавету Федоровну — учителя биологии. Особая благодарность моей первой учительнице Любви Андреевне, которая научила читать, писать, мыслить.

Мы с мужем воспитали двух дочерей, которым дали высшее образование. Сейчас они уже пенсионеры, работают и воспитывают своих детей и внуков — наших внуков и правнуков.

С мужем мы отметили 55-летний юбилей совместной жизни.

Педагоги из семьи Соболевых

Из воспоминаний Клавдии Александровны Нюппиевой (Соболевой)

Из нас, шести дочерей Александра и Степаниды Соболевых, четверо — педагоги: Антонина, Раиса, Клавдия, Евгения.

До войны семья жила в деревне Рим Вырозерского сельсовета Заонежского района Карелии. Наша школа находилась в Кузаранде. К началу войны Мария (1927 г. р.) закончила 6 классов, Антонина (1930 г. р.) — 3 класса, Раиса (1932 г. р.) только пошла в школу.

Я, Клавдия (1935 г. р.), и Евгения (1938 г. р.) еще не учились, а самая младшая, Эльвира, родилась уже во время войны — в сентябре 1941 года. Отец в 1941 году воевал в Пряжинском и Тунгудском истребительных батальонах, затем с марта 1942-го — на Ленинградском фронте. Пропал без вести в декабре 1944 года.

Мать вместе с детьми финны-оккупанты вывезли из Рима. Сначала в деревню Терехово в Заонежье, а в 1942 году — в концлагерь № 6 на Пере-

*Сестры Соболевы (слева направо):
Раиса, Клавдия, Антонина. Олонецкий
детский дом. 1950*

*Антонина Кудрявцева
(Соболева)*

Раиса Соболева

*Клавдия Ньюппиева
(Соболева)*

валке. Как и все узники, мы терпели муки голода, холода, унижений. У нас с Раисой на двоих была одна пара ботинок, которые отец привез из Петрозаводска в 1940 году.

Антонина в 12 лет трудилась в мастерской, плела поделки для финнов, Мария носила воду в баню, а потом работала на лесозаготовках в 14-15 лет. Когда в декабре 1943 года оккупанты открыли школу в концлагере, учиться пошла Раиса. Получала оценки «10» по финской системе.

После освобождения Петрозаводска Мария и Антонина поехали с эвакогоспиталем на Дальний Восток. Младшие, оставшись сиротами (отец пропал без вести, мать умерла), воспитывались в детских домах: я с Раисой — в Олонецком школьном, Евгения — в Ладвинском дошкольном, а Эльвира — в доме малютки в Сосновце Беломорского района.

Затем четверо из нас — я, Раиса, Антонина и Евгения — оказались вместе в Олонецком детском доме, учились в средней школе № 1. Судьба же Эльвиры до сих пор неизвестна.

Все мы, Соболевы, учились хорошо. Лучшим вариантом после детского дома было направление в педучилище. Антонина и Раиса окончили Петрозаводское педучилище № 1, Евгения — Пудожское. Я закончила среднюю школу № 1.

После учебы, с 1953 по 1954 год, Антонина работала в школе села Леппясюрья Питкярантского района. Потом переехала к мужу в Петрозаводск и работала в школе № 10 учителем начальных классов — до выхода на пенсию по инвалидности в 1985 году. Она рано овдовела, воспитывала сына Владимира, училась заочно в пединституте. Умерла она в 1986 году. Ей было всего 56 лет.

Раиса начинала трудиться в поселке Хелюля Сортавальского района в 1953–1956 годах. Когда ей нужно было выходить на работу, у нее даже не было ни одного приличного платья. Его шили на аванс, выданный директором школы. С мужем-судостроителем она в 1956 году уехала в город Советская Гавань, где работала в школе № 1 учителем начальных классов. Затем их семья переехала в Ленинград, там Раиса с 1959 по 1979 год работала в школе № 387.

За время работы в школе она успела получить и высшее образование, закончив Педагогический институт имени Герцена. С мужем они воспитали сына и дочь. По инвалидности (потеря слуха и зрения) она вышла на пенсию. Ей, к сожалению, не хватило всего 6 месяцев до стажа за выслугу лет.

Евгения закончила Пудожское педучилище, с 1960 по 1962 год работала в школе деревни Васильевский Бор Олонецкого района учителем начальной школы. Затем она поступила в педагогический институт в Петрозаводске, закончила 3 курса, и в 1964 году уехала в Ленинград к мужу. Вместе они воспитали двух сыновей. Еще Евгения работала в Мореходном училище библиотекарем. Умерла она рано — в возрасте 54 лет. Это случилось в 1992 году. Ее смерть — результат тяжелых болезней, причины которых крылись в ужасных условиях лагерного детства.

Я, Клавдия, закончив Олонецкую среднюю школу № 1, в 1954 году поступила в Ленинградский сельскохозяйственный институт. В 1956-м перевелась во Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования города Балашихи Московской области в связи с переездом к мужу — военнослужащему Московского военного округа ПВО.

В 1962 году я закончила институт с красным дипломом. 31 год проработала в Институте биологии КНЦ РАН научным сотрудником, в 1973 году защитила кандидатскую диссертацию. В 1975–1977 годах преподавала биологическую и органическую химию на факультете физического воспитания в Карельском государственном педагогическом институте. В 1980–1981 годах преподавала биологию в среднем училище № 18, совмещая педагогическую деятельность с научной работой.

*Евгения Лебедева
(Соболева)*

К. А. Ньюппиева на защите кандидатской диссертации. Петрозаводск. 1973

Моя общественная работа в Карельском союзе бывших малолетних узников фашистских концлагерей началась в 1989 году и длится до сих пор. К педагогической деятельности можно также отнести чтение лекций по садоводству и огородничеству в российском обществе «Знание».

За добросовестный труд, а также за вклад в патриотическое воспитание и увековечивание памяти жертв концлагерей я была награждена

почетной грамотой Правительства Республики Карелия и медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени. Мне присвоено звание «Почетный гражданин города Петрозаводска».

Учительство — не труд, а отречение,
 Умение всего себя отдать,
 Уйти на долгий подвиг и мученье
 И в этом видеть свет и благодать.
 Учительство — когда в глазах холодных
 Зажжется понимания заря,
 И ты поймешь: старался не бесплодно
 И знания разбрасывал не зря.
 Осыпанный цветным дождем букетов
 И озаренный блеском сотен глаз,
 Прими, учитель, не слова привета,
 А часть души от благодарных нас!

Учитель! Труд твой кропотливый
 С каким трудом еще сравнишь?
 Ты, словно сеятель над нивой,
 Бесценный урожай растишь!
 Ты будто первооткрыватель,
 Ведешь по жизни молодежь,
 Ты в тоннах знаний, как старатель,
 Крупицу золота найдешь!

Проект «Память сердца». Посвящен 70-летию начала Великой Отечественной войны. 2011

Цели проекта. В год 70-летия начала ВОВ проведены мероприятия, посвященные памяти о ВОВ. Надо на примере судеб бывших малолетних узников — участников ВОВ воспитывать чувства патриотизма, любви к Родине у подрастающего поколения. Также целью проекта является проявление внимания и уважения к бывшим малолетним узникам — участникам и инвалидам ВОВ. Организация поездок бывших узников — участников ВОВ и учащих 13-го лица по местам боевой славы.

Задачи проекта. Активизировать жизнь пожилых людей путем привлечения к участию в поездках, встречах с бывшими узниками и молодежью. Сбор материала — воспоминаний бывших малолетних узников о начале ВОВ, оформление альбома о судьбах бывших малолетних узников — участников ВОВ, используя воспоминания и фотоматериалы. Тиражирование, презентация и вручение альбома в торжественной обстановке.

Проведение Уроков мужества в школах города с участием бывших малолетних узников — участников ВОВ. В задачу проекта входит организация поездок участников и молодежи по местам боев в южной Карелии.

Концептуальный подход. Концепцией проекта остаются создание условий, психологического комфорта при общении в совместных акциях, поездках, встречах с подрастающим поколением; повышение престижа бывших малолетних узников — участников ВОВ.

В Карелии, по сведениям на 2011 год, живут 4400, а в Петрозаводске 2100 бывших малолетних узников. Среди них и те, кто после освобождения из концлагерей 17-летними были призваны в армию и успели внести свой вклад в Победу.

Судьбы их похожи. Они прошли учебу в запасном полку, затем участвовали в освобождении советского Заполярья и Норвегии, с боями шли в составе Белорусских и Украинских фронтов до Чехословакии, Польши, Германии, награждены медалями.

Это Е. И. Лахин, П. Г. Юрьев, А. И. Мартынова, Л. А. Орбант, В. В. Симанков, А. И. Мошин, И. А. Чекмарев, О. И. Воскресенская, Е. К. Зверева, М. А. Завьялова и другие. О многих мы не знаем.

Ванина Валентина Николаевна

За колючей проволокой.

То, что я помню и буду помнить

Закончила службу в звании майора милиции. Награждена знаком «Отличник милиции», медалями «Ветеран труда», «За безупречную службу» трех степеней. Когда она была председателем совета ветеранов управления, в организации на учете состояли 80 ветеранов, в том числе: 11 участников Великой Отечественной войны, 6 тружеников тыла, 3 малолетних узника фашистских концлагерей.

В. Н. Ванина

...Перед войной наша большая семья Куприяновых — родители, три брата, три сестры — переехала из Сенной Губы в Петрозаводск — папа получил повышение в должности по службе, обеспечивающей продовольствием воинские части ЛенВО. Еще в раннем возрасте его вывезли в Питер, где он со временем стал приказчиком в мелкой лавке. Три года служил в царской армии, понюхал пороха в окопах Первой мировой войны. В конце 1917 года возвратился в родные края. Работал председателем Сенногубского волисполкома, волостным военным комиссаром. Участвовал в боях с интервентами в Заонежье, командовал партизанским отрядом, сформированным из добровольцев.

Мама — простая крестьянка, все заботы о детях и хозяйстве лежали на ее плечах.

Когда финны стали наступать на Петрозаводск, мы, как и тысячи горожан, предприняли попытки эвакуироваться в Пудож или в Заонежье. Но на полпути были остановлены оккупантами, под конвоем возвращены в Петрозаводск и заключены в шестой концлагерь. Пять лет было мне тогда, я была самая младшая в семье.

Угрюмые, серые, невзрачные двухэтажные бараки, вытопанный сотнями ног двор без единой травинки, постоянно изнуренные, сумрачные лица женщин, детей, стариков. И вокруг колючая проволока, вышки с автоматчиками. Таким запомнился лагерь.

Ютились мы всемером в одной камере без кроватей, стола, табуреток, электричества. Летом в ней не хватало воздуха, нечем

было дышать, зимой едва спасались от холода. И это притом что тяжело заболела наша мама. Она долго не поднималась и, обессиленная от голода, умерла, похоронили ее в Песках.

Насколько помню, мне тогда постоянно хотелось есть — и днем, и ночью, в любое время суток. Скучной пайки, состоявшей из ложки муки, галет, не хватало. Мама, старшие братья и сестры знали это и подкармливали меня тем, что было.

Дети, рискуя жизнью, много раз убегали за колючую проволоку в город. Финские солдаты около своих кухонь иногда делились с ними обедками. Бывало, ребятам попадало за это. Их жестоко избивали. Но голод вновь заставлял их рисковать и гнал под колючую проволоку.

Голод усугублялся болезнями. Особенно цингой. Признаки ее испытала и я. Но до большего дело не дошло. Помогли смелые женщины. Подвергая себя опасности, они ходили под «колючку» в лес — на старую лежневку за малиной. Все витамины! Лечили ею своих детей и делились только с надежными (чтобы не выдали) знакомыми земляками, переносившими вместе с ними тяготы лагерной жизни.

Так тянулись месяцы и годы. Мы ждали своих освободителей, и они пришли 28 июня 1944 года. Накануне в небе Петрозаводска появились советские штурмовики. Одним из первых их увидел мой брат Сева.

— Наши, наши летят! — радостно кричал он, собирая заключенных.

Охранники лагеря со зверским обличем не простили ему этого. Они на глазах у членов семьи, собравшихся людей положили брата на скамью в пропитанной солью простыне и избili резиновыми плетками. Сева на всю жизнь остался инвалидом.

...После освобождения из лагеря мы оказались в детском доме (на Кукковке) и находились там до 1945 года. До тех пор, пока не вернулся с войны отец. Он сам нас разыскал. Начались новые трудности и новые испытания. Но после пережитого они уже не казались особенно суровыми. Правда и сейчас, спустя многие годы, вспоминая страх, голод, унижения, ощущаю дыхание того времени.

P. S. Валентина Николаевна — человек большой и богатой судьбы. Работа в системе МВД, куда она пришла из комсомола, — славная страница ее биографии. Но, наверное, немногие знают, что в лагере для малолетних узников был ее будущий муж Юрий Петрович Ванин. Вот как описывает эту историю известный поэт Карелии Иван Алексеевич Костин в книге «Судьба».

Не покупай мне, милый, розы...

Удивительную историю своей любви и начала семейной жизни рассказывал мне журналист Юрий Ванин. Со своей женой Валентиной он познакомился в 6-м лагере. Родители детей, которым было по 4-6 лет, оказались в соседних комнатах барака. Семью Валентины, Куприяновых, привезли сюда из Сенной Губы.

Ванины — тоже заонежане, но в предвоенные годы жили в городе. Прошли годы, и дети, ставшие молодыми людьми, вновь встретились под одной крышей. Оба они работали в аппарате Карельского областного комитета комсомола. Разговорились и выяснили, что они не просто земляки, а три года плененного детства провели под общей крышей лагерного здания. Потерянное детство, где не было места даже простейшим деревенским играм (если прятки от охранников можно было отнести к игре), а теперь уже и общие взрослые устремления сблизили их и подружили.

Никому еще не удавалось подсмотреть, как раскрывается трепетный цветок любви. И когда Юрий впервые преподнес Валентине букет роз, она задумчиво-печально сказала:

— Спасибо, милый, но их стебли с шипами напоминают мне колючую проволоку...

Мог ли человек, пишущий стихи, пройти мимо такого неожиданного и потрясающего образа. И уже в тот же вечер у меня стали рождаться такие строки:

Не покупай мне, милый, розы.
Ты должен помнить, что они
Способны вызвать только слезы,
Лишь вспомню лагерные дни.
Мне их шипы — ты знаешь лучше —
Напоминают до сих пор
Ряды натянутых колючек,
На нас глядевшие в упор.
За ними простиралась воля
Во всей немыслимой красе.
Ты принеси мне лучше с поля
Букетик в солнце и в росе.

В свой сборник стихов, который вышел в 2002 году, И. А. Костин включил это стихотворение с посвящением: «Супругам Юрию и Валентине Ваниным, бывшим малолетним узникам фашистского концлагеря в городе Петрозаводске».

Жукова Алевтина Степановна

Я родилась в деревне Хевроньино Подпорожского района Ленинградской области 28 июня 1929 года.

В 1941 году началась война, я закончила к тому времени 4 класса, изучала военное дело. С июня до сентября мы были дома. Последней баржей мама с детьми уехала в эвакуацию, а я осталась, чтобы гнать корову вслед за баржей. Дошли до Плотичного — 25 километров. Там встретились с мамой и ребятами. Дальше нас не пустили, так как близко были финны. Мы вернулись обратно по течению на лодках. Через две недели со станции Свирь пришли финны, подогнали вагоны, погрузили всех и везли нас неделю. Люди умирали.

Привезли в Петрозаводск — в 5-й концлагерь. Поселили в комнате 13 человек. Жизнь была трудной, из семьи трое умерли в лагере. У меня и брата брали кровь для раненых финнов. Нас заставляли работать: мы плели корзины, кошело, лапти. Я работала во время карантина по тифу нянечкой, смотрела за детьми. В ночное время бегала под проволоку за питанием, хотя это запрещали под угрозой расстрела. Братишку за это били плеткой и даже маму. Из-за этого битья мама потеряла рассудок. Так мы пережили войну.

После освобождения я была мобилизована на ремонт дорог и аэродромов. Затем в 1946 году я поселилась в родном доме в Хевроньино. Работала на Свирском каменном карьере рабочей, мы добывали камень для восстановления Ленинграда.

В 1953 году приехала в Петрозаводск, училась в вечерней школе. Работала в Строймеханизации машинистом кран-балки до выхода на пенсию в 1984 году. Награждена почетными грамотами и медалью «Ветеран труда», юбилейными медалями в честь Победы.

А. С. Жукова

Ильюкова Ольга Михайловна

Я родилась в 1910 году. О начале войны услышала по радио, а позднее от мужа, он уже знал, но не хотел меня раньше времени расстраивать.

Наша семья жила в городе Петрозаводске, в доме на шоссе 1 мая (напротив 9-й железнодорожной школы), с другой стороны,

через дом — железнодорожный вокзал, ныне товарная станция. Этот стратегически важный и уязвимый район все время подвергался вражеским налетам.

Рядом с нашим домом располагались народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и три бомбоубежища, куда мы каждый раз бежали после объявления по радио воздушной тревоги.

Город срочно эвакуировали, это было на моих глазах, а муж Павел Ильич Ильюков был оставлен по броне для организации эвакуации через станцию Сорокская (город Беломорск).

Я выехала из города в самый последний момент, на дрезине, поезда уже не ходили, к родителям и детям, которых отвезли в деревню Шангостров Подпорожского района Ленинградской области в конце августа 1941 года.

В колхозе не дали никакой подводки, чтобы доехать до реки Свири и далее вглубь страны. И нам с малыми детьми пришлось уйти в лес за 3 километра, к нам присоединились еще семьи, приехавшие из города к родным в деревню. Мы взяли с собой корову, установили шалаши, через две недели закончилась еда, женщины пошли в поле накопать картошки, там их обнаружила финская разведка.

Под конвоем всех вернули в деревню, где я в октябре родила двойню, а в декабре нас товарным эшеленом со станции Токари привезли в город Петрозаводск и заключили в 5-й лагерь, в барак № 42 недалеко от проволочного ограждения лагеря. Из окна дома были видны наблюдательные вышки и железная дорога.

1942 год и половина 1943 года для семьи были очень трудными, все болели, были сильно истощены. В 1942 году умерла мама Клавдия Ефремовна Дегтярева, в конце 1942 года и начале 1943 года не стало моих девочек-двойняшек. Из семи человек в семье трое умерли от голода. Через непродолжительное время после того, как не стало младших детей, мне приказали выходить на работу.

Под конвоем в 8 утра нас уводили, а в 6 вечера мы возвращались в лагерь. Трудились на разных работах, потом меня определили убирать казарму финских солдат, носить дрова для топки печек. Работы было много, но была возможность взять с собой объедки или остатки солдатской еды, которыми я делилась в лагере с соседями по бараку, это помогло выжить.

О. М. Ильюкова

В 1942 году были частые обыски, говорили, что ищут партизан. При поиске партизан отбирали все, что плохо лежало (последнюю катушку ниток, последний кусок мыла или понравившуюся вещь). В бараке нас заедали клопы и вши, несмотря на то что велась санитарная обработка, с клопами окончательно справиться не удавалось.

Большим испытанием были парилка и жарилка. Истощенному человеку, особенно детям, было трудно переносить жару до 100 градусов. Унижала человеческое достоинство помывка в общей бане наголо остриженных мужчин, женщин и детей.

После отступления финской армии узники бросились резать проволоку и побежали к складам. 27 июня 1944 года вечером на ограждении колючей проволоки был убит Виктор Гришин, ему было 17–18 лет.

В первые две недели после освобождения города я работала на складе топлива — снабжали дровами паровозы, в том числе и первый пришедший в Петрозаводск поезд. Через две недели вернулся из Беломорска мой муж Павел Ильич. Я перешла на работу в Петрозаводское отделение Кировской железной дороги, где работала до рождения сына Александра курьером...

Не имея образования, всю жизнь трудилась на разных физических работах. Преодолевала все трудности семейной жизни, чтобы обеспечить для семьи еду, одежду, создать уют в доме, все это было на моих плечах.

С 1945 по 1948 год занималась «бизнесом» — из овса делала толокно, дочь Ленина продавала его, а дед Михаил Васильевич ее охранял. Жизнь закалила, прожила я 100 лет.

Лахин Евгений Иванович

Накануне Великой Отечественной войны советское правительство приняло постановление — углубить реку Свирь, а для этого построить на ней плотину. В результате жителей части деревень, в том числе и той, где жил Женя Лахин с мамой и двумя сестрами, где был похоронен его отец, переселили. Их семью да и всех жителей окрестных деревень со скарбом, скотом, колхозной техникой повезли под Выборг. Не успели толком обжиться — грянула война. Граница была в 30 километрах, пришлось быстро двигаться в сторону Ленинграда.

5 сентября в Дубровке на Неве погрузились на баржи и поплыли. Но прилетел бомбардировщик с черным крестом на крыле, сбросил бомбы. Баржа, на которой была семья Лахиных, раскололась на две части. Взрывной волной людей выбросило в воду.

Лахиным повезло: выплыли на берег, правда, одну из сестер ранило. Для спасшихся прислали пароходик, и они поплыли в сторону Вытегры. Пароходик шел по Свири, до Вознесенья оставалось два часа ходу, и тут показались родная деревенька, еще не затопленная, пристань... и три финских танка с крестами. Один дал предупредительный залп, и пароход был вынужден причалить. Дома в деревне оказались разобранными, людей повели в бараки, где когда-то жили заключенные. Не было ни одежды, ни хлеба. Морозы крепчали.

В один из дней пришел финский офицер и скомандовал:

— Финны, карелы, вепсы, отойдите в сторону. Вас перепишут, вы наши братья...

Остальных посадили в товарные вагоны, закрыли на замок и привезли на станцию Голиковка в Петрозаводске.

— 2 января 1942 года. На улице — мороз, — вспоминал Евгений Иванович. — Под конвоем нас отвели в концлагерь за колючей проволокой на улице Калинина. В бараке были выбиты окна, но стояла печь-голландка. Окна забились досками. Спали на нарах. Два раза в день под конвоем нас водили за ворота за водой. Это был самый страшный год.

Я изучил движение часовых, пролезал под колючую проволоку и выходил на улицу Варламова. Собирал пищевые отходы на помойках, выпрашивал у финских солдат остатки пищи, мыл котелки.

Вскоре нас перевели в концлагерь номер 6 на Перевалке. Лагерникам на день давали стакан муки. От голода стали умирать семьями. Мою сестру направили в Ую чистить рыбу. Она стала привозить рыбины головы, хвосты, плавники. Варили суп.

Финн Тойво руководил командой по захоронению умерших лагерников на кладбище в Песках. Я просил его взять меня в команду копать могилы. На кладбище он каждому отмерял норму: выкопать траншею шесть на два метра. Я был пареньком покрепче и норму выполнял быстрее. Хотел помочь другим, но финн не разрешал. Тойво позволял мне бегать на озеро, собирать в лодках рыбешку.

...После освобождения от оккупации в июне 1944 года в 17 лет началась солдатская эпопея Евгения Лахина.

Сначала три недели жили в казармах в Петрозаводске, учились стрелять из старых винтовок и колоть штыком чучела. А потом солдатам выдали сухой паек, каски, посадили в вагоны, и они поехали на север, в Кандалакшу.

Евгения определили в 70-ю отдельную морскую бригаду. Туда отбирали тех, у кого образование было не ниже 7 классов. Командир, сержант Спиридонов, был строг:

— Матом не ругаться, не курить, водку не пить!

Ротный мичман тоже любил порядок, сам всегда был подтянут, выбрит, «наодеколонен». Он всем выдал по две пуговицы, иголки и нитки. Солдаты после боя должны были проверить, все ли пуговицы на месте. То ли эта дисциплина, то ли везение помогли Евгению Лахину, только он, пройдя через мясорубку войны, остался жив. На севере в одном из рейдов в тыл врага ему пришлось прикрывать товарищей. Командир подозвал его и сказал:

— Сынок, ты одинок, у других солдат — семьи, дети. Останься здесь с пулеметом. Если засекут нас немцы, ты прикроешь огнем.

Двое суток пролежал он в тундре, пока не услышал крики — свои возвращались.

На юге, куда в конце войны перебросили его морскую бригаду, после прорыва к заводу «Шкода» в Чехословакии в их роте осталось 80 человек. Тогда его избрали комсоргом роты, через несколько дней Евгения сильно контузило, но он остался в строю.

В другом бою он, как комсорг, получил приказ поднять бойцов в атаку. За командира роты был в боях за город Моравска Острава.

9 мая 1945 года встретил в госпитале — в последние дни войны получил ранение в ногу. За ратные подвиги Евгений Иванович Лахин награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Славы III степени, двумя медалями «За отвагу».

Но порой он вспоминал не ратные подвиги, а то, как по дороге с севера на юг их эшелон остановился в Петрозаводске.

— Стоянка — 30 минут, к матери не успеть. Вышел на перрон, у водокачки пленный финн колет дрова. Я говорю ему, что сидел в финском концлагере в Петрозаводске. Он испугался. А я махнул рукой и отошел...

В апреле 1945-го в Чехословакии в одном из окопов Лахин подобрал раненого немецкого офицера. Свои его бросили.

— Вы меня расстреляете? — спросил он у лейтенанта, который его допрашивал.

А тот ответил:

— Мы не варвары. Тебя отправим в тыл. Ты учитель и будешь учить немецких детей гуманности и справедливости...

Е. И. Лахин

Логинов Владимир Николаевич

Семья у нас была большая, многодетная. В 1941 году началась война. Старших братьев взяли на фронт, и старшую сестру с мужем тоже призвали в армию. Нас осталось пятеро малых с мамой и двое малышей с невесткой. Нужно было уходить из дома — эвакуироваться. Отца на войну не взяли (оставили по брони или был ранен). И вот мы покинули родной дом. Добрались до Олонца, где отца остановили по работе. Сказали, что догонит нас в дороге. С собой мы вели двух коров.

В. Н. Логинов

Первые воспоминания — когда мы очутились в Лодейном Поле или в Важинах. Помню, город бомбили вражеские самолеты. На перекрестке дорог стояла регулировщица и кричала:

— Машины на передовую — направо, беженцы — в лес. К домам не прислоняться, уходить быстрее в лес.

Ну тут мы и попали в поток беженцев. Первую корову потеряли раньше, а вторую забрали солдаты. Написав какую-то бумажку, сказали:

— После войны получите корову.

В этом потоке мы потеряли отца. Впоследствии нам сказали, что он не переправился через реку и был возвращен назад. Вернулся домой один. А мы оказались в Вологодской области. С этого момента и до смерти мамы почти не помню ничего. Мы все болели, в 1942 году, в апреле, от водянки умерла мама, мне было уже около 6 лет.

Брат Василий пас деревенских коз. Деревня была небольшая, покинутая мужиками, дома были заброшены, и нам достался чей-то большой дом. Нас было 10 человек. Мужиков — никого, один Василий 12-13 лет. И мы, как «котятка», остались жить кучей. А как жили, один Бог знал. Русского языка мы, карелы, не знали.

Узнав об освобождении Видлицы, решили вернуться домой. Ведь наш дом уцелел. И вернулись на Родину в октябре 1944 года. Пережили кучей зиму в своем доме. В Видлице те карелы, кто остался под финнами, жили хорошо. Финны карелов не трогали и к тому же давали прожиточное довольствие. В мае 1945 года кончилась война.

Нам пришлось с сестрой Шурой пойти в детдом. Благо детдом образовался в Видлице. В детском доме мы пробыли недолго, его просто-напросто закрыли, а детей-сирот расформировали кого

куда. Подростков постарше просто отправили работать, тогда брали детей на работы. А младшего возраста детей распределили по другим детдомам.

Ну и я стал работать когда где. Первые работы я помню: в лесничестве жег сучки, затем строили мостики по Большегорской дороге, глину месили, кирпичи делали у Политова — для топок на комбинате. В Видлице был мебельно-пилорамный комбинат. И вся молодежь того времени была охвачена работой на этом комбинате. Все жители близлежащих деревень трудились там. Работа шла в 3 смены по 8 часов. Ну и я подрастал: зимой ходил в школу, летом на заработках — на сплаве леса и комбинате...

Максимихин Иван Герасимович

Родился я в деревне Наволок в 1933 году. В 1941 году пошел в 1-й класс, но учился недолго, так как финны были очень близко и все жители деревни ушли в лес. В шалашах прожили около месяца. Мать уговорила отца пробираться к своим. Собрали в дорогу кое-какой скарб, но решили переночевать в деревне.

...С утра впрягаем лошадей,
А на дороге уже финны...
Вот так мы все попали в плен,
Наш путь — всех в лагерь, за колючку.
Я помню этот страшный день,
И слезы капаят на строчку.
Нас финны перевозят в Вознесенье,
Здесь лагерь был уже сооружен,
Какие нам здесь предстоят мученья?
Никто не знал, чего он был лишен.

Да, финны погрузили нас в грузовые машины и повезли в Вознесенье, а через некоторое время в Петрозаводск — в 6-й барак лагеря № 3 на улице Коммунистов. Стены в бараке промерзли, с потолка капала вода. Сделали лежаки, набросали одеяла и то, что было из одежды, и спали вповалку. Родителей один добрый человек предупредил, что продукты лучше спрятать, иначе все отберут. А у нас была мука, картошка и мясо. Все попытались спрятать, но утром пришли финны, и староста Кожевников муку забрал. Когда кончились продукты, мама шкуру коровы резала на мелкие кусочки и варила. А финны давали мороженный турнепс. Люди от голода

И. Г. Максимихин

еле передвигались. Летом каждой семье выделили участки земли. У нас было 3 грядки. Мама посеяла лук, картошку, но, когда урожай поспел, все забрали финны.

Мальчишки 12–13 лет пролезали через проволоку и бегали в город, где могли разжиться кое-какой едой. И однажды мы с сестрой тоже решили рискнуть, но, когда пролезали через проволоку, уже возвращаясь в лагерь, чуть не погибли: часовые начали стрелять, пули пролетали так близко, что у меня оторвало кусочек уха. И мама запретила нам рисковать.

За три дня до освобождения города финны бежали. Но катера наши не могли подойти к пристани, так как мужчины в лагере вооружились тем, что оставили финны, и стали стрелять, думая, что это враги возвращаются. Тогда одна женщина, жившая поблизости, догадалась вывесить красный флаг.

Наша семья вернулась в деревню, а я остался с сестрой в городе — надо было учиться. Но голод помешал этому, и я решил вернуться к семье. Отправился я один, а было мне тогда 11 лет. Разговорились на вокзале со стариком, узнал, что он тоже едет в ту сторону. Решили ехать вместе, доехали до Токарей, переночевали у знакомых, а утром пошли пешком, дошли до Остречин. Я почувствовал, что стали отказывать ноги. Старик не стал ждать, когда я отдохну и смогу продолжить путь, а я решил подкрепиться тем, что дали знакомые в дорогу. Сил прибавилось, и я пошел дальше. Обогнал старика и пошел по тропке. Уже темнело, волки выли — было очень страшно. Я увидел вдали строения, но ни одного огонька не было, только дойдя до озера, увидел на другой стороне огоньки. Оказалось, там жили, хоть и дальние, но родственники, и в это время у них была моя сестра. На второй день пришли мы с ней домой.

3-й класс я закончил в 1946 году, но голод давал о себе знать, я был на грани истощения. Врач предложила матери положить меня в больницу. Там меня подлечили, а тем временем в деревню прислали 4 путевки в ремесленное училище. Одна досталась мне. Старшая сестра проводила меня, посадила на пароход. Проучился 3 года в Выборге, потом в Гатчине. После окончания ремесленного училища отправили строить Череповецкий металлургический завод. Потом армия, караульно-патрульная служба. После армии вернулся в Петрозаводск.

Новожилов Виктор Андреевич

22 июня 1941 года мы с братом Василием, только что окончившим семилетнюю школу, решили съездить в гости к старшему брату, который после службы в Красной Армии жил с семьей в селе Винницы и работал в райпотребсоюзе. Мы купили билеты в каюту 3-го класса на пароход «Урицкий», который ходил по реке Свири. Погода была хорошая, ласково грело солнце. Мы поднялись на палубу, любовались окружающей природой и рассматривали пассажиров. К нам подошел молодой красивый моряк, который служил на Балтийском флоте и ехал домой на побывку к родителям. Лицо его сияло, наверное, дома его ждала любимая девушка.

В. А. Новожилов

В 11 часов дня на пароходе включили радио. Пассажиры насторожились. Раздался голос наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова. Он объявил, что сегодня в 4 часа утра фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз. Началась война. Фашистская авиация бомбила наши города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас. Свою речь он закончил словами:

— Наше дело — правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

После некоторой паузы пассажиры заволновались, потянулись к своим вещам, матрос грустно проговорил:

— Прощай, Плотичное! Видимо, не увидать тебя.

Мы покинули пароход и пошли пешком до небольшой деревни Гоморовичи. Самодельный фанерный чемодан был тяжелым, и мы его несли вдвоем на палке. Нам повезло: по пути нас подобрала грузовая машина, и мы без приключений доехали до села Винницы. Брат с беременной женой снимали комнату в частном доме. Днем они работали, а ночью, как боец, брат ночевал в помещении истребительного батальона.

24 июня в селе состоялся массовый митинг в связи с началом войны. На митинге выступил мой родственник Николай Егорович Алешин, в те годы работавший директором Сяргозерской школы. Его выступление было выдержанным, спокойным и обнадеживало людей.

Уже шла мобилизация, грузовики один за другим увозили солдат на фронт, на защиту Родины. Среди будущих солдат и провожающих раздавался плач, но были и бодрые возгласы.

Побыв несколько дней у брата, мы решили вернуться домой. При очередной поездке за продуктами в Лодейное Поле брат отвез нас в поселок Свирьстрой, оттуда 11 километров мы прошли на катере, принадлежавшем карьере в нашей деревне Верхние Мандроги. В деревне уже прошла мобилизация. В колхозе «Красный Октябрь» остались лишь одни старики, женщины, дети и наш отец — лесничий 1887 года рождения.

Были получены распоряжения, подлежащие неукоснительному исполнению: о сдаче населением в органы милиции ружей и радиоприемников, о необходимости затенения окон в период включения освещения, о наклеивании бумажных полос на окна, о засыпке чердаков домов песком на случай бомбежки зажигательными бомбами.

Развернулась работа по сбору драгоценностей, денег в фонд обороны. Колхозу рекомендовали сдавать хлеб государству досрочно и сверх плана.

Враг приближался к Ленинграду. Началась плановая эвакуация населения. Перевоз происходил и по реке Свири. Мимо нашей деревни проходили караваны барж и судов. Некоторые швартовались у пристани, чтобы эвакуированные могли купить у местного населения молоко, картошку, овощи.

Вражеская авиация начала бомбить Нижнесвирскую ГЭС, Осколки снарядов сыпались на территорию деревни.

Наступило 1 сентября. Учащиеся успели проучиться только один день. Школу закрыли. 7 сентября финские войска в районе Нижнесвирской ГЭС форсировали реку Свирь.

Враг приближался к деревне Мандроги. Поступило распоряжение эвакуироваться. Но куда? На чем? Жители нашей деревни ушли в лес, где прожили до конца сентября. Наступили холода. Стали болеть старики и дети. Люди вернулись в деревню, которая была оккупирована финнами. Финские власти распорядились, чтобы в течение трех суток все были готовы к переезду на территорию Карелии. Разрешили взять с собой пару белья и продукты на три дня. В домах оставались скот, птица, имущество. Со слезами и рыданиями женщины покидали деревню.

4 октября 1941 года на грузовой машине нас привезли в поселок Ильинский Олонецкого района и поселили в концлагере № 8, окруженном колючей проволокой и охранявшемся солдатами с собаками.

Закончилось мое детство. Мне было 11 лет...

Совет КС БМУ в Детском фонде. Сидят (слева направо): В. А. Пушкарёв, Л. В. Филиппова, В. И. Иванова, К. А. Нюппиева, Н. Н. Соколова, В. Д. Пигонина, А. Р. Натарьева. Стоят: В. Т. Федотов, В. В. Зачиняева, В. Н. Семенов, Л. П. Макеева, Н. С. Костин, А. Н. Ярицын, А. М. Варухин, Т. Н. Сумкина, Т. В. Кардаш, Е. И. Кекко, Г. М. Чапурина, Н. Е. Шевко. Петрозаводск. 1995

Бывшие малолетние узники и Глава Правительства Республики Карелия В. Н. Степанов (в центре). Петрозаводск. 9 мая 1997 года

Поздравление юбиляров. Слева направо: А. Р. Натарьева, А. М. Варухин, К. А. Нюпциева, Л. В. Филиппова. Петрозаводск. Союз писателей Республики Карелия. 1997

Новогодняя встреча в Доме национальных культур. Петрозаводск. 1998

В музее «Дети войны» лица № 13. Слева направо: К. А. Нюппиева, А. Е. Маклышева, Н. Е. Шевко, В. В. Зачиняева, А. Лайне (Финляндия), Т. Н. Сумкина, О. А. Антоневиц (Лахденпохья). Петрозаводск. 1998

Панихида по жертвам финской оккупации. Петрозаводск. Кладбище «Пески». 11 апреля 2004 года

Члены КС БМУ и бывшие малолетние узники у памятного знака на месте расположения концлагеря. Слева направо: Т. Е. Авксентьева (пос. Ильинский), К. А. Нюппиева, Л. Г. Глатенок, А. Р. Натарьева, Л. В. Филиппова, Н. Н. Соколова, В. А. Политов (пос. Ильинский). Олонецкий район, поселок Ильинский. 2005

Совет КС БМУ в Музыкальном театре Республики Карелия. Сидят (слева направо): Г. М. Чапурина, Л. Г. Кварацхелия, Л. В. Филиппова, Л. П. Макеева, К. А. Нюппиева, Т. В. Кардаш, В. Д. Пигонина, Н. Н. Соколова. Стоят: Н. Е. Шевко, С. И. Зиновьева, Т. В. Шляхтенкова, Е. И. Кекко, В. Т. Пахомов, М. М. Сизова, В. А. Пушкарев, А. Р. Натарьева, Г. Н. Каллистратова, А. И. Мошин, Л. А. Лазарева. 2000

Член КС БМУ Нина Ильинична Багрова на Уроке мужества с учениками 43-й школы города Петрозаводска. 2020

Участники проекта «Память сердца» у памятного знака. Сидят (слева направо): Л. В. Филиппова, Г. А. Климшина, К. А. Нюппиева, В. В. Горшкова, Н. Н. Соколова. Стоят: Р. П. Тимофеева, Н. А. Матюшкина, С. А. Подобед, А. А. Вихко, Л. Г. Глатенок, Д. И. Попов, Л. П. Макеева. Прионежский район, поселок Деревянное. 2011

Актив Кондопожской организации КС БМУ. Руководитель организации — И. П. Васюков (стоит третий справа). Кондопога. 2009

Члены Sortавальской организации КС БМУ. В первом ряду (шестая слева) председатель организации Н. П. Козыревская. Sortавала. 2012

Члены Сортовальской организации КС БМУ. Сортовала 2012

*Участники проекта «Старость меня дома не застанет».
Сортавала. 2012*

*Слева направо: К. А. Нюппиева (Соболева), Р. А. Соболева, Г. А. Климшина,
Н. Н. Соколова у памятного знака на месте концлагеря № 6. Петрозаводск.
30 июня 2012 года. Фото: Игорь Георгиевский*

Члены КС БМУ в День защитника Отечества. Сидят в первом ряду (слева направо): Н. А. Егорова, В. Т. Пахомов, З. А. Пиккарайнен, П. Г. Юрьев. Во втором ряду: Л. С. Филлин, Р. П. Тимофеева, А. А. Сорокин. Стоят: И. Г. Максимихин, В. И. Васильев, В. Н. Максимов, Л. А. Орбант, В. А. Пушкарев, О. И. Воскресенская, А. И. Мошин, О. С. Баратов, Е. И. Лахин. Петрозаводск. 2011

Г. А. Клишшина (слева) и Л. П. Макеева у памятного знака на кладбище «Пески». Петрозаводск. 2015

Члены КС БМУ у памятного знака на месте расположения концлагеря № 1. Петрозаводск. 2015

Члены КС БМУ у памятного знака на месте расположения концлагеря № 6. Петрозаводск. 2015

Участники юбилейной встречи бывших малолетних узников фашистских концлагерей.
Петрозаводск. 28 июня 2019 года

Встреча бывших малолетних узников финских концлагерей, на которой присутствовали 30 гостей, в том числе из Подпорожья. Сидит слева — руководитель подпорожской организации Ю. И. Майоров. Петрозаводск. 29 июня 2004 года

На церемонии открытия мемориала жертвам фашистских концлагерей. Петрозаводск. Кладбище «Пески». 24 июня 2017 года

На церемонии открытия мемориала жертвам фашистских концлагерей. Второй справа — А. Ю. Молчанов, спонсор создания мемориала, правнук узника А. Д. Романова, погибшего в концлагере. Петрозаводск. Кладбище «Пески». 24 июня 2017 года

Члены КС БМУ в день открытия мемориала жертвам фашистских концлагерей. Слева направо: А. В. Коломенский (Подпорожье), Ю. И. Майоров (Подпорожье), Л. Г. Глатенок, В. В. Мошникова, А. Р. Натарьева, Г. М. Чапурина, С. В. Денисова, Л. В. Андреева, К. А. Нюппиева, Т. С. Ушакова (Подпорожье). Петрозаводск. Кладбище «Пески». 24 июня 2017 года

На открытии выставки «Город, переживший войну» в Национальном музее Республики Карелия. Стоят (слева направо): Н. И. Багрова, Л. П. Макеева, Л. В. Филиппова, К. А. Нюппиева, Г. А. Климшина, В. В. Мошникова, В. Д. Пигонина. Сидят: Д. И. Попов, Р. К. Кяжева. Петрозаводск. 2021

*Актив КС БМУ. Слева направо: Л. П. Макеева, Г. М. Чапурина, Н. Н. Соколова, К. А. Нюппиева, В. В. Мошникова. Петрозаводск. 2022.
Фото: Виталий Голубев*

Члены КС БМУ в Международный день освобождения узников фашистских концлагерей у мемориала. Петрозаводск, кладбище «Пески». 11 апреля 2018 года

Участники XI отчетно-выборной конференции КС БМУ. Петрозаводск. 24 ноября 2022 года. Фото: Виталий Голубев

Сохранение памяти о жертвах концлагерей

В **2004** году во время акции «Эстафета памяти», совершаемой участниками встречи бывших узников финских концлагерей на местах бывших концлагерей, было принято решение о создании памятных знаков.

На месте 6-го концлагеря (улица Чапаева, дом 2) мы обнаружили огромный валун, который и решили использовать как основание знака. Эскиз плиты создал А. М. Варухин. Администрация города согласилась с нашим предложением, и в **2005** году в день города, совпадающий с днем освобождения Петрозаводска от оккупации, памятный знак был торжественно открыт. Присутствовали представители администрации города, прессы, бывшие узники.

На мемориальной плите был текст: «На этом месте находился концентрационный лагерь № 6, в котором томились тысячи мирных граждан. Многие погибли от голода, холода, истязаний. Вечная им память!»

В том же, **2005-м**, году в поселке Ильинском Олонецкого района, где во время оккупации было три концлагеря, открыли памятный знак. Присутствовали бывшие узники, проживающие в Ильинском,

Камень с мемориальными плитами на месте, где находился концлагерь № 6 в Петрозаводске, ул. Чапаева, 2

гости, прибывшие из многих регионов России, бывшие узники из Республики Беларусь, также страдавшие в концлагере № 8 в Ильинском.

В **2006** году на большом камне памятного знака на улице Чапаева в Петрозаводске была установлена мемориальная плита с указанием количества заключенных (25 тысяч человек) в концлагерях в Петрозаводске и умерших (более 7 тысяч).

В **2007** году на том же камне установили плиту со схемой размещения концлагерей в Петрозаводске (по финскому источнику — книге Ю. Куломаа «Финская оккупация Петрозаводска», 2006).

В **2008** году общественная организация получила разрешение в администрации города на установку памятной плиты на жилом доме № 8 по улице Профсоюзов в Петрозаводске, чтобы отметить место расположения концлагеря № 5. Но вскоре рядом с плитой появилось изображение свастики.

Установку памятного знака на улице Боровой, дом 1 — мемориальной плиты — на большом камне, лежащем там, мы смогли осуществить только в **2011** году, получив решение комиссии по культурно-историческому наследию администрации. Ранее на

Бывшие малолетние узники у камня на месте расположения концлагеря № 5. 26 июня 2015 года

нашу просьбу отвечали так: «Не надо превращать город в кладбище!» Пришлось организовать коллективное письмо бывших узников 5-го концлагеря.

В **1999** и **2005** годах провели реконструкцию созданного еще в 1969 году, к 25-летию освобождения Петрозаводска, мемориала на кладбище «Пески», поврежденного вандалами. Латунные буквы надписи «Памяти жертв Петрозаводских концлагерей» были утрачены.

На средства, собранные бывшими узниками, в **1999**

году скульптор Л. Давидян создал стелу из габбро-диабазы с нишей для свечей из бронзы. Бронзовые подсвечники уже утрачены. Надпись: «Памяти жертв оккупации», — в **2005** году была заменена на «Памяти узников концлагерей и жертв оккупации г. Петрозаводска». На отдельной плите надпись: «Никто не забыт, ничто не забыто».

В **2014** году на средства компании «Чистый город» к 70-летию освобождения Петрозаводска были установлены три новые плиты: «Никто не забыт...», «Памяти узников концлагерей и жертв оккупации Петрозаводска» и «К 70-летию освобождения. Здесь покоятся более 7 тысяч бывших узников фашистских концлагерей, погибших в 1941–1944 годах в Петрозаводске. Вечная им память!»

В этом же году был установлен памятный знак с такой же надписью в Песках недалеко от тех мест, где были похоронены в общих рвах тысячи узников.

В **2015** году был установлен поклонный крест у братской могилы на мемориале 1969 года. Средства собирали бывшие узники.

В том же, **2015-м**, году был открыт памятный знак на месте концлагеря № 1 рядом с домом 11 по улице Ломоносова, вблизи часовни, где сохранились основания фундаментов строений, где был расположен концлагерь № 1. В комиссию по культурно-историческому наследию обратились жители дома № 11 Ирина Николаевна и Дмитрий Юрьевич Скрипниковы. Общественная организация поддержала их предложение, подкрепив письмом бывших узников концлагеря № 1.

Камень с мемориальной плитой на месте расположения концлагеря № 1 в Петрозаводске

Мемориал «Узникам фашизма — жителям Карелии и Ленинградской области, погибшим в концлагерях города Петрозаводска». Кладбище «Пески»

24 июня **2017** года, в день города, был торжественно открыт новый величественный, великолепный мемориал при входе на кладбище «Пески». На стелах нанесены 3,5 тысячи имен погибших в концлагерях в Петрозаводске в 1941–1944 годах. Сведения взяты из финских источников в Интернете.

Создан мемориал стараниями и на средства Андрея Юрьевича Молчанова и Григория Никитича Морозова — правнуков узника А. Д. Романова, погибшего в концлагере. Создал мемориал московский скульптор Федор Геннадьевич Паршин. Он постоянно курировал установку мемориала и благоустройство территории.

На открытии присутствовали многие горожане, бывшие узники, создатели мемориала, гости. В их числе А. Ю. Молчанов, Т. Н. Морозов, А. П. Худилайнен, бывший Глава РК, способствовавший созданию мемориала.

В **2022** году по проекту «Чтобы помнили» были изготовлены мемориальные плиты для установки на местах других концлагерей в Петрозаводске — № 2, № 3 и № 4. Места для них определила администрация города с учетом карты-схемы из книги Ю. Куломаа «Финская оккупация Петрозаводска».

Районные организации

Сортавальская местная общественная организация пенсионеров МУФКЛ была создана 25 февраля 2001 года, зарегистрирована 23 мая 2001 года.

Цель организации: защита социальных, моральных, трудовых прав пожилого человека в обществе.

На общем собрании организации были избраны совет организации в составе 5 человек и председатель Надежда Павловна Козыревская. Разработали устав организации и утвердили его в вышестоящих органах.

В 2001 году в организации МУФКЛ было 140 человек, из них 102 — финские узники, 38 — немецкие узники. Узники проживали на территории Сортавальского района на 32 улицах, работали в 39 организациях.

В 2001 году в здании дома-интерната провели заседание, на котором присутствовали специалисты Пенсионного фонда, заместитель мэра по социальной политике, представители соцзащиты. На собрании мы рассказали, что в Сортавале проживают узники — незащищенная категория людей, о которых в 2001 году никто и не знал. Когда все службы были поставлены в известность о существовании организации, началась более углубленная деятельность нашего совета.

Организацию никто не финансировал, работали на добровольных началах. Приобрели печать для организации. Съездили на встречу с малолетними узниками в город Петрозаводск — для ознакомления с опытом работы. Встретились в Санкт-Петербурге с председателем некоммерческой организации Н. Я. Скворцовой. Она дала рекомендации, методическую литературу по работе с пожилыми людьми

Так как денежных средств не было, решили на общем собрании собирать членские взносы по 10 рублей с человека. На эти средства приобретали поздравительные открытки, сувениры, поздравляли узников с юбилейными датами, с праздниками. Посещали каждого члена организации. За каждым членом совета закрепили определенное количество человек для обслуживания. Индивидуально общались с каждым узником и помогали во всех сферах жизнедеятельности.

Деятельность общества:

— у 12 человек пенсия была ниже прожиточного минимума. Им разносили по квартирам соцпакеты;

Обложка книги
Н. П. Козыревской
«Дети войны»

- 60 % — инвалиды. Помогали приобрести средства передвижения;
- помогали пользоваться услугами переводчика для перевода документов с иностранных языков;
- интересовались работой обслуживающего персонала соцзащиты;
- разбирались с коммунальными платежами (неправильные начисления);
- добивались получения благоустроенного жилья для узников, которые его не получили;
- обращались в фонд взаимопонимания и примирения, к Президенту РФ В. В. Путину, к депутату В. Н. Пивненко по вопросу денежных выплат БМУ.

Председатель Н. П. Козыревская участвовала в деятельности совета некоммерческих организаций города Сортавалы, выступала с докладами в учебных заведениях, в школах и в детском саду «Тополек». В 2012 году издали книгу «Дети войны», в которую вошли воспоминания 22 узников.

Открыта памятная плита, посвященная малолетним узникам.

11 апреля ежегодно отмечаем День освобождения узников. Привлекаем спонсоров, чтобы порадовать пожилых людей.

Совершили две экскурсии на остров Валаам, на Черные камни; посещали концерты, посвященные различным датам; ежегодно участвовали в демонстрации, посвященной празднованию Дня Победы, возлагали венок от организации.

Участвовали в проекте «Дети войны» совместно с воспитанниками дошкольного учреждения «Тополек» — провели один день в стенах детского сада вместе с детьми.

На начало 2022 года осталось в живых узников финских концлагерей — 30 человек.

Организация бывших малолетних узников в **Кондопожском** районе существует с 1991 года. Вначале организацию возглавляла Л. И. Яровая, в настоящее время — И. П. Васюков.

Активно работали А. М. Трофимова, А. И. Таргонская, В. В. и Т. И. Великосельцевы, В. Н. Хамелева, А. А. Викулин, Л. А. Мартынова, З. И. Потапенко, В. Н. Харькин, Л. П. Лукьяненко

Л. И. Сквородникова, Л. Н. Спиридонова и другие.

В активе организации — ежегодные посещения могилы Неизвестного солдата в День Победы, встречи с учащимися 7-й средней школы, праздничные мероприятия в Международный день освобождения узников 11 апреля.

Бывшие узники делятся воспоминаниями о пережитом во время Великой Отечественной войны, воспитывают молодежь в патриотическом духе. Проект «От мудрости старших к нравственности молодых», Уроки мужества служат этому. В 2020 году издан сборник воспоминаний бывших узников «Непридуманная связь поколений». Автор — учитель школы № 7 Г. Ю. Остапчук.

В **Олонецком** районе работает секция бывших малолетних узников в районном Совете ветеранов.

Руководителем является Юлия Ивановна Фешева. Большая группа бывших узников проживает в поселке Ильинском, где находился концлагерь № 8. Руководителем организации была Таисия Егоровна Авксентьева.

Местом встреч бывших узников 11 апреля и 9 мая является памятный знак на улице Первомайской, открытый в 2005 году нашей организацией.

В **Беломорском** районе руководителем является Надежда Федоровна Чугуева в составе Совета ветеранов.

На учете в Совете ветеранов Беломорского района состоят 14 несовершеннолетних узников концлагерей.

Деятельность организации направлена на заботу и помощь ветеранам. Проводится работа по патриотическому воспитанию молодежи.

Провели торжественное вручение удостоверений и значков «Детям войны». К 75-летию Победы подготовили полосу воспоминаний в газете «Беломорская трибуна».

К сожалению, только четыре ветерана по состоянию здоровья могут посещать мероприятия.

Обложка книги Г. Ю. Остапчук «Непридуманная связь поколений»

Документы и материалы

**Президенту Российской Федерации
Путину Владимиру Владимировичу**

Уважаемый Владимир Владимирович!

В связи с 60-летием со дня Победы советского народа над фашистской Германией и ее союзником Финляндией Карельский союз бывших малолетних узников фашистских лагерей, насчитывающий 5900 человек, просит Вас, господин Президент, рассмотреть вопрос о выплате из внебюджетного фонда России компенсаций за нанесенный материальный, моральный ущерб бывшим узникам, находившимся в концлагерях на территории восточной Карелии, оккупированной финскими войсками в годы Второй мировой войны 1941–1944 годов.

Германским правительством через фонд «Память, ответственность и будущее» производятся выплаты узникам фашистских (немецких) лагерей. Но Российский фонд не предусмотрел компенсационных выплат узникам финских концлагерей, бывших на оккупированной территории.

На наше обращение к президенту Финляндии также получен отказ по тем мотивам, что в мирном договоре 1947 года не были оговорены компенсационные выплаты гражданам, пострадавшим от фашистской Финляндии. В результате германское и финское руководство не желает рассматривать вопрос о компенсационных выплатах за причиненный ущерб русскому населению — женщинам, старикам и детям, заточенным на 3 года в 15 финских концлагерях на оккупированной Карелии.

Из 64 тысяч человек, взятых в плен, 38 тысяч русского населения было заключено в концлагеря. От голода, инфекционных заболеваний, издевательств, принудительного труда половина узников

умерла в застенках. В том унижительном акте повинно и советское правительство, которое не уберегло население от нападения фашистов и своевременно не эвакуировало мирное население из прифронтовой зоны вглубь страны, а оставило на поругание врагам женщин, стариков, детей.

Просим Вас взять на себя ответственность за поруганное детство и недоверие к нам, бывшим узникам, в течение 60 лет.

*Председатель Карельского союза БМУ К. А. Нюппиева
25 декабря 2004 года*

**Администрация Президента РФ, Управление Президента
Российской Федерации по работе с обращениями граждан**

Петрозаводск... Нюппиевой К. А.

Сообщаем, что Ваше обращение, поступившее на имя Президента Российской Федерации, направлено на рассмотрение в Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации для ответа Вам по существу вопроса.

*Консультант Е. А. Зыбкий
13 июля 2005 года*

**Президенту Российской Федерации
Путину Владимиру Владимировичу**

Уважаемый Владимир Владимирович!

Общественная организация «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских (финских) концлагерей», поддерживая Общероссийскую общественную организацию «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей», обращается к Вам от имени 5000 бывших узников, проживающих в Карелии, с просьбой поддержать проект Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О ветеранах» и в Закон РФ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» № 193611-4 (о включении в категорию участников ВОВ бывших узников фашизма), предложенный Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 апреля 2006 года и Самарской губернской думой (постановление № 420 от 27 ноября 2007 года).

Вследствие принятия поправок в этот закон бывшие несовершеннолетние узники — жертвы Второй мировой войны, перенесшие все ужасы и лишения, утратившие здоровье в детском возрасте, в большинстве своем ставшие инвалидами, смогли бы получить «вторую» пенсию по инвалидности, как это сделано Законом РФ от 25 ноября 2006 года № 196 в отношении блокадников (предусматривающим блокадникам, как участникам войны, «вторую» пенсию).

Данные вопросы дважды предлагались для обсуждения в 2004–2005 годах в Государственной Думе. При почти полной поддержке всех других фракций и 67 % положительных заключений от регионов поправки не прошли, так как только одна единственная фракция «Единая Россия» допустила, чтобы 90 % ее членов не приняли участия в голосовании.

Просим Вас, как лидера «Единой России», разъяснить депутатам нового созыва от «Единой России» необходимость принять поправки к законам.

Уважаемый Владимир Владимирович! Мы благодарны Вам за дополнительные меры материальной поддержки бывших несовершеннолетних узников фашизма в связи с 60-летием Великой Победы.

С уважением

*председатель КС БМУ К. А. Нюппиева
30 января 2008 года*

Президенту Российской Федерации Путину Владимиру Владимировичу

Уважаемый Владимир Владимирович!

От имени членов общественной организации «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» благодарим Вас за принятое решение о материальной поддержке ветеранов ВОВ и приравненных к ним категорий, в том числе несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, в связи с 75-летием Великой Победы.

Из 32 тысяч заключенных в финских концлагерях в Карелии в 1941–1944 годах (в лагерях погибли более 14 тысяч) в настоящее время, на 1 августа 2019 года, в Карелии зарегистрировано 2640 бывших малолетних узников. Их возраст — от 80 до 90 лет, все они инвалиды 1-2-й групп.

Надеемся, что Правительство РФ и в том числе Министерство труда и социальной защиты не изменят Вашу формулировку

«участникам ВОВ и всем категориям приравненных», прозвучавшую на встрече с ветеранами ВОВ в музее «Прорыва блокады Ленинграда» 18.01.2020 года в Санкт-Петербурге.

Наша общественная организация неоднократно обращалась к Вам и в Государственную Думу РФ с письмами с просьбой включить категорию бывших несовершеннолетних узников в Федеральный закон «О ветеранах» 1995 года, но все безуспешно. Федеральным законом № 122 от 22.08.2004 года на бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей распространены льготы участников ВОВ, а на имеющих инвалидность — льготы инвалидов ВОВ, но в действительности не все льготы распространяются. Так, в майские праздники в связи с Днем Победы нам отказывают в бесплатном проезде на железнодорожном и воздушном транспорте, ссылаясь на то, что узники не поименованы в ФЗ «О ветеранах». Также отказывают в компенсации расходов по захоронению умерших бывших несовершеннолетних узников из-за отсутствия категории в законе «О захоронении». Считаем несправедливым, что бывшие малолетние узники не получают социальной пенсии по инвалидности, не учитывается то, что инвалидность получена вследствие утраты здоровья во время нахождения в концлагерях.

Просим Вас обязать Правительство РФ внести изменения и дополнения в ФЗ № 5 «О ветеранах».

*Председатель КС БМУ К. А. Нюппиева
23 января 2020 года*

**Президенту Финляндии Тарье Халонен
Копия: Фонд Примирения и согласия**

Уважаемая госпожа президент!

Карельский союз бывших малолетних узников концлагерей обращается к Вам с просьбой о рассмотрении вопроса компенсационных выплат.

29 июня 2004 года исполняется 60 лет освобождения нас из концлагерей, созданных финскими оккупационными властями на территории Восточной Карелии в годы Второй мировой войны 1941–1944 годов, в том числе 7 лагерей в городе Петрозаводске.

Из 38 тысяч человек (в основном стариков, женщин и детей), заключенных в концлагеря, на сегодня осталось в живых 6,2 тысячи человек, которым сейчас по 65–75 лет.

Данная категория людей — русское население — была взята в плен в Карелии и северной части Ленинградской области и принудительно вывезена в Петрозаводск, где томилась в концлагерях долгих 3 года. Эти люди оставили свои дома, скот, домашнее имущество и взамен не получили никакой компенсации.

В 2000 году правительство Германии и прогрессивные силы немецкого народа осознали неправомерные действия бывшего руководства фашистской Германии и взяли на себя ответственность по моральному и материальному возмещению убытков, нанесенных гражданам бывшего СССР, кроме граждан, находившихся на территории Карелии, оккупированной финскими войсками.

Мы, бывшие узники финских концлагерей, теперь пожилые, больные люди, считаем, что и финское руководство должно проявить справедливость по отношению к нам и изыскать средства для компенсационных выплат.

Прошло 60 лет мирного сосуществования между нашими странами. Надеемся, что и в дальнейшем какие-либо разногласия будут решаться путем переговоров, ведь в противном случае всегда страдают мирные люди. Давайте же крепить дружбу и помогать тем, кто в этом остро нуждается.

С глубоким уважением к Вам

*председатель КС БМУ Л. П. Макеева
25 марта 2004 года*

**Председателю КС БМУ
госпоже Л. П. Макеевой**

Уважаемая госпожа Макеева!

...Я придаю большое значение дальнейшему укреплению добрососедских отношений между Финляндией и Россией и между гражданами наших стран. Начиная с 1992 года Финляндия осуществляет сотрудничество с сопредельными регионами на Северо-Западе России, прежде всего с Республикой Карелия, Ленинградской областью, Мурманской областью и Санкт-Петербургом. Сопредельное сотрудничество осуществляется во многих сферах, в том числе в сферах социального обеспечения и здравоохранения, образования и укрепления гражданского общества, и оно направлено на улучшение повседневной жизни людей.

Война внесла серьезные перемены не только в межгосударственные отношения. Военные действия и связанные с ними явления трагическим образом повлияли на личную жизнь миллионов людей. Все мы обязаны сделать известными их судьбы и проявлять к этим людям сочувствие и уважение.

Нам также важно знать свою историю. Финляндия является открытым, демократичным правовым государством, которое поддерживает общественную дискуссию и оказывает содействие научным исследованиям. Я бы высоко оценила то, если бы финские и российские ученые совместно изучали историю военных лет и сделали результаты своих исследований всеобщим достоянием.

В адресованном мне письме Вы обращаетесь с вопросом о том, сможет ли Финляндское государство выплатить компенсации лицам, заключенным в 1941–1944 годах в финских лагерях в Восточной Карелии.

19 сентября 1944 года между Финляндией и СССР было заключено перемирие, а 10 февраля 1947 года в Париже был подписан мирный договор. Парижский мирный договор содержал положения, регулирующие выплату репараций и иные материальные вопросы. При этом в мирном договоре не было положений о выплате компенсаций отдельным гражданам СССР и, соответственно, не было положений об обязательстве Советского Союза выплачивать компенсации гражданам Финляндии.

Согласно своему национальному законодательству Финляндия выплатила компенсации своим гражданам, потерпевшим от войны. В соответствии с законом об инвалидах войны Финляндия выплатила, в частности, компенсации попавшим во время войны в плен в СССР военным служащим и гражданским лицам, а также родственникам погибших в плену. При этом за понесенные потери финских военнопленных и гражданских лиц не было ни запрошено, ни получено от бывшего Советского Союза никакого возмещения.

В действующем законодательстве не предусматривается возможность компенсации ущерба военнопленным или гражданским лицам бывшего СССР или других воевавших с Финляндией государств. При отсутствии соответствующих положений в национальном законодательстве выплата компенсации за счет бюджетных средств финляндского государства не представляется возможной.

С наилучшими пожеланиями

*Тарья Халонен,
президент Финляндской Республики
4 июня 2004 года*

Не осквернять память жертв фашизма

Члены общественной организации «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» (КС БМУ) очень серьезно и ответственно относятся к сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне, резко протестуют против различных действий и фактов, которые могут осквернить память жертв войны. Это убедительно показала позиция КС БМУ в связи с попытками установить в Карелии памятник главнокомандующему финской армией маршалу Маннергейму, а также организовать выставку документов о его «заслугах». Публикуем два письма на эту тему.

Главе Республики Карелия С. Л. Катанандову

Уважаемый Сергей Леонидович!

9 мая, в День Победы, когда Вы приветствовали участников Великой Отечественной войны, в том числе и узников концлагерей, у Могилы Неизвестного солдата, в газете «Губерния» опубликован материал Надежды Меккиевой «Памятник Маннергейму», в котором говорится о «карельской инициативе» по укреплению дружбы между Россией и Финляндией путем предложения установить памятник Карлу Маннергейму в строящемся этноцентре в поселке Шуя, где планируется открыть музей военной истории Карелии.

Депутат Петросовета Владислав Грин выступил с этой инициативой и обратился к президенту Финляндии Тарье Халонен с просьбой высказать свое суждение по поводу установки памятника генералу Маннергейму в Карелии. Надо думать, что эта инициатива будет одобрена в Финляндии, но она не может быть одобрена в Карелии. Говорят о заслугах перед Россией К. Маннергейма в Первой мировой войне и перед Финляндией в последующие годы, но умалчивают о его роли главнокомандующего Финляндской армией, в том числе оккупационными войсками в 1941–1944 годах в Карелии.

Маннергеймом был подписан приказ об организации концлагерей на оккупированной территории для неродственного финнам населения, в которых томились 32 тысячи мирных граждан русской национальности, из них не менее 7 тысяч погибли от голода, холода, болезней, жестокого обращения оккупантов.

Эти данные зафиксированы в документах Национального архива Республики Карелия, в публикациях финских исследователей-историков, в заключении правительственной комиссии по уста-

новлению мест принудительного содержания во время оккупации Карелии Финляндией в 1941–1944 годах, возглавляемой депутатом Государственной Думы РФ В. Н. Пивненко.

В Карелии еще живы более пяти тысяч узников финских концлагерей и мест принудительного содержания. Всех их, безусловно, оскорбит намерение установить памятник Маннергейму на карельской земле, политой кровью бойцов Карельского фронта, партизан, узников концлагерей.

Странным выглядит и то, что питерские скульпторы вдохновились на создание модели памятника Маннергейму, забыв, что под его командованием финские войска участвовали в блокаде Ленинграда. Так можно и Гитлеру установить монумент в России, учитывая его роль во Второй мировой войне.

Памятник К. Маннергейму уместнее было бы установить рядом с памятником эсэсовской дивизии в Эстонии, а в музее истории Карелии Маннергейм может присутствовать только в виде восковой фигуры главнокомандующего оккупационными войсками.

Мы, бывшие узники финских концлагерей, члены общественной организации «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей», просим дать оценку такой инициативе, выдаваемой за «карельскую», и не допустить того, чтобы Карелия стала первооткрывательницей в кошунстве над жертвами фашизма — в создании монумента Маннергейму на земле, оккупированной его войсками в 1941–1944 годах, автору «линии Маннергейма», где погибли многие освободители Карелии.

*Председатель КС БМУ К. А. Нюппиева;
члены совета КС БМУ Т. В. Кардаш, Л. Г. Глатенок
10 мая 2007 года*

Это письмо также было направлено в оргкомитет «Победа» Республики Карелия, на имя председателя республиканского комитета ветеранов войны и труда Н. П. Черненко и председателя республиканского комитета ветеранов боевых действий В. В. Громова.

И снова Маннергейм!

Два года назад именно в День Победы, 9 мая, в газете «Губерния» была публикация депутата Петросовета Владислава Грина, в которой он писал о необходимости возвести в Карелии монумент Карлу Густаву Маннергейму за его заслуги перед Россией.

Наша общественная организация «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» решительно потребовала не допустить подобного надругательства над жертвами концлагерей, организованных по приказу главнокомандующего финляндскими оккупационными войсками на территории Карелии, где томились десятки тысяч мирных граждан и детей.

Тысячи их погибли от голода, болезней, истязаний оккупантов. Тысячи воинов Карельского фронта погибли при защите Родины и освобождении Карелии. Финляндские войска в союзе с германскими создали кольцо блокады Ленинграда.

Публикация нашего письма Главе Республики Карелия получила его отклик — С. Л. Катанандов не поддержал создание памятника Маннергейму в Карелии. На заседании «круглого стола», организованного в Петрозаводском государственном университете, где присутствовали историки, бывшие узники и сам В. Грин, осудили кощунственное намерение. В. Грин, окончивший исторический факультет ПетрГУ, сказал, что он не знал о деятельности Маннергейма в годы оккупации Карелии и что четыре года войны не могут зачеркнуть его заслуги перед Россией. В. Грин принес извинение бывшим узникам финско-фашистских концлагерей.

Однако В. Грин не успокоился и вновь выступил в «Ведомостях Петросовета» от 7 мая 2009 года с предложением организовать выставку документов о заслугах К. Маннергейма, ссылаясь на то, что президент РФ Д. Медведев возложил цветы к могиле Маннергейма в Хельсинки, ранее почтил его память Президент РФ В. Путин. Если политики это делают по дипломатическому протоколу, то В. Грин симпатизирует К. Маннергейму лично.

Он возглавляет общественную организацию «За Родину». Но какую родину он имеет в виду? Насколько известно из сообщений печати, он взаимодействует с иностранными фондами (Норвегия, Польша и др.).

Если задуманная выставка будет организована, бывшие узники финско-фашистских лагерей готовы пополнить ее документами о кровавой деятельности Маннергейма в оккупированной Карелии: приказ об организации концлагерей от 1 июля 1941 года; устав концлагерей с системой наказаний и заключения в концлагеря по национальному признаку; справка НКВД 1944 года о количестве концлагерей и числе узников в Карелии; документальные сборники воспоминаний узников «Судьба» (1999 год), «Плененное детство» (2005 год); фото К. Маннергейма во время посещения им 5-го концлагеря.

В память о жертвах концлагерей, похороненных в Песках в братских траншеях, в память о погибших бойцах истребительных батальонов, воевавших с финляндскими войсками, в память о погибших на «линии Маннергейма» освободителях Карелии протестуем против каких-либо попыток обелить и прославить Маннергейма.

Соратнику Гитлера не должны воздавать почести в Карелии.

*Клавдия Нюппиева,
председатель Карельского союза бывших малолетних узников
фашистских концлагерей
«Ленинская правда», 19 мая 2009 года*

P. S. Выставка документов, о которой говорилось в письме, не состоялась, но продолжение «маннергеймовской» истории еще было. Правда, за пределами Карелии.

16 июня 2016 года в Санкт-Петербурге, на Захарьевской улице, была открыта мемориальная плита в честь «генерал-лейтенанта русской армии Карла Густава Маннергейма». Эта акция вызвала протесты, выразившиеся в различных формах. Плиту обливали краской, наносили по ней удары... Члены Карельского союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей также отрицательно и с возмущением отнеслись к факту установления такой доски. Простояла доска менее полугода и в октябре 2016 года была демонтирована...

Имя и знамя Анны Rogozкиной

День 28 июня 1944 года стал самым счастливым днем для тысяч узников финских концлагерей в Петрозаводске. В этот день в полдень в городе высадился десант морских пехотинцев, которых доставили корабли Онежской военной флотилии.

Погода была ясной и солнечной. Когда эти корабли — канонерские лодки и торпедные катера — еще только входили в Петрозаводскую губу Онежского озера, их увидели узники лагерей и устремились к причалу. Торопились, шли и бежали все, у кого еще были силы, — взрослые, дети. Торопились со слезами и улыбками, с криками: «Ура!», «Наши!» Все хотели быстрее увидеть своих освободителей, некоторые успели по дороге собрать даже небольшие букетики полевых цветов.

А вот в руках немолодой женщины, которая тоже торопилась на встречу с моряками-освободителями, был совершенно необычный и неожиданный предмет — красное знамя!

Анна Севастьяновна Рогозкина (в центре) и моряки Онежской военной флотилии с красным знаменем у причала городского порта. Петрозаводск. 28 июня 1944 года. Научный архив КарНЦ РАН

Через некоторое время на причале эта женщина передала знамя морякам Онежской флотилии, и этот момент увековечил неизвестный нам фотограф. Скорее всего, это был кто-то из моряков флотилии, возможно, работник политотдела, чьи снимки нам известны по архивным материалам.

Радость, счастье, восторг, гордость — все можно увидеть на лицах взрослых и детей, которые смотрят на улыбающихся моряков и офицера, принимающего знамя.

Откуда это знамя взялось в оккупированном городе, ведь за его хранение финские оккупанты могли жестоко наказать? И кто эта женщина, что с ней стало потом, после освобождения?

Прошли десятилетия, но по разным причинам точных ответов на эти вопросы не было, хотя фотографию давно и хорошо знали (она хранится в Национальном музее РК и в Научном архиве КарНЦ РАН), не раз ее печатали в книгах, газетах с такой подписью: «Петрозаводчанка А. С. Рогозкина вручает сохраненное красное знамя морякам Онежской флотилии».

Мифов в связи с этим снимком тоже хватало. Даже в сентябре 2019 года в газете «Карелия», в номере, посвященном 75-летию освобождения Карелии от оккупации, оказалось немало ошибок по поводу этой фотографии и ее героини. «Про саму Рогозкину ничего неизвестно. Даже имени никто не знает...» — сообщалось в большой публикации «Возвращение знамени».

К счастью, это не так. Руководители и активисты Карельского союза бывших малолетних узников, а также их коллеги из Подпорожской организации БМУ знали о ее судьбе и деятельно участвовали в увековечении ее памяти.

Рассказывает К. А. Нюппиева:

— В судьбе этой женщины — Анны Севастьяновны Рогозкиной, а по другим источникам — Савельевны, переплелись и трагическое, и героическое. Она родом из Подпорожского района Ленинградской области. Как многие ее земляки, не успела или не смогла эвакуироваться и оказалась на оккупированной финскими войсками территории. А дальше типичная ситуация: вместе со многими жителями Подпорожья ее отправили в Петрозаводск, и она оказалась в лагере номер 5. Ей было тогда около пятидесяти лет. Солидный возраст для того времени.

Вместе с тысячами других заключенных Анна Рогозкина трудилась на разных работах в городе и окрестностях, в том числе на разборе разрушенных и сгоревших зданий. И вот, как нам потом стало известно, разбирая завалы одного из домов, Рогозкина нашла необычную вещь — красное знамя. На нем в три строки была надпись: «Бригадное переходящее знамя райлесхоза. Кулмукский пункт. За лучшие показатели работы в лесу». Деревня Кулмуksа находилась в Кондопожском районе, соответственно, знамя было учреждено Кондопожским райлесхозом.

Как это знамя оказалось в Петрозаводске, неизвестно. Суть не в этом, а в том, что пожилая женщина не побоялась взять знамя как символ советской Родины и сохранить его до дня освобождения, в которое верили узники лагерей. А ведь это был смертельный риск и для нее, и для тех людей, кто находился рядом с ней в лагерном бараке. Но ведь никто ее не выдал!

И вот в день освобождения, 28 июня 1944 года, счастливая Анна Рогозкина пришла с этим знаменем на причал и с гордостью передала его командиру одного из кораблей Онежской флотилии. Чудом сохранились и снимки, которые практически никто

Красное знамя, сохраненное А. С. Рогозкиной во время финской оккупации. Научный архив КарНЦ РАН

и никогда не видел, — Анна Севастьяновна стоит на причале одна со своим знаменем.

Судьба знамени тоже необычна. Скорее всего, моряки позже передали его официальным лицам в Петрозаводске, поскольку я лично видела фотографию с этим знаменем в 2005 году на выставке, посвященной 60-летию Победы, в филиале Академии наук. Но что стало с ним далее, не знаю...

...После освобождения А. С. Rogozкина вернулась в родные места — в Подпорожский район, работала, потом вышла на пенсию, жила, как и многие в деревне, небогато. Но о ее замечательном поступке в годы войны не забыли.

18 декабря 1968 года исполком Ленинградского областного Совета депутатов принял решение об установлении ей персональной пенсии местного значения. В документе говорилось: «...Рогозкиной А. С., в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов совершившей патриотический поступок, установить пенсию

*А. С. Rogozкина с красным знаменем на городской пристани. Петрозаводск. 28 июня 1944 года. (Публикуется впервые.)
Научный архив КарНЦ РАН.*

Бывшие малолетние узники концлагерей у могилы А. С. Rogozкиной. Слева направо: А. В. Коломенский, Г. А. Климшина, В. А. Новожилков, родственники А. С. Rogozкиной, К. А. Нюпшева, Г. Н. Каллистратова, Ю. И. Майоров. Деревня Родионово Подпорожского района Ленинградской области. 2008

в размере 35 рублей в месяц с 1 января 1969 года пожизненно».

— Анна Севастьяновна Рогозкина умерла 31 декабря 1970 года, — рассказывает К. А. Нюппиева. — Ей было 78 лет. Прошли годы, и в нашу организацию обратилась за помощью ее родственница (невестка) Клавдия Максимовна Рогозкина. Эта пожилая женщина жила в городе Лодейное Поле и попросила нас помочь в установлении простейшего памятника на могиле Анны Севастьяновны, поскольку родные не могли этого сделать.

Наш союз в феврале 2005 года направил письмо главе Администрации Подпорожского района с просьбой решить этот вопрос в год 60-летия Победы. Нашу просьбу поддержала и Подпорожская организация БМУ. И памятник замечательной патриотке был сделан, установлен, могилу благоустроили. Мы с коллегами из Подпорожья посещали эту могилу в деревне Родионово 22 мая 2008 года.

Мы, бывшие малолетние узники концлагерей, гордимся также тем, что эпизод со знаменем, когда Рогозкина передавала его морякам, нашел отражение в одном из барельефов у памятной стелы «Город воинской славы», открытой в Петрозаводске 20 сентября 2020 года. Мы были на этой торжественной церемонии и сделали памятную фотографию.

...Вот таковы факты о спасенном красном знамени и судьбе простой советской женщины.

Ю. В. ШЛЕЙКИН

Бывшие малолетние узники фашистских концлагерей у скульптурной композиции стелы «Город воинской славы», где изображена А. С. Рогозкина. Петрозаводск. 30 сентября 2020 года

Музей военного детства

Средняя школа № 13 открылась в Петрозаводске в 1986 году. Новый коллектив учеников и учителей... Это значит нет своих традиций, а биография школы только начиналась. Да и учеников со всего района Кукковки надо на чем-то воспитывать.

Так возникла идея создать школьный музей.

«Хватит ругаться и воевать с учениками. Давайте создадим общее дело» — это предложение прозвучало на педсовете рождающейся школы. И этим делом стал музей, в создании которого активное участие приняли далеко не лучшие ребята. Но они оказались очень отзывчивыми и проявили себя в этой работе с наилучшей стороны.

Идею создания школьного музея поддержала директор школы Галина Васильева. Было принято решение выделить помещение с окнами в потолок, которое по проекту было предназначено под библиотеку. Для нее нашли другое место. Привлекло и то, что рядом с музеем был актовый зал.

Важный вопрос при создании школьного музея — выбор темы. Идея музея военного детства не вызвала противодействия у кого-либо. К 1980-м годам уже сформировано было понятие «ветеран войны», «участник войны». Но не было понятия «жертва войны».

Дети войны занимали в нем важное место. От войны больше всего страдают дети. Это самая незащищенная категория людей. Детство — самая счастливая часть любой жизни: забота о ребенке и любовь к нему, праздники, сладости, игры, кружки... А тут: голод, лишения, бомбежки, эвакуация, болезни, оккупационные лагеря...

Эти идеи легли в основу концепции будущего музея. В ее формировании и разработке тематико-экспозиционного плана большую роль сыграл научный сотрудник Карельского государственного краеведческого музея Андрей Грибушин. Автором дизайн-проекта был художник Дмитрий Учуваткин.

Музей организовывался специалистами с соблюдением необходимых алгоритмов. Но это не было готовым даром рождающейся школе. В создании музея приняли активное участие сами школьники, их родители и учителя.

Музей не создашь на пустом месте. Нужна коллекция. Ее собрали ребята, их семьи и педагоги. Это было общее дело. Мы обратились к школьникам, родителям, жителям микрорайона Кукковка с предложением создать фонды музея военного детства. На это ушло более полугода.

Активно поддержали это движение и учителя, некоторые из них сами были детьми войны: учитель математики Галина Захарова, учителя английского языка Мария Лукина и Светлана Лелюшок.

Включились в эту работу и молодые учителя. Был собран ценный материал «Как я помню 22 июня 1941 года». Школьники взяли десятки интервью у носителей исторического опыта. Они разработали вопросники и были обучены, как беседовать с респондентами.

В разделе «Как учились в школе в годы войны» была школьная парта, фарфоровые чернильницы, было собрано 5 сортов чернил, в том числе и красные — из свекольного отвара.

Были в экспозиции и самодельные тетради из газет, склеенные картофельным крахмалом, учебники военных лет. Одна семья принесла в музей книгу Н. В. Гоголя «Мертвые души» 1936 года. Она побывала в эвакуации. Разрешалось брать с собой несколько килограммов вещей, и среди них была книга!

Удалось собрать много фотографий из семейных альбомов, которые были ценны тем, что ранее никогда не публиковались. Можно утверждать, что коллекция школьного музея создавалась народным способом.

Велась активная переписка с детьми войны: из Воронежа прислала свои воспоминания бывшая 12-летняя медсестра Беломорского военного госпиталя Лина Орлова, которая была награждена медалью «За боевые заслуги».

Слева направо: Н. Н. Овчинников — архитектор, дизайнер-консультант, М. Л. Гольденберг — руководитель музея военного детства, Андрей Харитонов — учащийся 9-го класса, активист музея. 1980-е годы

Галина Семко, малолетняя узница концлагеря, прислала свои воспоминания из города Братска.

Известный хореограф Виола Мальми со своей сестрой Синикой давала первые концерты в палатах для тяжелораненых в военных госпиталях.

— Раненым предлагали выбор — профессиональные артисты или дети. И часто они делали выбор в пользу детей, — вспоминала Виола Генриховна. — Натопят палату до высокой температуры. Дети придут! Даже не каждый взрослый человек войдет в палату для тяжелораненых. А мы там пели, плясали, читали стихи. Некоторые солдаты аплодировали нам глазами, глубоко смыкая веки. Многие, глядя на нас, плакали. В конце обязательно давали кусочек сахара. Наверное, они вспоминали своих детей.

В музее велась активная воспитательная работа. Организовывали встречи с писателями — с Исааком Бацером, написавшим книгу «Десант в полдень», героями которой стали дети из петрозаводского концлагеря № 6, запечатленные фотокорреспондентом журнала «Огонек» Галиной Санько.

Планировалось, что эта фотография станет центром всей экспозиции. Ее удалось инсталлировать в полный рост изображенных детей, создать забор из колючей проволоки с предупреждающей надписью о расстреле на месте на финском и русском языках.

Большую поддержку в создании школьного музея оказала общественная организация бывших малолетних узников финских концлагерей во главе с Клавдией Александровной Нюппиевой.

С бывшими малолетними узниками было проведено много встреч, конференций и других мероприятий.

В музее школьники неоднократно встречались с автором книги «Маленький солдат» журналистом Светланой Зааловой. Были встречи с другими журналистами, поэтами, историками, в том числе и с финскими. Проводили дискуссии, «круглые столы».

Экскурсии в музее вели сами школьники, причем не только на русском, но и на английском, французском языках.

В музее нередко проводили уроки литературы, изобразительного искусства, библиотечные уроки, а для учащихся начальной школы — уроки развития речи.

Вокруг музея рождались традиции. Например, у выпускников прощание со школой, с детством всегда начиналось в школьном музее военного детства.

Первым председателем совета музея был девятиклассник Андрей Харитонов.

В музее военного детства лица № 13. Слева направо: М. Л. Гольденберг, Г. В. Васильева и бывшие узники концлагерей П. Г. Юрьев, К. А. Нюппиева, А. И. Мартынова, А. М. Варухин, В. Д. Пигонина, Н. С. Костин. Петрозаводск. 1989

Уже в 1987 году музей получил свидетельство о присвоении статуса школьного музея.

Частыми гостями в музее были учащиеся школ города Петрозаводска, Карелии, зарубежные делегации. Первые пять лет руководителем музея был я. А потом им занималась учитель истории Наталья Ляпина.

Всегда подчеркиваю, что моя музейная деятельность начиналась с создания школьного музея.

Сейчас музей военного детства в лицее № 13 города Петрозаводска переживает обновление. Уверен, что он будет значим и востребован в будущем. Детство эффективно воспитывать на примере детства.

Дети — последние свидетели Великой Отечественной войны, память о которой надо хранить.

*М. Л. ГОЛЬДЕНБЕРГ,
директор Национального музея Республики Карелия*

Сердечная благодарность

Работа КС БМУ на протяжении всех лет была бы невозможна без помощи спонсоров, ряда ведомств, предприятий и организаций.

Выражаем им сердечную благодарность.

Вот наши основные помощники и спонсоры:

— Правительство Республики Карелия и лично Глава РК А. О. Парфенчиков, а также Л. А. Подсадник, Глава РК в 2012–2017 годах А. П. Худилайнен (содействие в сооружении мемориала, открытого в 2017 году);

— Министерство национальной и региональной политики РК и лично министр С. В. Киселев;

— Министерство культуры РК и лично Е. В. Богданова (содействие в проведении встречи бывших узников концлагерей в 2014 году);

— Администрация Петрозаводского городского округа и лично В. К. Любарский, Ж. Ф. Малеева (помощь в проведении конференций КС БМУ в 2019 и 2022 годах, материальная помощь на протяжении многих лет по программе «Забота»);

— Петрозаводская и Карельская епархия и лично митрополит Константин;

— Карельское отделение Детского фонда имени В. И. Ленина (руководитель в 1989 году Ю. И. Пирожков, сотрудники Н. А. Сенюкова, Н. Н. Васильева). Фонд был одним из организаторов КС БМУ и куратором организации в течение многих лет, предоставлял помещения (улица Дзержинского, 13 и проспект Ленина, 24А);

— Строительная группа ЛСР и лично А. Ю. Молчанов и Г. Н. Морозов (создание мемориала «Узникам фашизма — жителям Карелии и Ленинградской области, погибшим в концлагерях города Петрозаводска» и помощь в проведении международной встречи бывших малолетних узников в Петрозаводске в 2019 году);

— Региональный фонд развития промышленности РК (помощь в проведении международной встречи в 2019 году);

— Олонецкий молочный комбинат и лично Г. И. Ширшина;

— Петрозаводский Дворец творчества детей и юношества;

— Петрозаводский городской Дом культуры;

— Петрозаводский кинотеатр «Премьер»;

— Социальный центр «Истоки» и лично Е. В. Малышева, Н. М. Васильева;

— Карельский союз пенсионеров и лично Г. Е. Карасова;

— фирма «Чистый город» и лично А. Г. Губин (изготовление мемориальных плит и реконструкция мемориала в Песках в 2014 году);

— Карельская производственная компания и лично А. М. Ишанин (изготовление мемориальных плит для памятных знаков);
— фирма «Лотос» и лично Л. Л. Белуга и В. В. Негриенко;
— Строительное предприятие № 1 и лично М. Р. Шегельман;
— магазины «Лента», «Магнит», «Пятерочка»;
— фирмы «Мемориал» и «Ритуал»;
— редакция газеты «Судьба» и лично Л. К. Синегрибов;
— редакция газеты «Губерния» и лично О. К. Усачева (издание буклетов к юбилеям КС БМУ и оформление альбомов);
— редакция газеты «Медведь» (информационная поддержка);
— издательство «Острова» и лично Ю. В. Шлейкин, А. В. Коломыцев, О. А. Ромашкина, Н. Н. Гурецкая (подготовка книги «Мы еще живы!»), фотограф В. В. Голубев.

Распределение обязанностей актива

Л. П. Макеева — заместитель председателя.

Л. Г. Глатенок — секретарь КС БМУ, руководитель клуба «Судьба», ее функции: оформление альбома «Судьба», связь со спонсорами, составление обращений, писем.

Т. В. Кардаш — заместитель председателя КС БМУ, ответственная за культурно-массовую работу, проведение вечеров-встреч бывших малолетних узников в ДТДиУ, лицее № 13 с участием большинства узников 11 апреля, 9 мая, 1 октября; отвечает за организацию посещения театров, экскурсий, связь с лицеем № 13.

Л. В. Филиппова — главный бухгалтер КС БМУ, ответственная за составление сметы проектов, контроль за движением средств КС БМУ, бухгалтерскую и статистическую отчетность, проведение платежей, взаимодействие со Сбербанком, сдачу финансовых отчетов.

Член совета Г. А. Климшина — ответственная за сбор членских взносов, распространение газеты «Судьба».

Члены совета В. В. Горшкова, В. В. Мошникова, Н. Н. Соколова, Г. М. Чапурина, Т. Н. Порошина, В. А. Мурмилло, В. Д. Пигонина, В. А. Пушкарев, В. А. Новожилов, А. М. Варухин участвуют в сборе материалов, воспоминаний бывших малолетних узников и фотографий, оформляют альбом, стенды, участвуют в работе клуба «Судьба», в работе с бывшими малолетними узниками по месту жительства в микрорайонах города, поздравляют юбиляров, участников ВОВ, посещают инвалидов первой группы на дому.

Список актива КС БМУ

№ п/п	Фамилия, имя, отчество (*)	Год избрания	Категория участника
1.	Аверкина Раиса Михайловна	1990	совет
2.	Авксентьева Таисия Егоровна (пос. Ильинский)	1990	совет
3.	Агапитов Анатолий Олегович	1998	совет
4.	Андрианов Владимир Иванович	1992	совет
5.	Багрова Нина Ильинична	2000	совет
6.	Вальков Альберт Михайлович	1989	совет
7.	Ванин Юрий Петрович	2000	актив
8.	Варухин Алексей Михайлович	1995	совет
9.	Васюков Иван Петрович (Кондопога)	2010	совет
10.	Великосельцев Вадим Вячеславович (Кондопога)	2010	актив
11.	Великосельцева Таисия Ивановна (Кондопога)	2010	актив
12.	Вершинина Валентина Васильевна	1998	актив
13.	Вихко Аврора Андреевна	2005	актив
14.	Вихко Альберт Александрович	2005	актив
15.	Глатенок Людмила Георгиевна	2004	совет
16.	Голованская Вера Михайловна	2000	актив
17.	Гончарова (Латакова) Екатерина Николаевна	2000	актив
18.	Горшкова Валентина Васильевна	2000	совет
19.	Демченко Андрей Васильевич	1989	актив
20.	Денисова Светлана Васильевна	2005	совет
21.	Дмитриева Тамара Ивановна	2010	совет
22.	Егорова Надежда Андреевна	2005	актив
23.	Единова Нина Алексеевна	2000	актив
24.	Еремкин Валерий Александрович	2015	актив
25.	Ермолина Алевтина Михайловна	2010	рев. комиссия
26.	Жукова Алевтина Степановна	2000	актив
27.	Завьялова Мария Александровна	1989	актив
28.	Зачиняева Валерия Васильевна	1989	совет
29.	Зиновьева Светлана Ивановна	1998	совет
30.	Иванова Анна Ивановна	2005	актив, уч. ВОВ
31.	Иванова Валентина Ивановна	1990	совет
32.	Ильюкова Ольга Михайловна	2005	актив, уч. ВОВ
33.	Каллистратова Галина Николаевна	2010	совет
34.	Кардаш Тамара Васильевна	1989	I совет
35.	Каткова Лидия Ивановна	1990	актив

* Место жительства. Если не указано, то Петрозаводск

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год избрания	Категория участника
36.	Кварацхелия Лидия Григорьевна	2000	совет
37.	Кекко Евгения Ивановна	2005	совет
38.	Киселева Парасковья Андреевна	2005	уч. ВОВ
39.	Климкина Зоя Николаевна	1995	актив
40.	Климшина Галина Александровна	2005	совет
41.	Козьмина Мария Ивановна	2000	актив
42.	Корнышева Лидия Алексеевна	1989	I совет
43.	Костенко Вера Михайловна	2000	актив
44.	Костин Иван Алексеевич	2001	совет
45.	Костин Николай Сергеевич	1989	I совет
46.	Костина Валентина Ивановна	2000	актив
47.	Кропачева Зоя Ивановна	2000	актив
48.	Кяжева Руфина Константиновна	2000	актив
49.	Лазарева Лидия Александровна	2001	совет
50.	Лахин Евгений Иванович	2005	уч. ВОВ
51.	Левчук Анна Васильевна	2016	совет
52.	Лукин Юрий Александрович	2010	совет
53.	Макеева Ленина Павловна	1998	совет
54.	Максимихин Иван Герасимович	2010	актив
55.	Максимихин Федор Федорович	2010	актив
56.	Максимов Владимир Николаевич	2000	актив
57.	Максимова Зоя Васильевна	2000	актив
58.	Марин Михаил Михайлович	1989	I совет
59.	Матюшкина Нина Александровна	2013	совет
60.	Михеева Елизавета Ивановна	1989	I совет
61.	Мореходов Иван Федорович	1995	актив
62.	Мошин Александр Иванович	1997	актив, уч. ВОВ
63.	Мошникова Валентина Васильевна	1989	I совет
64.	Мощенкова Лидия Александровна	2010	совет
65.	Мурмилло Валентина Арновна	2010	совет
66.	Назуков Эдуард Петрович	1995	совет
67.	Натарьева Антонина Романовна	1989	I совет
68.	Никитина Тамара Николаевна	2000	рев. комиссия
69.	Новожилов Виктор Андреевич	2000	совет
70.	Нюппиева Клавдия Александровна	1989	I совет
71.	Орбант Леонид Ансович	2005	уч. ВОВ
72.	Пальчикова Валентина Петровна	1990	актив
73.	Паршукова Нина Ивановна	2010	актив
74.	Патроев Владимир Егорович	2010	актив
75.	Пигонина Вера Дмитриевна	1990	совет

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год избрания	Категория участника
76.	Подобед Светлана Александровна	2010	актив
77.	Порошина Тамара Николаевна	2013	совет
78.	Посудневская Светлана Анатольевна	2013	совет
79.	Пушкарев Владимир Александрович	1990	совет
80.	Репников Юрий Михайлович	1995	совет
81.	Родионова Аля Ивановна	2000	актив
82.	Ряскина Валентина Григорьевна	1998	актив
83.	Севастьянова Эльвира Александровна	2000	актив
84.	Семенов Вячеслав Николаевич	1992	совет
85.	Сергеева Тамара Александровна	2000	совет
86.	Сизова Мария Михайловна	2000	совет
87.	Синконен Людмила Ефимовна	1989	I совет
88.	Соколова Нина Николаевна	1990	совет
89.	Спиридонова Лидия Николаевна	2016	совет
90.	Сумкина Тамара Николаевна	1989	I совет
91.	Сысоев Константин Яковлевич	1998	актив
92.	Тимофеев Виктор Николаевич	2000	актив
93.	Тимофеева Раиса Петровна	2000	актив
94.	Титков Александр Федорович	2000	актив
95.	Федотов Валерий Тимофеевич	1990	совет
96.	Федуева Валентина Федоровна	2000	актив
97.	Федькина Валентина Павловна	2000	актив
98.	Фешева Юлия Ивановна (Олонец)	1990	совет
99.	Филин Леонид Сергеевич	2010	актив
100.	Филинцева Римма Павловна (пос. Новая Вилга)	1990	актив
101.	Филиппова Лидия Васильевна	1993	совет
102.	Фокина Анна Петровна	2000	уч. ВОВ
103.	Фомин Юрий Михайлович	2010	актив
104.	Чапурина Галина Михайловна	1990	совет
105.	Чекмарев Иван Андрианович	1990	уч. ВОВ
106.	Шевко Нина Егоровна	1990	совет
107.	Шепеленко Елизавета Николаевна	1989	I совет
108.	Шляхтенкова Тамара Васильевна	1993	совет
109.	Шувалова Валентина Степановна	2000	совет
110.	Юрьев Павел Григорьевич	1990	актив, уч. ВОВ
111.	Ярицын Аркадий Николаевич	1989	I совет
112.	Яскеляйнен Елена Павловна	1990	актив
113.	Яшанина Лидия Михайловна	1989	I совет

Содержание

Знать и беречь историческую правду о Великой Отечественной войне (С. В. Киселев)	5
Наш союз. Из истории общественного движения (К. А. Нюппиева (Соболева))	9
Без срока давности. Геноцид в период финской оккупации Карелии (1941–1944) (С. Г. Веригин)	17
Воспоминания	29
Конференции и встречи КС БМУ. 1989–2022	151
Проектная деятельность Карельского союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей	165
Документы и материалы	232
Имя и знамя Анны Рогозкиной (Ю. В. Шлейкин)	241
Музей военного детства (М. Л. Гольденберг)	246

Документально-художественное издание

МЫ ЕЩЕ ЖИВЫ!

Судьбы бывших малолетних узников фашистских концлагерей

Автор-составитель: К. А. Нюппиева

Идея проекта — Клавдия Нюппиева

Редактор — Юрий Шлейкин

Дизайн, художественное оформление — Александр Коломыцев,
Ольга Ромашкина

Дизайн обложки — Александр Коломыцев

Корректор — Наталья Гурецкая

Библиография — Маргарита Ванчурова

Фото из Национального архива Республики Карелия,
Научного архива КарНЦ РАН, Военного архива Финляндии,
архивов Карельского союза бывших малолетних узников,
Издательства «Острова» и личного архива К. А. Нюппиевой

Авторы фотографий — И. Георгиевский, В. Голубев, Г. Санько

Фото на обложке:

вверху — дети в финском концлагере Петрозаводска.

Июнь 1944 года. Фото: Г. Санько

внизу — юбилейная встреча бывших малолетних узников.

Петрозаводск. 28 июня 2019 года

На титуле:

Фото слева: дети в финском концлагере Петрозаводска.

Июнь 1944 года. Фото: Г. Санько

Фото справа: юбилейная встреча бывших малолетних узников

финских концлагерей. Петрозаводск. 27 июня 2014 года. Фото: В. Голубев

Подписано в печать 31.05.2023. Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 17. Тираж 700 экз. Заказ №

Издано: ООО «Издательство «Острова»

185035, г. Петрозаводск, ул. Кирова, 5, оф. 209

тел. 8 8142 63 26 89

e-mail: izostrova@gmail.com

<http://izostrova.karelia.ru>

Отпечатано в Санкт-Петербургском

филиале ФГУП «Издательство «Наука»

199034, г. Санкт-Петербург,

9-я линия В. о., д 12